

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 8

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Акшин БАБАЕВ. Тупик . Повесть	10
Наргиз БАГИРОВА. <i>Рассказы</i>	71
Марина МУРСАЛОВА. Хоружмен, или Вполне реальная история . <i>Рассказ</i>	101
Марат ШАФИЕВ. Дырявая корзина, полная света	129

ПОЭЗИЯ

Елизавета КАСУМОВА. <i>Стихи</i>	47
Наиля НАДИР. <i>Стихи</i>	89
Енни ХАУКИО. <i>Стихи</i>	118
Ханну МЯКЯЛЯ. <i>Стихи</i>	121
Юрки К. ИХАЛАЙНЕН. <i>Стихи</i>	127

ПУБЛИЦИСТИКА

Низами МАМЕДОВ, Елена МЕЩЕРИНА. Феномен Муслима Магомаева	3
Алина ТАЛЫБОВА. Елена Пастернак: «Средь круговращения земного...»	55
Атабаба ИСМАИЛОГЛУ. Вторым планом	94
Таира ДЖАФАРОВА. Встречи с Финляндией	109

2017

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел публицистики	– Ровшэн КАФАРОВ
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Компьютерная верстка	– Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аксакал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04

Сдано в печать 19.07.2017г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Ранее опубликованные произведения редакцией
не рассматриваются.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

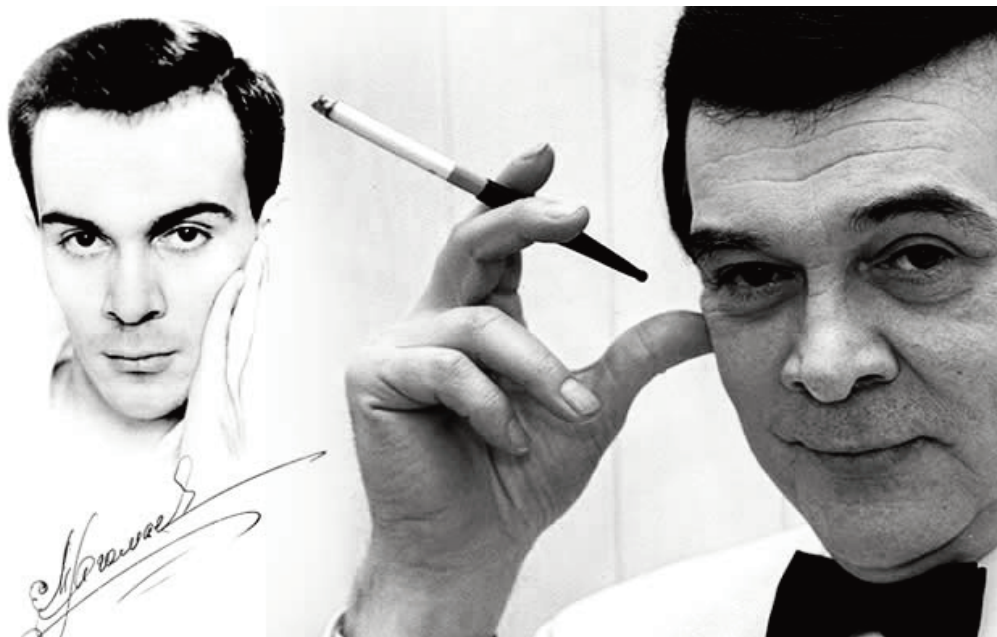
© «Литературный Азербайджан», 2017 г.

МУСЛИМ МАГОМАЕВ – 75

ФЕНОМЕН МУСЛИМА МАГОМАЕВА

Трудно поверить, что Муслиму Магомаеву 75 лет. В нашей памяти он остался молодым, красивым, ярким, потрясающе талантливым человеком. Родился Муслим 17 августа 1942 года в г. Баку. Окончил Азербайджанскую государственную консерваторию. В 1963 году стал солистом Азербайджанского театра оперы и балета. В 1964-1965 годах стажировался в миланском театре «Ла Скала». В 1969 году на фестивале в Сопоте получил I премию, а в Каннах – «Золотую пластинку». В 1973 году был удостоен звания Народного артиста СССР. С 1975 по 1989 год руководил эстрадно-симфоническим оркестром Азербайджана. В 1997 г. именем Муслима Магомаева была названа одна из малых планет Солнечной системы.

Вниманию читателей предлагаем эссе известного философа, публициста, профессора Низами Мамедова и специалиста в области музыкальной эстетики, профессора Елены Мещериной, где многогранный художественный талант Муслима Магомаева раскрыт в целостности.

Орфей XX века

В Древней Греции все оценивалось с позиций единства человека и космоса, духовного и материального, этического и эстетического. Прекрасное – это не только красивое, но и нечто гармоничное, вечное... Орфея обожествляли не только за голос и музыкальность, но и за то, что он принес людям свет, надежду на возрождение.

Двадцатый век принес славу многим замечательным певцам, но мало кто из них заслужил сравнение с Орфеем. Миллионы людей по праву называли Орфеем Муслима

Магомаева. Он был не только великим певцом, талантливым композитором, великолепным пианистом, оригинальным художником и литератором, но и искренним, мудрым человеком. Его неповторимый красивый голос (мягкий баритон, плавно переходящий в высокий бас – редкое природное явление), безупречный артистизм, яркий темперамент и душевная щедрость покоряли людей. Со времен Шаляпина такого взлета в вокальной культуре России не было. Как образно сказал известный молдавский композитор Константин Руснак о Муслиме Магомаеве: «Это был могучий набат, словно грома раскат, пронесся на гребне двадцатого века...»

Магомаев обладал запоминающейся сценической внешностью. Высокий, подтянутый, при появлении на сцене он сразу завладевал вниманием зрителей. Стиль пения Магомаева – это чёткая дикция, интонационная точность вокальной фразы, подлинность переживания, глубокий и проникновенный лиризм. В своих автобиографических очерках он признается: «Игра в страстность не по мне: я могу исполнять только по-настоящему». Возможно, необыкновенное воздействие на слушателей исполнительского искусства Магомаева связано не с «голосовой механикой», а с движением «от сердца – к голосу». Именно об этом говорил певец, отмечая, что его голос, идущий из глубин его существа, требовал отдыха, чтобы «душа перевела дыхание». По его убеждению, если артист выходит «холодным, как олимпийский бог», зал замыкается. Глаза видят, ухо слышит, а сердце молчит. Каждый концерт Муслима Магомаева – откровение, духовное соприкосновение со слушателями, особое взаимодействие со сценой как некоей одушевленной сущностью, которая по его убеждению, любит и вдохновляет таланты и терпеть не может бездарности. На таком уровне концерты действительно можно давать лишь 2-3 раза в месяц.

Диапазон исполнительских возможностей Муслима Магомаева был необычайно широк: от опер до мюзиклов, от народных песен до вокальных произведений азербайджанских, русских, западноевропейских композиторов. Наряду с известными итальянскими оперными партиями в его репертуар входили партии из опер Узеира Гаджибекова и деда Муслима Магомаева. Он чувствовал себя одинаково уверенно, исполняя сложные классические арии, русские романсы, лирические мелодии Пахмутовой, темпераментные ритмы других композиторов. К малоизвестным широкой публике достижениям певца относится записанный после стажировки в Италии с Государственным камерным оркестром Азербайджана вокальный цикл из произведений европейских композиторов XVI-XVIII вв. Исполнение старинной музыки невозможно без освоения особой «инструментальной» техники голосоведения, которую нельзя приобрести «на всю жизнь», поскольку она требует постоянных упражнений.

В целом его выступления отличались многогранностью, он мог петь и нежные душевные песни, и песни, требующие от артиста особой экспрессии и выразительности. Магомаев мог свободно выходить за пределы баритонового репертуара. Так, при исполнении русской народной песни «Вдоль по Питерской» его голос звучит как бас-баритон. В песнях «Вернись в Сорренто», «Гранада» он предстает как блестящий тенор.

Каждая новая песня в его исполнении становилась непревзойденным художественным чудом. Песни, которые он исполнял, сейчас мало кто решается петь, опасаясь не достичь высот его искусства. Надо отметить, что именно Муслим Магомаев по настоящему открыл для советских людей западную эстраду, безукоризненно исполняя на итальянском, английском, французском языках популярные песни.

Собственное музыкальное творчество, композиторское дарование Муслима Магомаева нашли свое достойное воплощение. Он с одинаковым успехом создавал и ли-

рические сочинения, и высоко патриотичные произведения. Достаточно напомнить, что его величественный «Азербайджан» всенародно признан как неофициальный гимн Азербайджанской Республики.

В личности Муслима Магомаева помимо высокого профессионализма всегда чувствовались некая элитарность, подлинный аристократизм, утонченный художественный вкус. В жизни он был человеком доступным, отзывчивым. На сцене он кардинально перевоплощался, всегда умело входил в образ исполняемой арии или песни. Просматривая записи его выступлений с 1963 года, убеждаешься в том, что певец никогда не щадил себя, его отличала высокая требовательность к себе. Эти качества отражают его личность. О необыкновенной самоотдаче Муслима Магомаева на сцене сохранился отзыв Ивана Козловского: «Этот парень совсем себя не бережет».

Истоки

Личностные качества Муслима Магомаева объясняются его происхождением, непростыми перипетиями биографии. Муслима всю жизнь сопровождала аура великого деда, его полного тезки – Муслима Магомаева, одного из основоположников классической азербайджанской музыки, дирижера и композитора. То, что он носил его имя, ко многому обязывало. Как и в других древних культурах, в Азербайджане имя человека считается не просто символом, но и определителем судьбы, смысла жизни...

Отец Муслима – Магомет Магомаев, был талантливым театральным художником и музыкантом. Он погиб в Польше за девять дней до окончания войны. Муслим всю жизнь мысленно с ним общался, сверяя свой жизненный путь с установками, которые дал ему отец в фронтовых письмах.

Муслим внешне очень похож на мать – Айшет Кинжалову, одаренную театральную актрису, обладавшую приятным голосом. В своей книге он с любовью вспоминает ее, сожалеет, что часть жизни рос без материнской ласки. Не отсюда ли его эмоциональность и чувствительность...

Гражданскую позицию Муслима, несомненно, сформировал дядя, известный государственный деятель Джамал Магомаев, который, по существу, усыновил его.

Муслим был счастлив в личной жизни, его не просто любила, а боготворила одаренная певица, красивая женщина – Тамара Синявская. Эта была золотая пара, они были счастливы более 30 лет. Сейчас невозможно без волнения смотреть записи их совместных выступлений.

В своих воспоминаниях Магомаев отдает дань всем воспитателям, педагогам и музыкантам, повлиявшим на его творческую судьбу. Проникновенные строки он посвящает замечательному певцу и пианисту, «человеку ренессансной одаренности» Рауфу Атакишиеву. Искренней признательностью наполнены слова о «великом профессионале», «рыцаре рояля», концертмейстере Магомаева Борисе Абрамовиче, научившего певца «музыкальной логике» выстраивания сольных концертов.

Вместе с тем его анализ жизненного пути, встреч и благодарности подлинным профессионалам включает и горечь от соприкосновения в юные годы с миром «небожителей» – ведущими певцами Большого театра, не нашедшими в его голосе «ничего особенного». Не называя имен и учитывая свой последующий опыт, он лишь делает печальный вывод о том, что «редко кто из больших талантов обладает естественной доброжелательностью». Но этот вывод не имеет отношения к самому Магомаеву, которого отличала столь редкая в творческой среде благородная черта – умение искренне восхищаться талантом других.

Он всю жизнь оставался приверженцем итальянской школы пения, которую отличает особый мелодический стиль (*бельканто*), был почитателем мастерства Беньямино Джильи, Джино Бекки, Тито Гобби, Марио Дель Монако и «мага бельканто» Энрико Карузо. Восхищение талантом легендарного тенора Марио Ланца побудило Магомаева заняться исследованием его творческого пути.

Муслим считал себя азербайджанцем, но сформировался он на стыке двух культур – азербайджанской и русской. Исследователи его творчества часто приводят его образное высказывание: «Азербайджан считаю своим отцом, а Россию – матерью». Певец вспоминает, что его первыми музыкальными опытами, относящимися ко времени обучения в классе детского творчества, были пьесы и романсы «на стихи с детства обожаемого Пушкина».

В конце жизни Магомаев прощался с бесконечно дорогим его сердцу Баку стихами Сергея Есенина «Прощай, Баку», к которым он написал музыку. Великолепное исполнение этого произведения за несколько месяцев до смерти опровергает предположения о том, что он ушел со сцены по причине потери голоса: певческий дар Магомаева остался прежним, голос обладал все той же силой и красотой. Причины неожиданного для почитателей и критиков завершения сценической карьеры певца кроются в беспощадном отношении и высочайшей требовательности к себе как артисту и исполнителю, и в наступивших в стране переменах. Он не терпел «менторства и умничанья», «лукавых суетных комплиментов», «публичной патоки, так называемых, дружеских восторженных оценок». Что касается критики, то здесь уместно привести его собственное суждение последних лет: «Сейчас я знаю о своем творчестве больше самого проникновенного аналитика. И мое мнение о себе безжалостно».

Художник и писатель

Высокая требовательность к себе определяла отношение Магомаева к своим увлечениям живописью, скульптурой, литературой только как к хобби – занятиям «для души и для друзей». Вместе с тем в живописном творчестве певца, на которое, по его признанию, оказал влияние известный художник Александр Шилов, обнаруживаются его музыкальные пристрастия: портреты Верди, Чайковского, несколько работ, посвященных Бетховену (от зарисовки углем – к портрету). Необычное цветовое решение, чувство современности отличают не только портретную, но и пейзажную живопись певца («Николина гора»).

Особо следует отметить литературное творчество Магомаева, без чего его образ остался бы неполным. Кроме известных автобиографических очерков, ему принадлежит замечательная по своей глубине и художественности книга о знаменитом итальянском теноре Марио Ланца – «Великий Ланца». В книге о любимом певце проявилось не только несомненное литературное дарование Магомаева, но и редкая способность соединять аналитический подход с яркой образной формой. Наряду с запоминающимися и документально подтвержденными фактами из биографии Марио Ланца (за материалами Магомаев специально ездил в Америку) в книге содержатся глубокие обобщения, размышления о судьбе художника, о славе и искушениях для ставшего знаменитым артиста. Достоинства книги, несомненно, связаны не только с конгениальностью Магомаева и Ланца, но и с ощущением автора родства со своим героем. Что роднит двух великих певцов? Не только высокий профессионализм и «посвященность» во все тайны вокальной музыки. Если говорить о певческом искусстве, то это, прежде всего, обширный репертуар, экспрессивность, глубина лирического переживания, ар-

тистизм, интонационное богатство и благородство тембра. Если говорить о судьбе, то это оглушительный эстрадный успех, рано обрушившаяся слава, когда «в самое ухо гремят фанфары», «газетно-журнальная лавина» похвал, толпы поклонниц (иногда весьма агрессивных), мечты о сценах ведущих мировых театров. Магомаеву был близок и характер Ланца, главными чертами которого были открытость, искренность, стремление к совершенству, ответственность перед слушателями и в то же время предельная независимость и непредсказуемость в принятии решений.

Размышления Магомаева о Марио Ланца, поворотах его судьбы, его характере, особенностях натуры, отношениях с публикой и близкими людьми есть в то же время анализ собственной жизни, жизни человека, ставшего знаменитым, что означает, «к счастью или сожалению», то, что он уже не принадлежит самому себе. Поэтому так необходимо «проявить характер, чтобы достойно встретить эту «дьявольскую троицу»: огонь, воду и медные трубы».

В книге раздумья о пределах совершенства (Пушкин, Моцарт), о славе (стихия, которая «не укладывается в берега»), светлых и темных ее сторонах («когда нельзя произнести ни слова, чтобы его не услышали, не записали и не продали»), «инерции успеха», «истерии поклонниц», «художественном инстинкте» и «самоотверженном труде» органично сочетаются с описанием конкретных событий из жизни Ланца.

Говоря о начале творческого пути Марио Ланца, Магомаев иногда «растворяется» в переживаниях своего героя, сливаясь с ним эмоционально, сочувствуя и заставляя читателя сочувствовать одаренному юноше, так похожему на него самого. Он вовлекает читателя в «водоворот» панического (из-за присутствия большого числа знаменитостей) волнения певца перед выступлением, с которым он не может справиться, когда он не слышит собственного голоса и выход на сцену – это «как в омут», «как на эшафот», с ощущением зверя, попавшего в капкан. Но со знанием дела Магомаев показывает, как страх и неуверенность постепенно вытесняются вдохновением, и остается только музыка.

Пониманием и горечью наполнены выводы Магомаева о судьбе певца, ставшего «поющим актером», лишь одной из звезд в бездонном небе Голливуда, и только мечтающим о Метрополитен-опера. «Ланца отпил глоток из голливудской чаши и, кажется, не очень-то заметил поначалу, что в ее игристом, хмельном напитке подмешана крепкая доза «опиума»». В судьбе любимого певца Магомаев ощущает не только влияние эпохи, законов времени, «сумасшедшего долларowego апокалипсиса, вихрем налетевшего на XX век» и сделавшего Ланца «жертвой бизнеса» и «роскошной игрушкой». Его обобщения простираются дальше и касаются всех знаменитостей: «Видно, почти каждый великий артист напоминает роскошный особняк, за порогом которого стоит рок».

Эпоха

Верность Муслима Магомаева высоким принципам, нравственным канонам определила то, что он невольно стал духовным олицетворением оптимистического времени, когда люди были уверены в себе, в стране, в завтрашнем дне. И он воодушевленно пел:

*Я смогу держать в ладонях Солнце,
Я пройду сквозь годы – времена,
Я смогу, я все на свете смогу,
Если ты со мною, страна!*

Не случайно его музыка к этой песне в течении многих лет была одной из оптимистических заставок центрального телевидения СССР. Сам Магомаев, его творчество были далеки от политики, но его образ превратился впоследствии в настоящую «политическую бомбу». Твердолобые продюсеры остерегались приглашать его в 90-е годы на телевидение. Одно его появление на экране напоминало людям о благополучных сторонах советского времени.

Муслима Магомаева нельзя представлять без духовной атмосферы, интеллектуального климата социалистического времени, когда он жил яркой жизнью. В то время неопределенность, непредсказуемость судьбы – эти вечные спутники человеческой жизни – в общественном сознании были отодвинуты на второй план благодаря вере в светлое, счастливое будущее. Религия в общественном сознании тогда представлялась анахронизмом, но в обществе присутствовали идеалы, была высокая мораль, вера, надежда и любовь. Казалось, еще немного и гуманизм восторжествует повсюду.

Муслим Магомаев в 60-80-годы прошлого столетия был любимцем народов всего Советского Союза. Потом наступили 90-е, трагические годы. Распались страны социализма, не стало СССР – большой родины Муслима. Его любимый Азербайджан был втянут в кровопролитный карабахский конфликт. Ценивший в людях только человеческие качества, он не понимал сути межнациональных конфликтов. Его интернациональное «бакинское мышление» не воспринимало надвигающийся мрак национализма.

Например, когда композитор Арно Бабаджанян, которого он считал своим другом, и песни которого стали популярными благодаря Муслиму Магомаеву, в интервью, опубликованном в то время в «Комсомольской правде», перечисляя певцов, близких ему по духу, не сказал о Магомаеве ни слова. Муслим не понял истинной причины этого. И в своих мемуарах, спустя 20 лет после этих событий, говоря о выдающихся композиторских качествах Бабаджаняна, он не смог объяснить мотивы его странного поведения...

В смутные 90-е годы Муслим Магомаев, как воплощенный символ оптимизма, не мог петь по определению, он перестал гастролировать по стране. Последние годы Магомаев прожил в Москве, отказываясь от выступлений и не сделав исключения даже для своего 60-летия. Его дом закрылся для журналистов. Случай для эстрады исключительный. Но Магомаев и не был только эстрадным певцом. К счастью, обладая многогранным талантом, он писал музыку, книги, занимался лепкой, рисовал... Его в эти тяжелые дни поддерживала супруга, Тамара Синявская, и близкие друзья. К их числу он сам относил Гейдара Алиева, Араса Агаларова, Александра Шилова, Владимира Атлантова, Эльдара Кулиева, Льва Лещенко, Таира Салахова, Леонида Рошала и др.

Жизнь после смерти

Смерть Муслима Магомаева, без всякого преувеличения, всколыхнула Россию, бывшие республики СССР. Миллионы людей чувствовали, что потеряли нечто сокровенное, радостное, запечатленное в их памяти яркими красками. Москва – этот огромный, многоликий город, не верящий слезам, – искренне горевала по поводу смерти Муслима. Было уникальное всеобщее понимание невозполнимой масштабной утраты. В метро, автобусах, трамваях народ целый день слушал шедевры Магомаева, почти каждый вновь и вновь погружался в текст известных песен, пытался найти в них близкий своему восприятию затаенный смысл.

Сейчас, спустя годы после его смерти, происходит невероятное. Народ словно заново открывает Муслима Магомаева. Певец, подобно слитку золота, не потерял со вре-

менем своей ценности, а наоборот, ее многократно приумножил. Вызывает интерес не только исполнительское искусство Магомаева, но и неотделимая от его творчества и уникального голоса личность, о которой можно сказать словами самого певца об одном из своих учителей: «Он отдавал другим то, что люди обычно оставляют себе».

ких представителя азербайджанской культуры – Низами Гянджеви и Муслим Магомаев...

История памятника Муслиму Магомаеву, поставленного в центре Москвы, в Вознесенском переулке, в этом отношении примечательна. Москвичи все эти годы приносили цветы к посольству Азербайджана, возлагали их к небольшой плите с его фотографией. Цветы оставляли и на ограде сквера рядом с посольством напротив окон дома, где все последние годы жил Муслим. Именно здесь в 2009 г. установили закладной камень будущего памятника, на котором всегда, даже зимой, лежали живые цветы. Примечательно, что в этом сквере с 1991 г. находится памятник классику азербайджанской поэзии, поэту и мыслителю середины XII века Низами Гянджеви, роль которого с большим успехом в фильме Эльдара Кулиева сыграл Муслим.

Надо отдать должное руководству города, которое учло все эти обстоятельства и приняло решение об увековечении памяти любимого народом певца. 15 сентября 2011 г. состоялось открытие памятника Муслиму Магомаеву (работы Александра Рукавишникова и архитектора Илья Вознесенского). Примечательно, что в этом живописном уголке Москвы, вдали от родного края «встретились» два Вели-

Низами МАМЕДОВ
Елена МЕЩЕРИНА

АКШИН БАБАЕВ

Т У П И К

Повесть

Перевод Айтен АКШИН

Солнце уже взошло, все вокруг сияет светом, а у меня тяжесть в груди. Когда проснулся, тоже что-то давило на сердце. И теперь давит. Что мне с того, что деревья все еще стоят зеленые-презеленые, что с того, что слышу перепевку птиц. Уж лучше бы снег пошел, все лучше. Когда на душе кошки скребут, от великолепия природы тоже никакого толку.

До получки еще целый месяц. В левом кармане у меня лишь пять рублей. Пять мятых бумажек. Деньги тоже устают ходить по рукам. Карманы моих брюк тоже устали. И рукава моего пиджака протерлись. А денег на новый костюм у меня нет и до конца года, наверное, тоже не будет. Вчера жена расстелила свое порванное платье на обеденном столе и сидела над ним, задумавшись. Хорошо, что дети пока маленькие. А то с моей зарплатой ни одеть, ни обуть, ни накормить их толком не смог бы.

Кто не знает меня, тот думает, что я важная птица. А все из-за того, что работаю я в гостиничном турбюро и иногда за мной приезжает служебная машина. Она забирает меня, вместе едем в аэропорт гостей встречать. Ну и живущие на нашей улице думают, что я важная птица. Недавно один говорит мне: «Займись-ка ты нашей водой... Не идет ведь совсем». Долго говорили с ним, пока он не понял, что я – человек маленький.

И туристы эти надоели мне порядком. Вечно рот до ушей тяну, а что у меня на душе происходит, никто не знает. Своих проблем с лихвой хватает, да еще с привкусом бедности. А тут еще мой рыжий начальник с косыми глазками, вставными зубами, как увижу его, вообще жить не хочется. Каждый раз перед приездом туристов читает он мне одну и ту же лекцию: «Я, когда тебя на работу брал, вот сердце у меня еще тогда прыг-да-скок делало. Вот терзавшие меня сомнения и оправдываются. Не справляешься ведь с работой. Гости столицы недовольные нами уезжают. И почему такое происходит, спрашивается? Ты учти, что так подставлять азербайджанский народ – это просто преступление. Мы не имеем права расхаживать тут с мрачным выражением лица. А у тебя вечно мерзопакостное выражение лица. И что теперь иностранному гостю думать? Ладно, иностранному, ведь и своим тоже нельзя такое лицо показывать».

Надоело все. Сколько можно все это терпеть? Но хоть тресни, а в другом месте нет работы. Было бы хоть что-то, не задумываясь, сию же секунду написал бы заявление об уходе.

С этими мыслями вышел я с работы.

Увидел Сабира, который стоял на обочине дороги и рассматривал свою ма-

шину. Мы работаем вместе. Спросил его, в чем дело? Сабир сказал, что ума не приложит, где поцарапал машину. Он был очень сильно расстроен. «Наверное, дело рук дворовой ребятни», – сказал он. Потом вздохнул и добавил: «Гараж делать надо».

Сабир проработал пять лет в Афганистане. После возвращения случился у него инфаркт. До отъезда он тоже у нас работал. А как вернулся, помыкаться пришлось, устроили ему тут веселенькую жизнь. Шесть месяцев ходил без работы. Потом подкинули ему работенку. Начальник вечно ворчит ему вслед, говорит, что «он – скупой».

Хоть бы и мне выбраться за границу. Говорят, без толкача не обойтись, уйму денег стоит. Говорят, надо дать в зубы здесь, а потом еще и в Москве. А возвращаться тоже нужно не с пустыми руками... Придешь с пустыми, все тогда. Будешь тогда, как Сабир, мыкаться. Сабир недавно со скандалом добился повышения своей зарплаты. А потом слег и попал в больницу. Нет, такое повышение зарплаты не по мне. А коллеги-сотрудники тоже, словно волчья стая. Один Вагиф чего стоит. Говорит, почему у него – у меня в смысле – зарплата больше моей на целых десять рублей. И Нарындж туда же. Ни стыда, ни совести. Вот что она в тот день заявила Сабиру? Говорит, с какой это стати и по какому праву ты на тридцать рублей больше меня получаешь? А потом еще грудью так очень недвусмысленно колыхнула: «Ладно, ты меня еще попомнишь. Посмотрим, у кого зарплата будет больше». Сабир тоже не удержал язык за зубами: «Мне бы твои данные и возможности, я и больше министра получал бы».

Вообще-то Нарындж на лицо страшенькая, как смерть, но девушка в пышном теле. А это как раз во вкусе нашего косоглазого начальника. Он у нас косит и все видит в двойном изображении. По нему прямо и видно, как он мысленно развлекается, с удовольствием разглядывая каждый раз Нарындж. Интересно только, какой он ее видит своими косыми глазками...

Сабир прервал мои мысли:

– Я тебе говорю, у меня машину поцарапали, а ты стоишь и улыбаешься.

– Я улыбаюсь? – переспросил я с удивлением, потом подумал, что, видимо, пытаясь глазами косоного начальника представить себе Нарындж в двойном изображении, наверное, невольно улыбнулся.

– Садись, – сказал Сабир. – Тебе куда? Довезу давай.

– Если до метро подбросишь, буду тебе благодарен.

Сабир сел за руль. Я рядом.

– А ты подумал, что я тебя до самого Разина повезу?

Сабир знал, где я живу.

– Нет, – сказал я, – даже, если сам захочешь, не позволю.

До метро дорога на машине заняла не больше пяти минут. И все эти пять минут Сабир снова говорил о гараже:

– Раньше всего было дешево. Теперь все дорого. И не знаю, если получится у меня с гаражом. Машину держу на улице. Утром просыпаюсь и первое, что вижу – это то, что птички опять загадили мою машину. А отмывается тяжело... А потом дворовая ребятня... Это разве дети... Хоть бы получилось у меня с гаражом.

Ни Сабир, ни я не знали, что нас ждет завтра. Откуда могли мы это знать?

А на следующий день прямо у нас на глазах на работе Сабир неожиданно умер.

Есть у нас один работник по имени Фархад. Так вот он аж побелел от шока. Он сначала бросился к Сабиру разжимать его стиснутые зубы и разжал, словно скован-

ные в одно целое его зубы, Сабир и испустил дух. Фархад подумал, что Сабир дышит. Но только это был последний вздох бедолаги.

Наутро пошли мы к Сабиру домой. Было немного людей. Во дворе стояла траурная палатка. Было холодно. Мы сели, пригубили чай. Разговоры велись вокруг голода и недостатка. Молла прочитал «Аль-Фатиху». Мы вышли из палатки и встали во дворе. Спустили траурные носилки с телом умершего. Жена Сабира плакала навзрыд ..., так горестно..., ее плач до сих пор у меня в ушах, она все говорила: «Ах, Сабир... Ах, Сабир...»

Когда добрались до кладбища, пошел дождь. Молла поспешно дочитал суру. Сабира торопливо закопали. Сверху уложили камни. Быстро замуровали. Прочно. Если бы Сабир ожил, то не смог бы сдвинуть эти камни.

Сам не знаю, как эта мысль пришла мне в голову. Разве мертвые могут ожить?

Через день после похорон Сабира мы узнали, что Вагиф был у начальника и умолял его: «Мне дайте место Сабира, прошу вас, мне». Даже наш рыжий начальник рассердился на него. «Совести у тебя нет, – сказал он, – его же только вчера похоронили». А Вагиф не растерялся и тут же сказал, что «испугался, что опоздает со своей просьбой».

Когда мне это все рассказали, я сильно расстроился... Какими же стали люди... Как обмельчали... Люди ли?...

С этими мыслями возвратился домой. А дома еще больше расстроился. Оказывается, жена по дороге домой с работы, она в библиотеке работает, упала, и ее отвезли в больницу. У нее такой сильный перелом, что ее прооперировали под наркозом. А я совершенно ничего об этом не знаю. Из больницы до сестры ее дозвонились. Как только золовка увидела меня, со слезами сказала:

– Этой ночью я должна быть с Фирузой. Ты сходи к ней и возвращайся, потом я пойду. Только деньги возьми. У тебя деньги есть?

– Есть, – ответил я.

Сын и дочь испуганно тарасили глазенки на меня. Я вышел на улицу. Сел в автобус, добрался до городской больницы. Дверь была закрыта. Постучался. Подошла какая-то женщина.

– Что надо, что хочешь? – тут же закричала она.

– Открой дверь, к больной иду, – сказал я.

– Нет у меня ключа.

– Прошу тебя, открой.

– Валлах, нет у меня ключа.

Я вытащил из кармана трешку и показал ей через окошко в двери. Она открыла дверь, я сунул ей трешку и сказал:

– Больше не клянись Аллахом, когда врешь.

Женщина побледнела.

– А-а-а..., я вовсе и не клялась Аллахом..., а-а-а..., вот, делай после этого людям хорошее...

– А что такое тогда «Валлах»?

– А ну-ка, давай, уходи отсюда и трешка твоя мне не нужна.

Не стал я больше с ней препираться. Пошел в палату, где Фируза лежала.

Цвет лица Фирузы был серым.

– Да уж, навалилось на нас счастье, – сказала она вместо приветствия.

– Как это случилось? – спросил я.

– Случилось, да... – ответила она. – Ты вот что, я ведь тебя знаю. С трудом концы с концами сводим, а ты себя так ведешь, что все думают, будто у нас денег куры не клюют. Ты здесь не начинай всем подряд деньги раздавать...

Ну, мало ли что Фируза скажет. Всем, кто заглядывал в палату в белых халатах, я совал трешки и пятерки. И все сначала ломались, а потом брали. Не успел оглянуться, как в карманах опять пусто стало. Фируза страшно рассердилась.

– Что ты деньги разбазариваешь?! Целый месяц хочу купить шерстяные нитки. Если у тебя столько денег было, дал бы, я бы на них нитки купила...

– И нитки тоже купим, – заверил ее я. – Это мои «НЗ»-деньги.

– Что такое «НЗ»?

– Неприкосновенный запас.

– Эх, ты, – вздохнула Фируза. – Я тут каждую копейку считаю, а он «НЗ» собирает. А мы за свет еще не заплатили..., как только придешь домой, посчитай, запиши, сколько должны, и завтра же заплати.

Я осторожно придвинулся к Фирузе.

– У меня дома сто двадцать пять «НЗ»-рублей. Но их придется, наверное, отдать хирургу...

Глаза Фирузы затуманились.

– А я еще тут думаю, интересно, сколько у него этого «НЗ»... Откроешь дома ящик моей тумбочки, там зарплата лежит, не задерживай с оплатой электричества. А врачу мы сто рублей должны дать, а не сто двадцать пять.

Домой вернулся на метро. Вагон был переполненным. Кругом люди, и все хорошо одеты. На всех дорогая одежда. Интересно, откуда у них деньги?

Дома детишки снова вытаращили на меня глазенки. Сынишка спросил:

– Как мама?

– Хорошо, – ответил я.

– А когда ты возьмешь нас к маме? – спросила дочка.

– Завтра, – сказал я.

Сестра Фирузы приготовила еду и заварила мне чай. Как только я вернулся, она ушла. Я остался с детьми. Просмотрел их домашние задания. Вскоре они легли спать, и я остался один. Снова мысли о том, где достать денег, удавом легли мне на горло.

«Ну, где это видано: всю жизнь учишься, трудись в поте лица, и сам работай, и жена, а маленькую семью в четыре человека не можешь прокормить?»

Я встал, выдвинул ящик, взял зарплату, семьдесят пять рублей. На них как раз можно купить десять мотков шерстяных ниток. Пропади все пропадом... Разве я не живу все время в долг? Опять займу. А деньги эти вложу в нитки. Пусть порадует Фируза. Бедняжка. До больницы этой недавно за завтраком она такое мне сказала, что аж сердце у меня заныло. Сказала, что не было ей счастья в этой жизни. И так она это сказала, будто завещание свое уже составила. А что, жизнь она такая... С Сабиром вон ведь как получилось. Переживал за гараж, а и не знал, что жить ему всего один-единственный день остался. А если бы знал, что сделал бы? Нет, а действительно...

Например, если мне вдруг скажут, что сегодня твой последний день, а завтра ты умрешь. Отвезут тебя в мечеть, обмоют и завернут в саван, а потом закопают. В запасе всего один день. Живи на полную катушку. Интересно, что бы я сделал? А что

бы сделал – ничего бы не сделал. Денег у меня нет, добра не нажил. Не брать же в долг... Если возьму в долг, на следующий день возьмутся за горло моей семьи... Эх, если бы знал, что мне жить всего день остался, ничего бы не делал. Только сидел бы и горевал, думая о том, каково детям моим будет без меня. Как бедняжка Фируза будет одна все на себе тащить. Вот поэтому пока, браток, ты не под землей, а на земле, нужно радоваться. Был бы кусок хлеба, да и здоровье.

Но ведь и так по жизни тоже нельзя волочиться. Я ведь не живу, а волочусь по жизни. Фируза говорит, что я не могу зарабатывать денег. А в последнее время говорит, что на работу ей тяжело ходить, потому что стыдно. Все хорошо одеваются, кроме нее. Говорит, что как нищенка ходит. Интересно, что же мне делать? Где же найти хорошую работу? Но ведь, чтобы перейти на хорошую работу, нужно дать деньги...

Есть у нас один знакомый, директор техникума. Так вот он говорит, что для того, чтобы перейти на эту должность, он заплатил десять тысяч рублей. Интересно, откуда он сумел заработать столько денег? Как? До этого работал он в средней школе, а потом дал взятку и перешел в техникум. А как он заработал столько денег в средней школе? Как можно собрать столько денег у родителей школьников? Нет, наверное, ему наследство большое досталось от его родителей. А у меня бедного и родители раньше времени перешли в мир иной... Но я никогда не плачусь кому-то в жилетку, не жалею на свою бедность. Нет, так нет... Плакаться какой смысл?

Был у нас на работе один, уехал потом работать за границу, неплохо зарабатывал. Но домой отписывался родителям, что еле-еле концы с концами сводит в стране, где царит голод. Повстречал я как-то его отца. А тот тут же начал горестно восклицать:

– Ах, бедный Эльнур, сам своими руками загнал себя в западню. Уехал за границу. А там голод.

Если слово просится на язык, то его надо произнести. Такой уж у меня характер, был бы другой, я бы далеко пошел. Ну, и сказал я старику, чтобы за Эльнура своего он не переживал так, потому что настоящий голод – у нас в стране, а Эльнур – как сыр в масле катается. Разозлился старик не на шутку. Он коммунист еще той, старой закалки. Махнул рукой и ушел, но перед этим сказал мне пару крепких...

В ту ночь уснуть мне не удалось, невеселые мысли о голоде и бедности не давали мне покоя, с ними и встретил утро. Встал, заварил чай, разбудил детей, накормил и отправил в школу. Потом взял из своего «НЗ» сто рублей, осталась одна двадцатипятирублевка. Сто рублей положил в боковой карман, двадцать пять – в верхний и вышел из дома.

Как назло, опять весь мир был залит светом. Ума не приложу, что происходит. И времена года местами поменялись. Откуда в ноябре такая теплынь? Вот сказал себе «ноябрь» и только сейчас вспомнил, что у меня завтра день рождения. Мне исполнится тридцать четыре года. Да ну, какой там еще день рождения. Если кто позвонит, скажу, Фируза в больнице. Не справляю я день рождения. Ведь если кто придет, то надо на стол что-то поставить... Ну, ладно... Пойду в больницу, отдам сто рублей профессору, который сделал операцию, и успокоюсь. А то говорят, что если не дать денег, то врачи могут рассердиться и нарочно что-то подпортить так, что состояние пациента ухудшится. Да уж, не хочется, чтобы врач что-то подпортил...

И вообще, да хранит нас всех Всевышний и держит подальше от врачей. Хотя, что правда, то правда: нельзя всех под одну гребенку стричь. Есть, говорят, один

врач, который денег не берет. А, может, и берет. Об этом только один Аллах знает. Ну, ладно, вот я уже перед зданием больницы. За пять рублей я купил коробку конфет, называется «Птичье молоко», сторожике у дверей дал рубль, на трешку уже не было сил. Женщина радостно открыла дверь и впустила меня, я сунул ей рубль и по глазам увидел, что то, что она тут же зажала у себя в кулаке, считает за трешку. Знаю, что потом вслед мне выругается с досады. Ну, что поделаешь.

Фируза отчитала меня за коробку конфет. Спросила, за сколько взял. Когда услышала, что за пять рублей, лишь вздохнула. Сказала, что если бы я добавил к тем пяти еще два с половиной рубля, то как раз хватило бы на моток ниток. На моток шерстяных ниток. «Ну, все, сию же минуту иду за нитками», – мысленно поклялся я себе. А Фируза словно в унисон с моими мыслями добавила:

– Вот были бы нитки, все равно без дела лежу тут, хоть связала бы что-то. Скучно мне тут. И встать не могу.

Я попрощался с Фирузой. Сначала заглянул на работу. Разговор шел лишь о Сабире. Нарындж сказала:

– Сабир сам себя сгубил, и все из-за каких-то тридцати рублей. Видела, как он шел к начальнику, чтобы себе зарплату прибавить, нервничал страшно. Аж трясся весь.

Вагиф возразил:

– Не, его Афганистан убил. Это тебе не шутка. Пять лет проработать в Афганистане, под пулями и снарядами.

Фархад сильно расстроился:

– Почему не говорите, что его мы убили. Давайте начистоту говорить...

Нарындж тут же расสวิрепела, Фархаду чуть ли не в глотку готова была вцепиться:

– Ты что это такое себе позволяешь? С какой это стати? Почему это мы его убили? Если бы мы его убили, то до него начальника бы своего уже убили... Что только мы не устраиваем ему, бедному. И глаза у него косить стали из-за нас. Бедолага, когда сюда пришел работать, вовсе не косил. Клянусь здоровьем моего дорогого папочки, что раньше начальник наш не был косоглазым...

Фархад в ответ усмехнулся и сказал Нарындж такое, что та чуть дар речи от возмущения не потеряла:

– У начальника нашего косоглазие развилось от того, что он все время пялится на твои формы, которые не такие уж и идеальные... Поверь мне на слово...

Нарындж вскочила, схватила со стола первое, что попало под руку. А попала ей под руки городская телефонная книжка, ну и она запустила ею прямым в голову Фархада. В это самое время открылась дверь и впустила нашего начальника, который уставился тут же на меня одним глазом и незамедлительно заорал:

– Нечего тут болтаться, езжай в аэропорт! Туристы приезжают!

Потом повернулся к Фархаду:

– И ты с ним! Бегом!

Выходя, он сказал Нарындж:

– Ваш отдел – гнездо разгильдяев! За безделье еще и зарплату получаете. Эльнур уехал за границу, его штат я сократил. И то же самое сделаю с местом Сабира. А не угомонитесь, вообще отдел закрою. Все отделы перед мной, как лист перед травой, все, кроме вашего!

Начальник поворчал еще, а, выходя из комнаты, сильно скосил глаза и сказал:

– А ты зайди ко мне.

Левый глаз начальника смотрел на меня, правый – на Нарындж.

Дверь за ним захлопнулась.

– Ну, и кого он к себе позвал? – спросил я с интересом.

– Естественно, меня. На что ты ему сдался? – сказала Нарындж и, недвусмысленно покачивая бедрами, вышла из комнаты.

Фархад проводил ее многозначительным взглядом, потом повернулся ко мне.

– Узнай у администратора, какой из автобусов нам выделили.

– Знаешь, Фархад, – сказал я, – это все я узнаю. Это не трудно. Но есть у меня просьба. В аэропорт поезжай один. Фируза упала и сломала ногу, забрали в больницу ее.

Фархад обеспокоенно спросил:

– Где? Как это случилось? Может, что-то нужно? Может, деньги нужны?

– Нет, – ответил я и тут же пожалел о сказанном.

Ведь я именно у Фархада собирался одолжить. Почему постеснялся? У кого еще я могу попросить взаймы... У Фархада, слава богу, достаток есть. И пусть еще приумножается. И отцу его, дай-то бог и дальше здоровья.

Нарындж уже вернулась, рот до ушей. Интересно, что ей такое сказал начальник, что она такая довольная. Напрасно Фархад в ее присутствии сказал мне, чтобы я не беспокоился, что в аэропорт он поедет один, а я могу идти в больницу. А любопытная Нарындж даже не поинтересовалась, какая еще больница, не спросила, что случилось...

На следующий день я узнал, что, как только я вышел, она тут же побежала к начальнику и все ему доложила. Ну, и косые глазки начальника повылазили из орбит.

– Ну, все. Это мое последнее предупреждение ему. Кто не выполняет моих распоряжений, того ожидает одно – увольнение. Так ему и передайте.

А мне все до лампочки. Из дома я взял деньги и купил на них нитки, у соседа занял сто рублей. А как Фируза обрадовалась, когда увидела нитки, и не описать... И детей отвел к ней в больницу. Правда, Фируза опять отчитала меня: за то, что привел детей в больницу. Но ведь я им обещал...

– Ну, и что теперь?

Это был уже голос начальника. Странно. Глаза его смотрели прямо на меня и ничуть не косили. Боже ты мой, такое возможно вообще? А ведь и Фархад говорил, только я и ему не верил. Несколько раз Фархад говорил, что наш начальник не всегда косит. Вот тебе на, глаза его и правда прямехонько смотрели на меня...

– Я с тобой разговариваю, ишак!

Ну, это уже переходит всякие границы. Захотел я возразить начальнику, что он сам – ишак, что весь род его до седьмого колена самый что ни на есть – ишачий. Но сначала перед глазами встала Фируза со сломанной ногой на больничной койке. А потом детишки с бледными личиками и испуганными глазками. Если без работы останусь, куда я денусь? Мандарины на базаре стоят двенадцать рублей за килограмм. Детишкам своим пока не смог такие купить. Те, что за пять рублей в магазине, их есть невозможно. Так что лучше молчать, не отвечать, ничего не говорить. Оттого, что он обозвал меня ишаком, я же не превратился тут же в ишака... И уши не выросли, и хвост не появился. Я – человек. Вот если бы и вправду был ишаком, то испустил бы сейчас самый настоящий ишачий возглас. Или повернулся бы задом к начальнику и

лягнул бы его... в самое его больное место, а потом перевернул бы здесь все вверх дном...

– Почему вчера не поехал в аэропорт?

– Жена у меня в больнице, ногу сломала.

– Ну и черт с ней, мне-то какое до этого дело...

Терпи, терпи, не взрывайся. Начальник тоже не на пустом месте на меня взъелся. Я ведь тоже хорош. Мог бы ведь у него отпроситься.

В общем, разыскал я Фархада, принял у него туристов и сказал ему, чтобы он шел домой отдыхать. И чтобы только вечером пришел, когда туристы ужинать будут.

– Сегодня четверг ведь, – сказал Фархад. – Нужно к Сабиру домой пойти.

– Ты сходи, – сказал я. – У меня не получится снова уйти. Меня начальник сейчас так пропесочил.

Однако у Фархада уже был готов план. Он сказал, что вечером у туристов культурная программа, они пойдут на концерт. И с этим вполне справится водитель, с которым он заранее переговорит. Предупредит он и главу туристической группы.

Ну я и согласился. Будь, что будет. Где наше не пропадало. Правда, перед моим мысленным взором тут же нарисовался начальник и заорал: «Ишак!» И только сейчас вдруг поплыло у меня все перед глазами от охватившей меня запоздалой ярости...

Ну, почему я не сломал стул об его голову? Почему не разбил в кровь это ненавистное рыжее веснушчатое лицо с косыми глазками? Как я вообще сумел сдержаться? ... Ну,- да, если бы не сдержался, то сидел бы уже сейчас... Да, ладно, как будто я драться умею... Так, хорохорюсь, а человека ударить не смогу, даже если он – самый большой ишак на свете...

После того, как мы с Фархадом отправили туристов на концерт, сами пошли к Сабиру домой. На улице было холодно. Снова ощутил я дыхание настоящей поздней осени... Сели в автобус. Всю дорогу молчали, ни я, ни Фархад не проронили ни слова. Каждый думал о своем.

Я должен был найти какой-то способ, чтобы заработать хоть немного денег. Выхода не было. Я был готов и сторожем пойти работать.

Холод на кладбище был особенным, буквально пронизывал до костей. Я смотрел на могильный холмик Сабир с уже увядшими цветами.

Бедный Сабир. Под землей.

Молла читал «Ясин», закончил, потом прочитал «Аль-Фатиху». Сели в автобус. Фархад похлопал меня по спине.

– О чем это так задумался?

– Да, так...

– Говори – не тяни, что за проблемы.

Я склонился к нему и сказал на ухо:

– Деньги. Согласен и сторожем пойти работать. Только вот куда?

Фархад ничего не ответил. Только, когда подъехали к городу, сказал:

– Я найду что-нибудь для тебя. Есть у меня один знакомый. Ну, посмотрим...

Я прямо ожил и не знал, что сказать Фархаду, как выразить свою благодарность.

А через два дня Фархад меня по-настоящему обрадовал:

– Нашел, нашел для тебя работу!

Счастье мое было неопишваемым. Я прямехонько направился в указанное Фар-

хадом место – в типографию. Директором оказался высокий мужчина. Он изучающе взглянул на меня.

– Бывшего сторожа я прогнал, – заявил он мне. – Женщин сюда приводил. Застукал я его однажды. А наутро дал пинка под зад и выгнал.

Поняв, что я ничего ему на это не скажу, а так и буду на него с удивлением смотреть, директор поднялся со своего места, надел свой кожаный плащ, накинул на шею шелковый шарф и торжественно сказал:

– Напиши заявление, отнеси секретарше, работать будешь с завтрашнего дня, с шести вечера до девяти утра. И не вздумай тут у меня спать... Здесь у меня сокровищница. Так и знай. Бумага сейчас – самый большой дефицит, на вес золота.

Директор вышел. И я за ним. Во дворе стоял автомобиль «Волга – Газ-24», цвета кофе с молоком. Оказалось, что это его личный автомобиль. Он сел и укатил.

Интересно, откуда у него деньги на такую машину? Откуда вообще у людей деньги? Вот я не верю, что у меня когда-нибудь вообще столько денег может быть.

Подумал я так и тут же себя одернул: «Все, хватит людям завидовать, кто умеет зарабатывать, тот и молодец».

Ну вот месяц уже, как я так отработал сторожем. Фируза радуется. На сто рублей больше стало у нас.

Но только один всего лишь месяц и радовались мы.

В одну из ночей... в типографии случился пожар. Клянусь, я не спал вовсе. Выскочил на улицу. Добежал до телефонной будки. Только у телефона в будке кто-то оторвал трубку. Стал искать другую будку. Так и бегал туда-сюда. Сердце аж зашлось. Наконец-то, отыскал телефонную будку, где все было в исправности. Но только, когда пожарная команда приехала, уже было поздно. Большая часть бумаги сгорела.

Директор меня выгнал с работы. А не посадили меня только из-за отсутствия вины. Рядом с типографией шло строительство. Ну и рабочие вечером развели костер, а уходя, не потушили его как следует. Ветер перенес тлеющие угли на деревянную будку, а потом огонь перекинулся и на типографию.

Фируза очень сильно расстроилась... И не знал, как ее успокоить. Ну и пришла мне в голову мысль, что лучше наврать ей. И сказал я Фирузе, что все это ерунда, потому что скоро мы поедем на работу за границу. Мне пообещали.

– За границу? И что ты будешь там делать? – спросила Фируза с интересом.

– Найдется, что делать, – ответил я ей. – Есть культурные центры, посольства. Гостей встречать и принимать – там тоже без этого не обходится... Могу и водителем. Я же могу машину водить. Без разницы, что именно делать, главное – за границу поехать.

Фируза вздохнула и протяжно так выдохнула «а-ах», а потом сказала:

– Интересно, у нас тоже когда-нибудь будет дома вдосталь еды. Дети бледненькие такие..., дома ни яблочка...

– Куплю, – заверил я ее.

Между прочим, у продавцов яблок на базаре, честное слово, совсем совести не осталось, да и стыда тоже. Ну, где это видано, чтобы килограмм яблок пять рублей стоил? А в продовольственном на углу, так те не то, что есть, на них и смотреть невозможно. У нас в деревне такие яблоки не считались съедобными, они скоту на корм шли.

Дожили... Интересно, что дальше будет?

Когда совсем сил не остается мысли свои в себе удерживать, то делюсь с Фирузой, а теперь еще и с Фархадом. И сегодня, как только пришел на работу, рассказал и Фархаду про пожар.

Фархад тоже расстроился. Долго молчал.

– Ну, что теперь для тебя придумать?

В комнате, кроме нас, никого больше не было. Нарындрж снова вызвал начальник. Вагиф был в отпуске.

– Может, сможешь мне за границу уехать? – спросил я Фархада.

– Не знаю. Есть один знакомый. Может быть, что-то и получится, – ответил Фархад.

Его «может быть» дома я так приукрасил, передавая мой разговор с Фархадом Фирузе, что она прямо на глазах похорошела.

– Неужели, и у меня тоже будет лайковый плащ?

– Ну, вот, – пожурил я ее, – только что о еде беспокоилась, а уже перешла на лайку.

Фируза снова протяжно выдохнула «а-ах» и сказала:

– Один раз на свете этом живем. Один лишь раз. Так хочется пожить... Как я устала копейки считать... Только за электричество так много уходит. И счет только увеличивается из месяца в месяц. А ты свет всегда оставляешь. И обижаешься, когда напоминаю. Телевизор смотришь, а в коридоре свет просто так горит себе. А-ах, хотя бы это дело с границей получилось.

– Получится, получится, я и обет дал, – сказал я. – И в нарданский пир, и на могилу святого Мир-Мовсум-аги съездим, «Ясин» закажем.

– Аллах пусть благословит твои обеты, – сказала Фируза и показала мне священный ею свитер. – Тебе вот связала... Тебе. Забери ты меня отсюда за границу, знаешь, какие свитера тебе еще свяжу...

Жаль мне стало Фирузу. Никогда о себе ведь не подумает. Всегда такой была. И когда в доме достаточно фруктов, и тогда ведь не притронется и есть не будет. Скажет, что не хочется. А я знаю, что она врет. Из-за детей не ест. Не ест, чтобы детям больше досталось.

В ту самую ночь сон мне приснился. Приснилось, что я в какой-то арабской стране. Полно маленьких в один ряд магазинчиков. И все в них есть. Мясо, масло, много модной одежды... Рис, так вообще – мешками. А сколько кусков стирального мыла! Клянусь, вот, чтоб мне провалиться. И спички, и сигареты, всего навалом. Проснулся, понял, что это был сон. Встал, выпил чаю. Пошел на работу. Фархад уже меня ждал. Сказал, что с меня магарыч.

– Давай, заполняй анкету. Кажется, получится с твоей границей. Я все обговорил. Твоей «крышей» я теперь буду.

Я крепко обнял Фархада. Не знаю, сколько раз и как благодарил его, все мало казалось...

Не смог я дождаться, пока до дома доберусь. Позвонил в библиотеку, попросил позвать Фирузу и сказал ей, что с границей получается...

Вечером дома у нас был настоящий праздник. Сын спросил:

– А нас тоже с собой возьмете?

Спрашивая это, он обнял за плечи свою сестренку.

– Конечно, – ответил ему. – Там тоже школа есть, будете учиться.

Потом повернулся к Фирузе:

– У детей проблема с языком будет...

– Почему? Какая еще проблема с языком? – не поняла Фируза.

– Ведь посольские школы за границей все на русском языке...

Давно я не слышал, чтобы Фируза так звонко и от души смеялась, и так заразительно, что, глядя на нее и не зная причины этого веселья, и дети стали громко смеяться. Ну, и я тоже присоединился ко всем. Да, давно мы так все от души не смеялись. Потом повернулся снова к Фирузе, у которой от смеха аж слезы на глазах выступили, и спросил:

– А что я такого смешного сказал?

– Ты – смешной: как будто мы все другие наши проблемы уже решили и теперь только по этому поводу переживать будем.

Я проворно достал из папки анкеты:

– Ну вот, – сказал я, – вот видишь, и анкеты мне уже дали.

Фируза смахнула с глаз выступившие от смеха слезы, снова широко улыбнулась и сказала:

– Кажется, начинаю верить, что мы и правда поедем...

– Конечно, поедем, – уверил я ее.

Дочка радостно вскочила. Вытянула вверх правую руку и закричала:

– А мы поедем, мы поедем, за границу мы поедем!

И опять мы все долго смеялись.

После того, как дети уснули, мы заполнили анкеты. Аккуратно. Не спеша. Мы были так счастливы...

Утром я тоже проснулся счастливым. А все оттого, что проснулся я с такими мыслями: «Сброшу я, наконец-то, с себя эту печать бедности. Будем жить, как люди. Эту однокомнатную я обменяю на город. Куплю машину. Бедняжка Фируза. И на нашей улице, оказывается, может быть праздник. Ну да, ведь у нас совсем никого нет. У меня, правда, есть одна тетя. Но и та болеет сильно».

Мы с Фирузой сироты. Оба выросли в детском доме. Меня, правда, потом тетя разыскала. У тети один сын и две дочери. Иногда видимся. В последнее время сдала она очень. Муж ее давно умер. Покойного я видел лишь пару раз. А тетя потом так и не вышла замуж. Работала кассиршей в кинотеатре. Теперь уже не работает. Болезнь не дает.

Что это я сегодня, как проснулся, так и вспомнил о ней. Наверное, нужно бы пойти проведать ее? А, может, лучше позвонить? Нет, не нужно звонить, нужно самому сходить. Как говорится, настоящее паломничество все-таки то, которое сам совершил, а не кому-то поручил. Да, сам схожу. Фирузу с детьми тоже с собой возьму.

Сегодня, как только вышел на работу, сразу поискал глазами Фархада. Но его нигде не было. Зато Нарындж была и опять в новом платье.

Никто столько нарядов за неделю не сменит, сколько Нарындж. Вот треснет, но обязательно что-то новое нацепит на себя. Ну, скажите вы мне ради всего святого, ну, откуда у этой Нарындж деньги? Ну да, говорят, что папаша ее шашлычник и еще, что у него кооператив. И поэтому Нарындж так дорого и модно одевается... Только я вот из принципа не обращаю внимания на ее дорогие наряды и обычно делаю вид, что ничего не заметил. Обычно. Но не сегодня. Ведь сегодня у меня хорошее настроение...

– Нарындж-ханым, с обновкой вас, очень красивое платье.

И так, словно два угля горящие глаза Нарындж аж запылали от удивления.

– Ну, спасибо. Спасибо. С чего это вдруг прозрел, внимательный стал, обновку мою заметил?

Я встал и приблизился к Нарындж.

– А что, разве я слепой, что у меня глаз, что ли нет?

– Есть, конечно. Только глаза твои одно ищут, где бы деньги раздобыть. А красоту и не замечаешь.

Я невольно вздохнул и нехотя выдавил из себя.

– Эх... Нарындж-ханым, Нарындж-ханым. Нужда не красит. Если не получается жить так, как хочется, то и красоту вокруг перестаешь замечать.

– Ой, ладно, я тебя умоляю, не плачься.

Слова Нарындж звонкой оплеухой приземлились на мою тут же покрасневшую щеку.

– Нет, я не плачусь, – сказал я ей.

Нарындж усмехнулась.

– Нужно уметь наслаждаться жизнью. И за границу ехать тоже нужно деньков на десять или на месяц. Не на два-три года, не на заработки. Жизнь и так коротка, нечего ее на чужбину еще тратить. Нужно просто в этой жизни кайфовать.

Хорошо, что Фархад пришел, иначе не отстала бы от меня эта Нарындж.

– Ну, – сказал он, – чего это вы тут уединились. Шептание по углам до добра не доводит... Я вас предупредил.

– А мы тут просто беседуем. Вот, обсуждаем новое платье Нарындж.

Фархад усмехнулся. Поздравил Нарындж с обновкой. Нарындж пококотничала, а потом под предлогом того, что сейчас вернется, вышла из комнаты.

Подходящий момент. Я быстро протянул анкеты Фархаду.

– Пока Нарындж не вернулась, я дам тебе анкеты.

Фархад взял у меня анкеты.

– А Нарындж в курсе, – сказал он. – А что тут такого тайного?

– Не знаю, – сказал. – А вдруг ничего не получится. Только опозорюсь.

– Получится! Обязательно получится!

Слова Фархада меня окрылили.

Жаль, что Фирузы здесь нет, жаль, что не слышит, как Фархад говорит мне, что «получится, обязательно получится».

– Что – не веришь? – спросил Фархад.

– Нет, что ты, верю. Конечно, верю.

Потом он куда-то позвонил и начал разговаривать. Сказал, что мы скоро будем.

– Ну, поехали!

Это Фархад сказал мне таким решительным тоном, словно уже провожал меня за границу.

Когда мы вышли из комнаты, в коридоре столкнулись с Нарындж.

– Куда это? – спросила она. – Начальства не боитесь?

– Через полчаса будем, – сказал Фархад.

Выйдя на улицу, стали искать попутку. Но никто не останавливался. Пришлось сесть в автобус. Были свободные места, сели. Сидевшие неподалеку старики продолжили беседу. Один сказал другому:

– Животные чувствуют приближение землетрясения, точно так же и надви-

гающийся голод. Нас ожидает голод. Уже нечего есть. Эти кооперативы, провалились бы они сквозь землю, выкупают все мясо, жарят шашлыки и зарабатывают на этом, а нам остается консервами питаться. У меня на даче в Шувелане всегда много было бродячих кошек и собак. Я их подкармливал, и ели они у меня чуть ли не из одной миски. А сейчас поехал, вижу, во дворе одни псы разгуливают и ни одной кошки. Спросил соседа. А он говорит, что собаки всех кошек съели. Не приведи господь. Только значит все это то, что впереди нас точно ждет голод.

Этот рассказ старика оставил у меня тягостное впечатление. Весь день потом только над этим и размышлял. Как пришел домой, рассказал все Фирузе. А дочка, как назло, тоже услышала. И сразу расплакалась. Кошек ей жалко стало. Еле утешил. Хорошо, что анкеты я уже отдал другу Фархада. И как только перевел разговор на анкеты и границу, у всех сразу же настроение улучшилось.

– Ну, давай, расскажи все по порядку, как с анкетами вышло? – попросила Фируза.

Я начал рассказывать ей о знакомом Фархада:

– Видный такой мужчина. Где-то за пятьдесят ему будет. Волосы седые, лицо моложавое, и сразу видно, что при деньгах. Одет, как с витрины. Сначала на анкеты взглянул, потом на меня. Сказал мне: «Хорошо, я сам позвоню и вызову тебя».

Фируза по своему обыкновению вздохнула:

– Эх, знать бы, сколько еще ждать. А Фархад что говорит? Ах, скорее бы получилось у нас с этой границей...

– Фархад говорит, что дней через пятнадцать или через месяц будет известно.

– Аминь, – сказала Фируза и ушла на кухню.

Потом вернулась и накрыла на стол.

Только собрались поужинать, как зазвонил телефон. Это был мой двоюродный брат. С печальной новостью. Тетя моя скончалась. Странно. Только ведь вчера вспоминал ее. Может, хотела меня видеть? И потому я о ней подумал? Я оделся. Фируза тоже засобирилась. Сказал ей – нет. С детьми останься. Когда выходил, Фируза шепнула мне так, чтобы дети не слышали:

– Как с деньгами-то на поминки? Ведь деньги нужно дать...

– Дадим, что-нибудь придумаю, – сказал я и вышел из дома.

А что я интересно придумаю? Придется у Фархада сто рублей одолжить.

Тетины дети тоже концы с концами еле-еле сводят. Одна из дочерей учительницей в школе работает, она честная – для коллег своих, правда, дурочка, потому что на одну зарплату живет, вымогательством не занимается, другая дочь, как и Фируза, – библиотекарь. Ну, а сын нефтяником работает. Так что, одним словом, живут они – впроголодь. Нужно им обязательно помочь. Моих ста рублей, правда, даже на покупку лимона для одного поминального четверга не хватит, но все же какая-никакая, а помощь...

В квартире у тети было много людей. Покойную уже омыли и привезли обратно из мечети. Я хотел было быстро пройти в комнату для мужчин, но меня в коридоре увидела младшая дочь тети и сразу разрыдалась. А я так и застыл на месте. И не смог даже ничего в утешение сказать.

Тетина квартира дышала бедностью. И была точно похожа на мою. Двоюродный брат осторожно взял меня под руку и провел в комнату для мужчин. Сели. Тихо заговорили.

– Что такое случилось с ней? Как? – спросил.

– Ей вдруг плохо стало. Она соседку позвала. Дома никого не было. Бедняжка. На руках у соседки и скончалась... А за день до этого тебя вспоминала.

– Надо было мне прийти. Я ведь тоже о ней думал, навестить хотел. Бедняжка. И жизнь у нее была тоже безрадостной...

– Да уж. Сиротство и бедность.

– Похороны завтра?

– Да.

– А хоронить, где будете?

– Не знаю. Завтра с утра надо будет на кладбище поехать. Поговорить там.

– Она завещала, где ее похоронить?

– Нет.

– Хочешь, я тоже пойду с тобой?

– Если сможешь, то было бы очень хорошо. Совсем я один. Хочу поговорить, чтобы рядом с отцом ее разрешили похоронить. Там есть маленькое местечко рядом.

Как только вернулся домой, позвонил Фархаду. Объяснил ситуацию. Фархад выразил свои соболезнования. Я сказал ему и причину, по которой завтра на работу выйду позже. Фархад забеспокоился:

– Было бы лучше, если бы ты сначала на работу пришел и сам бы у начальника отпросился. Ты же знаешь, какой у него характер.

– Не успею, – сказал я, – похороны в четыре.

Фархад промолчал. Когда прощались, спросил:

– Фархад, не найдешь мне в долг ста рублей?

Пока говорил это ему, сам чуть со стыда не сгорел. Когда у соседа просил, так не переживал. Я так тихо его попросил, чтобы ни Фируза, ни дети ничего не услышали.

– Найду, – сказал Фархад.

Дай-то бог ему здоровья. Хороший человек.

В детстве за мной как-то погналась огромная собака. Убегая от нее, я нечаянно забежал в тупик. Ну и собака за мной. Там и набросилась на меня, покусала. После этого случая нет-нет, да и приснится мне этот самый тупик. Как и в эту ночь...

В эту ночь приснился мне тот самый тупик. Собаки, которая преследовала меня, в тупике не было. Я стал задыхаться, вскрикнул, проснулся... Когда во сне кричу, то все время зову Фирузу. Бедная Фируза... Вскакивает с испугу, начинает меня тормозить и спрашивает, что же мне приснилось. А я говорю, что ничего не приснилось. Пару раз этим криком во сне и детей разбудил, напугал. Однажды утром сын спросил меня:

– Ты вчера ночью испугался чего-то?

Усмехнулся.

– Испугался, – сказал.

– Чего испугался? – спросил он.

Сын смотрел на меня широко раскрытыми глазами. А я и не знал, что у него такие длинные реснички.

– Да, пошутил я. Чего мне бояться? Тем более, когда у меня есть такой вот сын.

Сыну это очень понравилось, он счастливо рассмеялся. Мы обнялись.

Ранним утром следующего дня я встретился с двоюродным братом. Мы пошли на старое кладбище. Разыскали «начальника». Кладбищенский начальник поначалу

довольно дружелюбно встретил нас.

– Пусть земля будет усопшей пухом, – сказал он нам.

Но тут же нас предупредил:

– На старом кладбище больше нет мест. Идите к «Волчьим воротам». Там легче будет.

Мой двоюродный брат хотел что-то сказать, но я его опередил:

– Знаете, у покойной муж здесь похоронен. Рядом ведь место есть.

– А, ну, если место есть, тогда другое дело... Но и на это разрешение не дают.

Ну, сейчас уладим... Разве мы нелюди какие-то? Все под одним Единым ходим. Разве можно иначе?

– Тогда дайте нам рабочего, и мы пойдем... Торопимся, на четыре ведь уже похороны назначены...

– Хорошо, – сказал «начальник», вышел из своего «офиса» наружу и стал звать. – Агабала, эй, Агабала, иди вон с этими и посмотри, чего они хотят.

Агабала оказался мужчиной внушительных размеров. Был похож на чемпиона по рукопашным боям.

– И чего они хотят?

С этими словами он приблизился к нам.

– Ну... Чего хотите, говорите, чего пришли...

– Да, чего мы хотим, – начал я, – покойница у нас. Вот ему она матью приходится, а мне тетей.

Агабала вместо слов соболезнования сказал лишь одно – «угу».

Я продолжил.

– Муж покойной здесь похоронен. И рядом место есть...

– А это не имеет значений, – сказал Агабала. – Без разрешений – нельзя.

– Но начальник-то ваш разрешение дал, – сказал я, – мы ему и ситуацию объяснили.

Агабала схватил прислоненную к стене лопату.

– Хорошо, – сказал он. – Но вы в курсе, да-а, сколько это будет?

– Сколько? – спросил я.

– За триста я копать буду. Двести – штукатурщику, рабочим – по двадцать пять ... – сказал Агабала.

– Так дорого?

Это был голос моего двоюродного брата.

– Совсем недорого, – сказал Агабала.

– Ты вот что, давай-ка, спусти немного цену, – сказал я ему, – мы ведь люди бедные.

Агабала снова прислонил лопату к стене.

– Клянусь имамами, по-другому нельзя...

Двоюродный брат едва не расплакался. Побелел аж весь.

– Ладно, ладно, пошли, – сказал я. – Время идет. У нас похороны на четыре назначены.

Агабала снова подхватил лопату. Всю дорогу он без умолку говорил:

– Клянусь самым святейшим Аббасом, совсем недорого! Просто раньше как был – все дешево был. А теперь ...? Камень подорожал, песок подорожал, мясо подорожал, масло подорожал... И потому нужно теперь делать так, чтобы не умереть, да-а. А если не можешь, тогда готовься к смерти, копи деньги, да-а. Потом дети, род-

ственники мучаются ... Только самый ходовой вариант – не умирай, живи, да-а ...

Мы дошли до могилы мужа моей тети. Агабалу словно оса ужалила, так он завопил:

– Издеваетесь, да-а? Как на таком месте копать? Минимум восемьдесят сантиметр давай мне. Нет, клянусь имамами, нельзя, не выйдет, да-а ... Нет, не выйдет ...

Мы застыли, словно громом пораженные. В четыре похороны. А мы даже еще место не подготовили. Двоюродный брат мешком опустил на покосившуюся плиту соседней могилы и вытащил из кармана сигареты. Закурил. Агабала тоже вытащил сигареты. Двоюродный брат с изумлением уставился на пачку сигарет в его руках. Дорогими очень были сигареты у этого Агабалы. Длинная такая пачка. И, кажется, на английском что-то написано. А двоюродный брат курил сигареты «Памир». Дешевые, вонючие, и такой же вонью несло и от моего двоюродного брата-бедолаги.

– Чем так жить, лучше помереть, – сказал мой двоюродный брат.

У меня аж сердце схватило от его слов. И даже Агабала немного смягчился.

– Ты чего...? Чего ты...? Сейчас придумаем. Давай, вот что сделаем. Откроем могилу твоего отца, заштукатурим, а маму потом твою сверху положим.

Двоюродный брат со злостью вскочил на ноги.

– Не нужно!

Потом повернулся ко мне:

– Пошли отсюда!

Мы повернули назад. Агабала закричал нам вдогонку.

– Время идет. Как я говорю, давай делать. Дешевле будет.

Его последние слова заставили нас остановиться. Мы вернулись. Двоюродный брат обеспокоенно спросил меня:

– А что люди скажут?

– А что они скажут?

– Ну, что в могилу...

Я прервал его.

– А ничего не скажут, клянусь тебе. И потом, я уже был на таких похоронах.

А я и не врал. На Разина есть такая могила, например. И у нас, когда сосед умер, открыли могилу жены, и его сверху туда же поместили.

Двоюродный брат дал Агабале двести рублей, и мы ушли.

Я сразу отправился на работу, чтобы отпроситься у начальника.

Встретил меня Фархад. Положил мне столик в карман, а потом уныло сказал:

– Опять начальник тебя искал. Я сказал, что ты был с утра, что у тебя тетя умерла. Сказал, что ты его ждал, чтобы отпроситься, а потом ушел.

– А Нарындж? Она же ведь скажет, что меня не было здесь. А Фархад все на врал.

– Не скажет. С Нарындж я договорился. Она согласилась. Ты вот что, ты лучше не показывайся на глаза начальнику. Только расстроись. Ты иди сейчас, а завтра придешь. И дай мне адрес твоей тети, – успокоил меня Фархад.

Я дал Фархаду адрес, поблагодарил его, а сам вернулся на квартиру тети.

Время уже было полуденное. Во дворе стояли люди. Я поискал глазами двоюродного брата, его не было нигде. Поднялся вверх, сказали, что он в прокат поехал, за посудой. Вскоре он вернулся. И первое, что он мне сказал, было следующим:

– Этот Агабала, как ты думаешь, он все приготовит? Опозоримся вдруг...

– Машина есть? Я бы быстро съездил и проверил, – предложил я.

– Есть, – сказал он.

– Еще что-то нужно? – спросил я.

– Ничего больше.

Я вышел на улицу. Смотрю, Фируза идет. Обрадовался. Она подошла и сказала, чтобы я не беспокоился, что детей она с соседкой оставила. Фируза поднялась наверх, а я сел в машину и поехал на кладбище.

Агабала с помощниками работали. Увидев меня, он сразу заворчал:

– Работаю, как собака. В такой погода собака дома сидит... Я тоже нашел себе работа. Учился бы, сейчас точно профессор был.

Было действительно очень холодно. Пахло снегом. Меня знобило. Я попросился с Агабалой, сел обратно в машину и вернулся.

Двоюродному брату сказал, что все в порядке, он успокоился.

Ближе к четырем часам собралось уже много людей. Начальство двоюродного брата тоже прибыло, на «Волге», но наверх никто из них не поднялся. Так и стояли во дворе. Двоюродный брат подошел к ним. Когда он с ними здоровался, я вспомнил своего начальника. Этот рыжий, косоглазый сукин сын, если узнает, что в действительности на работу сегодня утром я не вышел, несдобровать мне. От одной этой мысли у меня по всему телу пошли мурашки.

«Только и есть ему дело, что до меня. Живет себе так, как будто никогда не умрет. Ах..., а смерть такая штука, что ей все равно, есть у тебя должность или нет, косит себе черной косой. Может, все-таки сходить на работу после похорон? Во-первых, к концу рабочего дня мне все равно не успеть, а во-вторых, смысл какой. Может, и не искал он меня. Да, ладно. Счастлив тот человек, у которого начальник – человек. Не то, что мой. Косоглазый сукин сын, одним словом. С каждым днем все толще и толще становится, словно надувают его. И карманы у него наполнены. И с теми, кто повыше него, на короткой ноге. У самого «Волга», еще и государство ему одну выделило... Почему так устроен мир? Мошенники, мерзавцы, взяточники – у руля, а честные, порядочные, неподкупные – за бортом. И всегда, между прочим, так именно и было... И дальше, наверное, тоже так и будет. Есть вот один очень известный человек. Все его любят и уважают. А никто и не подозревает, каков он на самом деле. А на самом деле он не о народе печется, а о своих карманах. Эх, как устроен этот мир...»

Очнулся от раздумий. Уже четыре. Поднялись наверх. Спустили тело покойной и поместили на траурные носилки. Подняли. Пошли. Молла побрел за носилками, бормоча под нос молитвы, в смысле которых не слишком-то разбирался, и мы за ним. Начальство двоюродного брата, выразив соболезнования, уселось в «Волгу» и укасило, мы сели в автобус. Пока доехали, пока вернулись, на все ушло часа два.

На кладбище двоюродный брат был очень подавлен и стоял весь бледный такой. Тетю мою бедную завернули в саван. Один взялся за голову, другой за ноги, так и поместили в могилу. Агабала быстренько начал закрывать могилу. Я совсем близко стоял. Опять Сабира вспомнил. Его тоже, точно так же в яму уложили, закопали, замуровали, камнями наглухо закрыли.

Руки Агабалы, словно увеличившись в размере, большие и тяжелые, проворно делали свою работу. Он укладывал камни, а раствор смазывал рукой, как следует закрывая, замазывая пальцем все щели, ... все до одной. И торопился, торопился. За-

кончив, резко вскинул голову в мою сторону:

– Нравится?

Я молча кивнул. Глаза Агабалы довольно сверкнули в ответ. Почему-то показалось, что по-дьявольски сверкнули ...

– Ну, пойдете, пойдете. Аллах, да благословит вас, – сказал молла.

И только теперь двоюродный брат беззвучно заплакал.

Он оплакивал свое сиротство...

А я знаю, что это такое. Сиротство – это как в пустыне, вокруг тебя ничего, и рядом никого. Без опоры, без помощи. Опора – великое дело. Одно дело, что стоит у тебя кто-то за спиной, как гора, защищает от ветра, а другое, что нет у тебя вообще никого.

Сиротство – это одиночество. А одиночество – это болезнь. Неизлечимая болезнь...

Хоть бы получилось с этой границей, появились бы и у меня деньги, смог бы тогда детей своих одеть, обуть и накормить так, как мне давно этого хочется...

Когда с Фирузой возвращались домой, ей тоже это сказал. Снова начали строить планы, говорить о том, как уедем. Настроение улучшилось... Но как только вернулись домой, опять расстроились. Снова не было отопления. Дома было очень холодно. Захотел электрическую батарею включить, но Фируза с такой мольбой в глазах взглянула на меня:

– Я еле-еле умудряюсь вовремя уплатить за электричество. Клянусь тебе. Честное слово.

Она так это сказала, что руки у меня сами опустились. Только вот с детей не смог я глаз оторвать. Оба сжались в комочек от холода, так и спали. Фируза осторожно, ласково разбудила их, обоих потеплее одела и снова уложила спать. Я ушел на кухню. Открыл холодильник. Шаром покати. Эх, ты, будь проклято такое нищенское прозябание...

Нищета эта, как змея. Обвилась вокруг горла. И давит. Дома холодно, как в холодильнике. А холодильник пустой. И дети не одеты, не обуты. Бедные мои дети. Не могу я им ничего дать, даже толком накормить.

Вся горечь этих мыслей собралась вдруг комком в горле. Я с силой захлопнул дверь холодильника. Фируза зашла на кухню.

– Что это с тобой?

– Да так, ничего.

– Не переживай, все образуется. Ты только все свои силы сейчас на это оформление брось. И все образуется. Ты только не пускай на самотек с границей. Слышишь?

– Хорошо, слышу, – сказал. – Ты детей как следует одела?

– Как следует, – заверила меня Фируза, отодвинула оконную занавеску и взглянула на небо. – Светает уже. Утро наступит, теплее сразу станет... Пойдем спать.

Утром мой косоглазый начальник собрал всех работников и устроил мне публичное судилище:

– В последнее время в нашем бюро проблема дисциплины находится на уровне абсолютного безобразия. Шарашкину контору здесь устроили. А еще у нас есть работнички, у которых даже выработался особенный иммунитет против критики. Все

мои слова в одно его ухо, даже если и влетают, то из другого тут же улетают. Вот, например, этот наш...

Я тут же встал. Заранее встал. Потому что все равно знаю, что сейчас он скажет мне, чтобы я встал.

– Сядь! – прикрикнул начальник. – Тоже мне, воспитанный какой стал. Не нужна мне такая твоя воспитанность. Воспитание в том, чтобы на работу вовремя выходить. А ты...

И начал начальник мне выговаривать. Он столько всего наговорил и так долго говорил, что у меня начало звенеть в ушах. Под конец он огласил официальное наказание:

– Объявляю тебе выговор с последним предупреждением.

– И это вместо соболезнования?

– Замолчи! Будет мне тут остроумничать. И, кстати, это всех касается: если вы сами, ваши братья-сестры или мать-отец умерли, тогда даю разрешение один рабочий день пропустить. А если тетя-дядя, двоюродные-троюродные братья-сестры или еще какая-то седьмая вода на киселе в ящик сыграла, то никакого разрешения! Понятно? Вот так! Марш теперь работать! Все – марш!

Я вышел в коридор. Фархад подошел ко мне.

– Не переживай. А меня прости, что не смог вчера на поминки прийти. Обязательно буду в поминальный четверг.

Фархад был единственной моей надеждой, и я опять схватился за него, как утопающий за соломинку, опять взмолился:

– Ты, пожалуйста, дня через два-три позвони...Узнай, как там продвигается с моей границей. Ладно?

– Не переживай. Рано пока. Пусть немного время пройдет. Вместе и сходим, – успокоил он меня.

Вечером, когда возвращался домой, у меня все тело болело. Будто меня как следует побили.

«Почему я смолчал, почему стерпел, почему ничего не сказал начальнику? Боже мой, почему я такой трусливый? Чего я так боюсь? Почему не пишу заявление и не убираюсь к черту из этого унижения? Почему? Из-за семьи? Конечно, из-за семьи. Был бы один, на все наплевал бы давно. На все. И был бы я тогда самым большим смельчаком, храбрым был бы. А так, я просто трус, трус!»

Пришел домой, сказал, что простудился. Дома опять было холодно, как в пустом холодильнике. На кухне горели газовые конфорки. Туда все и собрались.

По утрам я всегда покупаю газету. Только одну, газету «Баку». Сегодня тоже ее купил. Вообще-то, это вечерняя газета. Но в наш киоск она добирается только на следующее утро после того дня, когда вышла. Нравится мне эта газета. Обо всем рассказывает. Как только сажусь в автобус, начинаю ее читать и даже не замечаю, как быстро уже до работы доехал. Только и газеты в последнее время ничего хорошего не сообщают. А проблем у нас тоже не одна, и не две... Когда же все это закончится?

Хорошо, что на работу пришел вовремя. Косоглазый-рыжий как раз обходил все комнаты. И в нашу зашел. Я встал. Нарындж усмехнулась, кокетливо повела плечами и взглянула на начальника. Фархада пока не было.

– Фархад еще не пришел? – спросил меня начальник.

Я взял и соврал:

– Здесь он. Просто вышел на минутку.

Начальник взглянул на Нарындж.

– Он еще не пришел, – сказала Нарындж.

Начальник взорвался почище любой гранаты, обругал меня на чем свет стоит и вышел. Как только он ушел, пришел Фархад. Я объяснил ему только что случившееся, снова напомнил о моем оформлении, и он снова меня успокоил. Потом он пошел к начальнику. Когда вернулся от него, то отчитал меня:

– Напрасно ты ему соврал, что я на работе. Он сам мне поручил кое-что.

Я, правда, расстроился. Пожалел, что соврал. Откуда же я знал? Я-то думал, что что-то хорошее делаю, покрывая Фархада. Ведь я к нему очень искренне отношусь. А Нарындж весь день потешалась надо мной.

– А ты оказывается еще и врать умеешь! – выговаривала она мне.

Наконец-то наступил и тот самый долгожданный день, когда мы с Фархадом пошли на встречу по поводу моей границы. Седовласый, с молодежьим лицом солидный мужчина опять благожелательно встретил нас и сказал, что нужно пока еще немного подождать. Когда распрощались, он попросил Фархада задержаться. Я вышел и стал ждать его в коридоре. Вскоре Фархад присоединился ко мне. Тронул за плечо. Мы вышли на улицу, и он сказал:

– В общем, будут затраты.

– Затраты? – переспросил я.

– Без них не получится, – сказал Фархад.

Я знал, что попасть за границу без затрат не получается ни у кого. Но только ведь Фархад мне об этом ни слова не сказал в самом начале. Я же думал, что если по знакомству, то без денег получится. Ну да, теперь понял, почему седовласый Фархада попросил задержаться.

– Об этом он хотел с тобой наедине поговорить?

– Об этом. Ты знаешь, их тоже слишком строго нельзя судить ... Он же тоже потом дает. Ну, тому, кто повыше. А тот, кто повыше, тому, кто еще повыше. Ну, и так далее. В общем, звенья одной цепочки... Да, мир совсем испортился...

Я спросил просто уже из чистого любопытства:

– А сколько хотят, Фархад?

– Я знаю, что у тебя нет столько денег. Пока десять тысяч хотят. Потом, когда в отпуск будешь приезжать, ну и когда полностью отработаешь по контракту...

Мир словно рухнул у меня перед глазами.

– Откуда я возьму такие деньги, Фархад? У тебя вот сто рублей занял, и не по себе, все переживаю и думаю, как бы тебе их побыстрее вернуть.

Фархад рассмеялся.

– Знаю. Только я эти сто не займы давал. У тебя тетя скончалась, и я это тебе на поминки дал. Забудь об этом долге.

– Нет, – сказал я горячо, – обязательно верну. Эти десять тысяч только вот не потяну...

– Может, соберешь, по родственникам, по друзьям...? – предложил Фархад. – Вернешься и вернешь долги... Когда вернешься, знаешь, сколько у тебя денег будет? Я тебе дам тысячу. Вернешь, когда вернешься...

Нет, не получится ничего. Кто у меня есть, чтобы в такие долги влезать. В общем, заграница моя, как говорится, в воду канула. Пропало все. Бедная Фируза... Только Фирузе я ничего не скажу. Она ведь уже мысленно совсем в ином мире живет, который сама себе построила. Не могу я разрушить одним словом все ее воздушные замки... Да и детишки тоже, они такие радостные, и уже всем своим одноклассникам во дворе разболтали про то, что мы собираемся за границу...

В ту ночь мне снова приснился тот самый узкий тупик. Приснилось, что опять загнан я в него. Опять задыхаюсь. Вскрикнул, проснулся. Уже потихоньку светало.

«Да что же это такое, – подумал я про себя. – Почему этот тупик все время мне снится?»

Наступивший день был первым поминальным четвергом по моей бедной тете. После работы мне нужно будет туда сходить. Правда, со всеми на кладбище никак не получится. Косоглазый не даст разрешения, ничего не поделаешь.

Я вышел из дома, купил газету «Баку», сел в автобус и доехал до работы. Сегодня приезжают туристы. И я их должен встретить в аэропорту.

Нам выделили новенький автобус. Познакомился с водителем. Им оказался пожилой мужчина. Разговорились. О том, о сем. Подошло время. Поехали в аэропорт. Как только выехали, в ушах у меня ту же зазвенели слова моего начальника:

«Гости нами недовольные уезжают. Ты учти, что подставлять азербайджанский народ таким вот образом – это чистое преступление. Мы не имеем права расхаживать с таким вот мрачным выражением лица. А у тебя вечно мерзопакостное выражение лица. Что могут подумать иностранные гости?»

А что хотят, то пусть и думают. А каким у меня еще должно быть выражение лица? Если я, получивший высшее образование, не в состоянии обеспечить семью в четыре человека. Живу, как нищий. А у меня еще и жена работает. Сто семьдесят я получаю, сто двадцать она. И не можем концы с концами свести. Что поделаешь? Радоваться только вот чему?

Оказывается, когда я так про себя размышлял, то невольно беззвучно шевелил губами. Водитель автобуса и увидел это в своем лобовом зеркале.

– О чем ты так задумался, сынок? – спросил он меня.

– Так, ни о чем, – ответил я.

– Молодой еще парень, а как старик сам с собой разговариваешь.

– Я? Не знаю...

– Да я все понимаю, все знаю. Всем в последнее время тяжело стало жить. Ты вот образованный. А я мало учился. Без образования. Но только все равно неправильно это, что мы так бедно живем, не так ли? Ведь у нас есть нефть, хлопок, золотые прииски. А почему народ нищенствует? Потому что есть у нас кровопийцы. Все образуется, вот увидишь. Азербайджан, когда обретет независимость, все у нас станет намного лучше, мы станем богатыми. Клянусь Всемогущим Аллахом, все у нас будет хорошо, сынок. Не переживай ты так.

– Да разве нам удастся добиться независимости?

– Сынок, я не раз уже слышал это от разных людей... Но ведь только мы и остались на этой планете, все уже освободились... И негры обрели свободу. Все независимыми стали на этой планете...

В этот самый момент слева выскочила вдруг машина. Водитель автобуса – молодец. Если бы не его молниеносная реакция, попали бы мы сейчас в аварию. И уж

поверьте, косоглазый мой начальник во всем обвинил бы только меня!

Вернувшись из аэропорта и разместив туристов в гостинице, я собрался было уже на поминки, как вдруг открылась дверь и на пороге показался сам начальник.

С чего бы это? Ведь он никогда так поздно не задерживается на работе...

Начальник с улыбкой смотрел на меня. А глаза его опять смотрели прямо и вовсе не косили. И я снова поразился этому. Думаете, что вру, да? Вот нисколечко, все чистая правда.

– Ну-ка, пойдём, – сказал начальник.

Снова широко улыбнулся. Очень хорошее настроение было у него. С чего бы? Мы прошли в его кабинет. Он с особенной любезностью предложил мне сесть.

– Ну, как ты, сынок? – спросил он.

«Сынок? Это я, что ли – сынок? Интересно, с какой стати...?»

– Хорошо, – ответил я осторожно.

– А как живешь?

– Так себе...

– Ладно, не переживай. Я твою зарплату подниму. Вот Вагифа зарплату не подниму. А твою зато увеличу. Потому что Вагиф – не человек, а волк. Еще и тело бедного Сабира не остыло, как он прибежал ко мне на его место проситься. А я вот назло возьму и вообще ликвидирую штат Сабира. А тебе зарплату подниму. Потому что ты – хороший парень. Сколько я тебя ругал, сколько раз кричал. А ты ни разу мне не ответил, ни разу не нагрубил!

Я мысленно похвалил себя.

«Видишь, оказывается, правильно я делал, что терпел и молчал. Наверное, все же начальник-то мой не совсем плохой человек. И правильно делает, что сокращает штат Сабира. Нет, прав мужик... А Вагиф некрасиво поступил: что правда, то правда».

Начальник вдруг спросил меня:

– Кстати, а где вообще Вагиф, что-то не видно его?

– Так он же в отпуске... – недоуменно протянул я.

– Ах, да... вспомнил, – сказал начальник. – Ты смотри. Сам его отправил в отпуск, а теперь сам и спрашиваю, куда это он подевался. В последнее время совсем голову потерял. Это депутатство все силы отнимает.

– Депутатство? – громко переспросил я.

– Я поэтому тебя и позвал, – сказал начальник, и глазки его снова скосились к переносице. – Меня избрали кандидатом в депутаты от поселка Разина. Ты в курсе?

– Нет, – сказал я. – Поздравляю вас.

– Ну, пока еще не с чем поздравлять. Альтернатива, второй кандидат – директор мясокомбината. Как раз в такое время, когда мясо – дефицит... В общем, сложно придется... Ты мне скажи, ты на Разина давно живешь?

– Года два. Жена получила однокомнатную. Она в библиотеке работает.

– А сколько вас человек?

– Четверо.

– А когда въезжали в новую квартиру, сколько было?

– Четверо.

– Тебе не одну, а трехкомнатную квартиру должны были выделить по закону.

– А кто сейчас с законами считается?

– Ну, ладно... Я потом тебе помогу с квартирным вопросом. Будет у тебя трехкомнатная квартира и в самом центре Баку.

– Спасибо большое.

– Ну, пока благодарить меня не за что, – сказал начальник, встал, взял бумаги, которые лежали на подоконнике, и протянул их мне.

На белых листах были напечатаны портреты начальника. Над каждым из них красовались лозунги:

«Обожаю я свой народ, включая и самых недостойных его представителей! Если мой народ не обретет независимость, то я себя убью!»

Под этими словами приводилась краткая биография моего начальника. Я начал ее читать, но ничего не понял. А все потому, что над ухом голос начальника продолжал мне вдалбливать:

– Все это расклеишь по всему Разина. Кроме тебя, там тоже будут расклеивать. Не удивляйся. Но главное – это правильно вести беседу с жителями Разина. Ты поговори с ними, уговори их. Если кто-то денег попросит, скажешь мне. Во время предвыборной кампании нельзя скупиться. Если честно, я несколько осторожен с альтернативой этой своей. Ему что... Ему достаточно один лишь день выдать всему Разина без талона мясо, и все – он уже депутат. Народу что сейчас больше всего нужно? ... Еда! Наш народ живет впроголодь. Да, это еще что. А вообще-то, я и сам могу раздать мясо жителям Разина. Если у тебя есть знакомый мясник, дай знать. Если он согласится, я готов.

Я и не знал, что мне сказать на все это начальнику. Врать – не хочу. Сказать, что «не смогу», тоже было бы очень глупо. А вдруг он действительно повысит мне зарплату? А вдруг и правда поможет с квартирой? А вдруг?

– Ты вообще на работу не выходи, – продолжал свои наставления начальник. – Ты давай там активность разверни. А по вечерам звони мне домой. Вот это мой домашний. Только никому не давай мой номер! И по телефону напрямую не говори. А так – намеками. Например, если с мясником договоришься, то просто скажи, что мясо нужно, и все. Или прямиком сюда приходи. Понятно?

Начальник весь вспотел.

В комнате было очень жарко, мне тоже дышалось с трудом.

– Все мне понятно, товарищ начальник, – сказал я. – Разрешите, я пойду.

– Хорошо, – сказал начальник. – Завтра вечером обязательно позвони мне. Удачи тебе. И еще: как увидишь на стене фотографию моей альтернативы, так сразу же ее сдираешь и на ее место мою фотографию клеишь. Понятно?

Начальник крепко пожал мне руку и проводил до двери своего кабинета. А я лишь опять удивился. Глаза его снова смотрели прямо.

После работы я сразу же пошел на поминки. Было всего человек пять-шесть. Стали беседовать. Извинился перед двоюродным братом, что так поздно пришел. Объяснил причину. Листы с портретами начальника я оставил рядом с вешалкой, там, где снял свой плащ. Только теперь переживал. А вдруг кто-нибудь возьмет, да и выбросит их, как что-то ненужное. Но когда собрался уходить, нашел все на месте и очень обрадовался.

На улице моросил дождь, я спрятал листы у себя на груди под плащом. Пошел, не глядя под ноги. Все равно из-за дождя и холода ничего толком не разглядеть было. Плащ намок и висел мешком. Детишки встретили меня и сразу бросились мне на шею. Соскучились. Откуда им знать, что дело не в поминках, но и в том, что на работе задержался, ведь только на дорогу от работы до дома уходит у меня два часа. И столько

же утром. Дети и не видят меня толком... Фируза тоже, как я. Хорошо, что дети у нас прилежные. Сами готовят уроки, сын ходит за покупками, а дочка прибирается по дому, только еду пока не готовит, не умеет. Еду готовит Фируза, ставит в холодильник, дети сами разогревают... Фируза всегда раньше меня приходит. Прежде чем открыть ключом дверь, я нажимаю на дверной звонок, сначала дети бегут к двери, потом Фируза. И как только открываю дверь, словно мир мне весь дарят. А с тех пор, как эти разговоры в семье про границу пошли, и у детей, и у Фирузы все время хорошее настроение.

«Разве могу я оборвать их надежды? Нет, не скажу, что не получается. Пусть живут надеждой. Пусть хотя бы в мечтах и надеждах чувствуют себя счастливыми. Я знаю, что пустые грезы рано или поздно приносят страдания. Но ничего. Может, улучшится у меня все на работе, зарплата повысится, выйду я из этого прозябания. Тогда и бесплодность надежд, связанных с этой границей, не покажется такой уж трагичной. А получится, может, и поедем в какую-нибудь туристическую поездку. А сегодня пусть живут они пока этой надеждой. Никто не знает ведь, что ждет нас завтра... Ну кто знал, что с Сабиром вот так будет? Переживал за машину и гараж, а не знал, что жить-то ему только день остался. И что его жена и дети теперь делают без него... Эх, жизнь...»

Фируза накрыла на стол. Я забыл про Сабира. Сел между детьми, а Фируза напротив... Оказывается, когда холодно, то домашняя лапша – «Хамираши» Фирузы приобретает особенный вкус. Да еще и с чесночно-уксусным соусом...

С аппетитом поели. Включили телевизор. Что-то плохо показывал. Сын задал свой вечный вопрос:

– Пап, а когда ты купишь новый цветной телевизор?

– Куплю, сынок, куплю.

А телевизор, как назло, стал еще хуже показывать. Я покрутил антенну в разные стороны, немного улучшилось.

Вскоре дети пошли спать. И я рассказал Фирузе про депутатские страсти своего начальника. А потом показал ей листы с его портретами, которые завтра буду расклеивать. Они правда немного помялись...

– Ты свари немного клейстера из крахмала. Я с утра встану пораньше и расклею эти его портреты.

Фируза была недовольна. Очень. Не понравилось ей то, на что я согласился, знаю, что думает, что не по мне такая работа. Но она промолчала... Не хотела меня обижать и расстраивать. Я же ее хорошо знаю. Рассказал ей и про идею начальника о мяснике тоже.

Фируза совсем помрачнела.

– Не вмешивался бы ты в эти дела. Если не получится у него с этим депутатством, он же тебя тогда совсем возненавидит, со свету вообще сживет.

– Знаешь, Фируза, – сказал я ей, – у него ведь еще и альтернатива есть, то есть их двое – кандидатов в депутаты. Один этот, а другой – директор мясокомбината. В жгучем взгляде черных глаз Фирузы мелькнула полнейшая безнадежность.

– Разве твой начальник сумеет раздать людям больше мяса, чем директор мясокомбината? Ты расклей его фотографии, и все. А в эти дела, с мясом, не вмешивайся.

Я прислушался к совету Фирузы. С утра пораньше взял клейстер, который Фируза приготовила, нашел в доме кисточку и вышел из дома.

На обоих створках парадной двери красовались портреты директора мясокомбината. Над портретами было написано:

«К чему мне такая независимость, когда у меня в желудке пусто! Пусть всегда будет изобилие, чтобы от него ломились столы моего народа! Путь к рыночной экономике проходит через наши желудки!»

Я содрал оба портрета. На место каждого наклеил портрет своего начальника. На одном глаза моего начальника смотрели прямо, на другом, клянусь Всемогущим, косили. Я не сдержался, вытащил из кармана ручку и попробовал исправить. Еще хуже получилось. Хотел новый портрет наклеить, потом передумал.

С клеем и кисточкой в руках не успел пройти я и пару шагов, всего три портрета успел наклеить, когда сзади на меня обрушился удар. Я повернулся, чтобы посмотреть, кто это, как получил еще один, на этот раз прямо в глаз. Сильный такой. Не смог я удержаться на ногах. Упал на землю. Ведро с клейстером в одну сторону, а портреты начальника – в другую.

Крепкий молодчик схватил меня за ворот и приподнял с земли:

– А ну, давай, убирайся отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было. Твоему – депутатства не видать. Понял?

Я ничего не ответил. Вернулся домой. Дети уже были в школе, Фируза ушла на работу. Хорошо, что дома никого не было. Я умылся, переоделся. Решил пойти на работу и взять у начальника еще листовок с его портретами и биографией. Так и сделал.

Только под глазом у меня распухло. Начальник, как меня увидел, глаза его от удивления еще больше скосились.

– Что случилось? Побили тебя?

– Нет, – соврал я, – это у меня просто от холода.

– Расклеил мои портреты?

– Расклеил.

– А почему вернулся? Нужно было тебе дома остаться, отдохнуть немного. Тем более, что глаз простудил. Я все равно завтра сам на Разина собирался.

У меня от страха чуть душа в пятки не ушла.

– Нет, не приходите. Не беспокойтесь, – стал я его просить.

Но начальник был непреклонен.

– Завтра утром приеду. Так, хорошо, а почему ты на мой вопрос не ответил? Почему вернулся?

– Я пришел, чтобы еще листы с портретами вашими забрать. Вы не думайте, что Разина – маленькое место. Это большой поселок.

Обрадовался мой начальник.

– Молодец, сынок, – сказал он.

Потом подошел ко мне. Чмокнул в щеку. Он был навеселе. Кажется, коньяк выпил. Ну, у него денег много, и на коньяк хватает... Это раньше коньяк дешево стоил. Сейчас подорожал, все подорожало...

– Ну, сынок, ну, мой молодец, – сказал начальник. – Я потом тебя как следует отблагодарю за все. Пусть у нас все наладится сперва. И про мясника не забудь... Времени у нас мало. Ты вот что, узнай, чего люди хотят. Может, мясо им и не нужно. Может, они курятину хотят, или рис, масло. А, может, вообще им ничего не нужно, только денег хотят. Я тебе дам сейчас пятидесяти- и сторублевки. Ты раздай по домам.

«Ах, если бы мне хотя бы три таких стольника дали, – пронеслось у меня тут же в голове. – Два из них тут же пошли бы на возврат долгов: один – соседу, другой – Фархаду, а третий потратил бы на базаре. Купил бы детям фруктов, мандаринов бы купил, яблок, груш, апельсинов, потом взял бы хурму, помидоры и огурцы, лимон. Еще купил бы деревенский сыр за пятнадцать рублей. Деревенский – самый лучший... В деревне хорошо, а мы все собрались в город и с голоду подышаем. А в деревнях поля пустуют. Эх, только и в деревнях то же самое, и там есть райком, исполком, прокурор и начальник милиции. И все в ряд стоят с протянутой рукой, словно нищие. Будешь им отстегивать, опять детям ничего не останется».

– Ну, что это ты так задумался? – спросил начальник. – Ты, смотри, не скупись с деньгами-то... Я готов. Ты разузнай, если у вас там есть аксакал какой-нибудь, если берется помочь, с людьми поговорить, ему и тысячу, а то и две можем дать. Клянусь, правду говорю. Клянусь своими внуками. Деньги – это мусор. Человеку же важно завоевать отношение и еще уважение.

– Хорошо, – сказал я.

Но я знал, что смогу лишь расклеить его портреты, на большее меня не хватит. И решил, что сегодня выйду лучше вечером, часиков в десять, одиннадцать и займусь этим. Но ведь начальник сказал, что, кроме меня, кто-то еще будет наклеивать на стены его портреты. А где этот человек? Не знаю. Может, сегодня появится. А появится, с ним точно так же поступят, как со мной. Напрасно я соврал. Нужно было правду сказать. Сказать, что меня побили.

Пришел домой. Фируза, увидев мой подбитый глаз, сильно расстроилась. Узнав, как все случилось, сказала:

– Напрасно ввязался ты в это дело.

– А что мне делать? Он пообещал повесить зарплату и помочь с квартирой.

– И ты ему веришь?

– Не знаю.

– Лучше займись заграницей. Все остальное – ерунда.

Я скрепя сердце промолчал. Бедная Фируза не знает, что ничего с заграницей не выйдет, и никуда мы не поедем. Если бы у меня были такие деньги, как у моего начальника, честное слово, дал бы взятку и уехал. И дня бы здесь не остался.

Дети спросили, что у меня с глазом случилось. Сказал, что от простуды воспалился. Кажется, поверили. Вместе поужинали.

Фируза снова приготовила из крахмала клейстер. После десяти я вышел на улицу. Было очень холодно. Я быстро расклеил листки и вернулся домой. Фируза ждала меня, беспокоилась. Я выпил чаю, согрелся. Телевизор сегодня вообще не показывал. Выключили его и легли спать.

Ночью опять мне тупик приснился. Только на этот раз в самом конце его стоял с лопатой в руке Агабала, тот самый – могильщик Агабала. Он молча смотрел на меня. Я ужаснулся, вскрикнул и проснулся.

Утром хотел выйти из дома, но увидел через дорогу молодчика, который меня ударил, и рядом еще пару таких же крепких молодчиков. Вернулся. Осторожно выглянул в окно. Увидел, что в руках у всех, оказывается, дубинки. Хорошо, что Фируза уже ушла, дети тоже... Я сел, выпил чаю, прошло время. Когда еще раз посмотрел в окно, увидел, что их уже нет.

Вышел на улицу. От нашей парадной и по всей улице все листки с портретами моего начальника были содраны, и на их место были приклеены портреты директора

мясокомбината. Я сел в автобус и приехал на работу. Начальника не было. Потом я узнал, что, пока я добирался до города и до работы, он на своей машине поехал на Разина.

Снова у меня от страха душа в пятки ушла. Сейчас он увидит, что его портретов нет нигде. Ну и влетит же мне. Я сел и стал дожидаться начальника. Фархада не было. А Вагиф с Нарындж пускали в мой адрес шпильки.

Нарындж встала передо мной, демонстрируя свое новое платье, и сказала:

– Не видно тебя, красавчик. Что, за подол власть имеющих держишься? Или, может, тебя депутатом выбирают?

Вагиф тут же к ней присоединился:

– Депутатом станешь, нас не забывай...

Хорошо, Фархад подошел. Мы вышли в коридор. Прошлись. Все случившееся я рассказал Фархаду. От него я не собирался ничего скрывать... Он отчитал меня. Сказал, что мне не нужно было с самого начала в это дело влезать. А потом такое сказал, что у меня от страха вообще душа в пятки ушла.

– Ты детей береги, – сказал он. – Сейчас мафия везде. Детей могут украсть. Что тогда будешь делать? Недавно один мужчина приехал на базар на своей машине, чтобы ее продать. Сам вышел, чтобы посмотреть, что к чему и по чем, а жена в машине осталась ждать. Так вот, один удалец в это самое время и машину угнал, и жену его. А потом позвонил ему и потребовал с него выкуп: принеси и оставь там-то: сорок тысяч за жену, а двадцать тысяч – за машину. Так вот, мужик этот кое-как по родственникам, друзьям и знакомым собрал сорок тысяч, выкупил жену. А на машину сказал, что денег у него нет, и не нужна ему машина...

Я очень испугался. Не стал дожидаться, когда начальник вернется, бросился обратно домой. Когда добрался, увидел, что и Фируза, и дети, слава богу, дома. Моему счастью не было предела. Дома, правда, как обычно, было холодно, как в холодильнике. Я вытянул снова из-под кровати электронагреватель. Фируза снова умоляюще взглянула на меня.

– Только сегодня подсчитала, тридцать рублей у нас уже долг. Если включишь обогреватель, то будут все пятьдесят. Еле-еле выкручиваюсь, честное слово.

Взгляд этот и слова Фирузы окончательно меня добили.

Если одну маленькую семью не в силах я сделать счастливой, если дети мои дрожат от холода, на что я тогда вообще нужен? Зачем женился? Зачем детей родила Фируза? Карманы у меня пусты, магазины, правда, тоже: мяса нет, масло по талонам, сахар по талонам, одно пшено продают. Что за жизнь такая, зачем жить? Вспомнил слова соседа Мурсала: «Знал бы, где околачивается этот бесхозный, давно подложил бы динамит и подорвал. Разве можно так жить, разве это жизнь?» Спросил я его тогда, кого он имеет в виду, говоря про какого-то «бесхозного». «Себя, себя, – зато рописал сосед. – Ты не слишком-то заставляй меня вдаваться в детали, а то ночью придут и задушат меня еще полусонного в постели».

Можете, конечно, мне не верить, но той ночью опять мне тупик приснился. И на этот раз в тупик загнали меня с дубинками в руках те самые молодчики, которые поджидали меня у дома и хотели еще раз оттаскать за то, что я наклеивал листки с портретом своего начальника.

Сон сбывлся на следующее утро, когда вышел из дома. Дорогу мне преградили молодчики. Один из них, толстый такой, бросился вперед и схватил меня за шею.

– Эй, ты, себя не жаль тебе совсем, ни капельки? Опять всю ночь наклеивал этого косоного по стенам? Не устал?

Я не успел сказать, что ничего не расклеивал ночью, толстяк пихнул меня, я покачнулся, споткнулся о ступеньку парадной лестницы и потерял равновесие. Другой тут же пнул меня ногой в бок.

– Кем этот косой тебе приходится, ты, козел паршивый?

Я встал на ноги, отряхнулся и пошел. Ничего не сказал. Вслед мне раздался крик, кажется, толстяка:

– Если еще раз на стенах появится портрет этого уродца, считай себя трупом!

Я ничего не ответил, ушел.

Хорошо, что в автобусе было свободное место. Сел. От злости и досады скрежетал зубами. Ругал себя на чем свет стоит.

«Тебе в морду дают, а ты сдачи не даешь. Что ты за человек?

А что я мог сделать? Их трое, я один. Дал бы сдачи, еще хуже было бы. Наверное, начальник отправил вчера кого-то еще сюда, чтобы его портреты приклеили. Так что после этого мне будет тут еще веселее. Где бы ни появились на Разина портреты начальника, будут на меня думать. Еще не знаю, что начальник мне скажет. Не нужно было в это влезать. Хоть в бедности сидел, зато проблем таких не было. И не нужно мне зарплату повышать».

Сегодня все были на месте. И Фархад, и Вагиф, и Нарындж. Как увидел Фархада, сразу про долги вспомнил. Интересно, когда я смогу вернуть их? Сто надо Фархаду вернуть и сто – соседу. Фируза сказала, что за электричество мы тридцать должны. К концу месяца еще набегит. Что же мне делать, как мне быть? Может, опять сторожем устроиться.

Так весь день и прошел, пока я ломал себе голову над этим. И день тоже бестолковый выдался, ничего толком не делали. Туристы прибывают только завтра. Сегодня поэтому просто сидели. Нарындж не без гордости рассказывала, что ее новое платье стоит восемьсот рублей, Вагиф говорил о штате Сабира, Фархад – о футболе. Только я молчал. И каждую минуту ждал, что сейчас меня начальник вызовет. До самого конца рабочего дня. Ждал. Но начальник не позвал меня. Я понял, что на меня он больше в этом деле не рассчитывает.

Когда возвращался домой, в автобусе было столько людей, что казалось, сейчас задохнусь. А когда выходил из автобуса, отлетела пуговица от моего плаща и упала на землю. Сколько ни искал, так и не смог найти. Было очень темно. Как я мог ее найти?

Дома меня Фируза как следует отругала:

– Надо было найти пуговицу. Как будешь ходить в плаще без одной пуговицы на работу?

Фируза еще долго говорила, не помню, чтобы она так долго когда-нибудь меня отчитывала. Наворчавшись вдосталь, придвинула к себе коробку с пуговицами, искала подходящую пуговицу, нашла и начала пришивать к моему плащу. Потом вдруг сказала:

– Окно нам разбили.

– Какое еще окно? – спросил я.

– На кухне, не видел?

– Не обратил внимания.

Я прошел на кухню.

Окно было разбито. Фируза заклеила его бумагой. «Ну, вот тебе еще расходы», – подумал я. Наверное, это разбитое окно тоже связано с депутатством начальника. Только больше всего боюсь я сейчас за детей и Фирузу. Не причинили бы им вреда. Надо же было так вляпаться мне. Начальник наверняка отправил сюда кого-то расклеивать листки с его портретами. А молодчики директора мясокомбината думают, что я этим занимаюсь. Поскорее бы прошли эти выборы, скорее бы все закончилось, чтобы от меня отстали.

Утром, когда вышел из дома, увидел, что опять везде портреты моего начальника наклеены. Ух, что сейчас будет! Точно, пара окон моих полетит для начала.

Я поспешил к автобусной остановке, в этот момент меня кто-то потянул за рукав плаща:

– Ну-ка, остановись на минутку.

Остановился.

Передо мной стоял пожилой мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти. С седыми усами и волосами, красными глазами, глаза у него были налиты кровью. И этими, налитыми кровью глазами он меня пристально оглядел, потом тихо сказал:

– Ты – скромный, безобидный парень, вижу. Ты пожалей себя, детей, жену. Ты не расклеивай больше свои листки по стенам, твой человек все равно не пройдет. Вчера окно тебе разбили, смотришь, сегодня что-то с тобой, с семьей сделают.

Я обязан был сказать правду. Ужас снова охватил меня от одной мысли, что что-то сделают с детьми, с Фирузой.

– Знаете, – сказал я, – ведь я только один раз наклеил эти листки. Про то, кто потом это сделал, я ничего не знаю.

Я не знаю, как именно это сказал. Только пожилой мужчина тут же оставил меня в покое. Повернулся и ушел.

На работе начальник опять не вызвал меня к себе. А когда вернулся домой, то снова везде были расклеены портреты директора мясокомбината, не было и следа от портретов моего начальника. Дома тоже было тихо. Фируза нашла стекольщика, и в окно уже было вставлено новое стекло. Я провел по ее волосам, поцеловал в щеку. Усмехнулась Фируза.

– Поторопи с оформлением, уедем отсюда. Невозможно здесь жить, – сказала Фируза.

– Знаю, знаю, Фируза, – сказал я и громко вздохнул.

– Ты не вздыхай, ты дело делай. Знаешь, сколько всего мне нужно купить. У детей обувь вся износилась. У дочки плащ, как луковая шелуха, тоненький, дрожит вся бедненькая от холода.

Я невольно склонил голову вниз от стыда. Вот разверзлась бы сейчас земля под моими ногами, провалился бы туда с преобладающим удовольствием.

– Нет, так не пойдет... – сказала Фируза. – Переживать и расстраиваться не нужно. Дело надо делать. Ни днем, ни ночью не давай покоя Фархаду. Каждый день ходите, спрашивайте, узнавайте, как там продвигается оформление.

– Хорошо, – пообещал я.

Утром, когда шел на работу, в газетном киоске вместе с газетой «Баку» купил еще и газету «Азербайджан». По дороге читал «Азербайджан», на «Баку» времени не хватило.

Пришел на работу. Нарындж и Фархад уже были на месте. Вагифа пока не было. Начальник несколько раз его спрашивал и через секретаршу все хотел узнать, если Вагиф вышел на работу. Нарындж каждый раз кокетливо говорила, что «господин Вагиф еще не соизволили благоволить своим присутствием». Потом по поручению начальника Фархад позвонил домой Вагифу. Но поговорил он только с его женой. Вообще-то Фархад только слушал, иногда отрывисто вставляя:

– Да, что вы говорите? Не может быть... Да что вы... Где? Лежит? ... А в лицо узнает, если встретит? А, ну да, темно было... Я к вам загляну потом... Что-то нужно?

Закончив телефонный разговор, не говоря нам ни слова, Фархад вышел из комнаты. Я понял, что он пошел к начальнику. Вскоре он вернулся. Нарындж тут же вцепилась в него:

– Ну, что случилось? Что из всего секрет делаете? Что с Вагифом? Ну, я тебя очень прошу, ну, пожалуйста, ну, скажи, что такое стряслось с Вагифом?

Фархад наконец-то удовлетворил неистовое любопытство Нарындж:

– Хулиганы на него напали, избили.

– Где? – спросила Нарындж.

– По дороге домой, – ответил Фархад.

– Денег хотели?

– Этого я не знаю.

Нарындж недовольно прокомментировала:

– Дожили, совсем уже дошли до ручки... Баку теперь фору дает, а Техас отдыхает. Слыхали, из Техаса один сюда на «стажировку» приехал. А у него, бедного, куртку кожаную украли. Вот так вот.

Не знаю, только чувствовал я, что это нападение на Вагифа связано с нашим начальником. Наверное, Вагифа на Разина избили, когда расклеивал листки с фотографиями начальника.

Вскоре Фархада опять вызвали к начальнику. Когда он вернулся, под мышкой у него был сверток, что-то, завернутое в газету.

– Я пошел, у меня дела, пока.

Как только Фархад вышел, я тут же бросился за ним.

– Ты куда? – спросил я Фархада.

Наверное, в вопросе моем прозвучали командные нотки, потому что Фархад удивленно ответил:

– Ого... Не даете разрешения? Товарищ командир, я покидаю вас по своим делам до завтрашнего утра.

– Я серьезно. Ты на Разина собрался?

– Ну, допустим, на Разина.

– А под мышкой листки с портретами начальника?

– Допустим, портреты начальника. И что? Я спешу, дружок.

Я схватил Фархада за руку.

– Ты же меня сам отчитал за это. Говорил, что мне не следовало ввязываться в это дело с самого начала. Помнишь?

– Помню.

– Потом сказал, что теперь везде мафия. Детей похитят. Помнишь?

– Помню.

– А что же тогда сам не следуешь тому, что мне говорил?

– Потому что, во-первых, я не живу на Разина. Меня никто не сможет найти.

Кроме того, я же ведь каратист.

– Ну и что, – сказал я, – их много, ты – один. Что может каратист сделать против ножа? Не ходи, слышишь? Вагифа тоже они избили.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую, что они.

Фархад задумался.

Начальник только что просил его, даже плакал...

Фархад, увидев в его косых глазах слезы, не выдержал и сказал:

– Дайте ваши фотографии, анкеты, все, что надо, я сделаю.

Начальник с огромной радостью и облегчением, отдав все Фархад, шепнул ему на ухо:

– Я от злости плачу... Сердце разрывается. Не выберут меня депутатом, все тогда!

Потом добавил:

– Сынок, Фархад, ты меня еще не очень хорошо знаешь. Это дело, если у нас получится, знаешь, что я для тебя потом сделаю?

Все это Фархад рассказал мне лишь после того, как я ему высказал мои опасения. А основным в них было то, что, если Фархад сейчас снова расклеит портреты начальника, то молодчики директора мясокомбината опять решат, что это я сделал. После моего рассказа про разбитое окно и разговор с пожилым человеком, Фархад смягчился и спросил:

– Хорошо, а что тогда мне делать, что ему сказать?

Фархад ждал от меня ответа.

– Скажи, что не смог приклеить. Что еле-еле ноги унес.

– Нет, – сказал Фархад, – в такой ситуации нужно врать умеючи. Скажу, что приклеил. Меня побили. А я их.

– Он потом тебе предложит деньги, чтобы людям раздать.

– Мне он точно деньги не даст. Он знает, что если даст, то я их на себя потрачу. Он только таким, как ты, деньги может дать.

– Но мне он тоже не дал.

– Говорит-да. Из него разве деньги можно вытрясти? Только депутатство – это теперь такая штука, не раскошелишься – не пройдешь. Ладно, я пошел домой. Приду только после выборов. А осталось – всего ничего. Только четыре дня. А что такое четыре дня... Завтра я позвоню начальнику и скажу, что меня избили. И я их тоже избил. Портреты его расклеил... И я тоже, как и Вагиф, буду себе отлеживаться дома.

Фархад с такой легкостью говорил все это...

Он стал мне очень близким человеком в последнее время. Всегда в трудную минуту был опорой. Но оказывается, что вранье для него – это нечто естественное, само собой разумеющееся, что к тому же надо умеючи делать. Ладно. Ничего. Пусть. Главное, что Фархад не поедет на Разина. А что касается вранья, то и я тоже хорош, в последнее время сам только и делаю, что вру.

– Правда, тебе придется одному весь груз тянуть... – сказал Фархад. – Туристы прибывают, и одна группа за другой...

– Ничего, – сказал я, – справлюсь.

Я распрощался с Фархадом, вернулся в бюро. Поискал водителя автобуса, нужно было в аэропорт. Был тот же шофер. И опять разговорились мы по дороге.

– Ну, – сказал он, – говорят, что твой начальник в депутаты метит?

– Так говорят, – сказал я ему.

– Да не обижайся ты. Толку от таких депутатов, как твой начальник, все равно никакого, как мертвому – припарки. Депутатом должен быть человек, у которого душа за народ болит.

Я ничего не сказал. А что я скажу?

Мы помолчали. Шофер закурил.

– Был у вас один такой сотрудник – Сабир, покойный... Каким же он был хорошим человеком. Я много раз с ним тоже ездил вот так вот, за туристами. Как-то стремительно ушел он... Не приведи никому...

Я вздохнул.

– Эх, – сказал, – Сабир скорее отделался от такой вот жизни. Так, как мы живем, о себе говорю, конечно, – это ведь и не жизнь вовсе.

Водитель со мной не согласился.

– Почему так говоришь? Слава богу... Тебе и лет ведь не так уж много... ты молод еще, у тебя вся жизнь впереди. Сколько у тебя детей?

– Двое.

– Дай бог здоровья.

– Дай бог и вашим.

– Ну, вот видишь... еще и свадьбу своих детей справишь... Два сына у тебя?

– Нет, сын и дочка.

– Дай бог здоровья.

Водитель все говорил, а я старался представить себе свое туманное будущее. Не получалось. Не было видно ничего в моем будущем. Если бы получилось с работой за границей, может быть... А так, с этой зарплатой, с моими долгами, куда уж там. А тут еще Фируза, когда упала, сколько на работу не выходила. У нее пока маленький стаж, и больничные не дадут. И потом, что она вообще получает? А если мужчина рассчитывает на зарплату жены, что это за мужчина? Пусть лучше умрет.

После того, как разместили туристов, домой вернулся я только к одиннадцати вечера. Дети уже спали. Фируза дождалась меня.

Усталая. Лицо осунувшееся, серого цвета. Одни только глаза живые. Горящие огнем глаза. Упавшие, словно в пропасть. Лицо ее, обрамленное волосами. Седыми волосами. Поседела Фируза. Будучи еще столь молодой, так быстро постаревшая моя Фируза. Бедность сделала свое дело, состарила ее.

С такой малюсенькой зарплатой, как у нас, Фируза каждый день творит настоящие чудеса. Она не только умудряется нас кормить на эти деньги, но еще и за свет, и за квартиру платит.

Однажды увидел ее на кухню такой задумчивой...

Подперев левой рукой подбородок, она сидела, устремив взор... на стену.

– Что с тобой, Фируза? – спросил я.

– Так, купила в магазине по мелочи, подумала, что деньги потеряла. Посчитала, смотрю, все правильно. Сходила в управдом, за талонами, много людей было. Ума не приложу, откуда этих девиц в управдом на работу берут. Вместо того, чтобы людям талоны раздать, хихикают и по телефону болтают. Как будто нравится им людей мучить, заставляя ждать в очередях. Не смогла я забрать талоны. Что-то сердце у меня схватило и вернулась домой. Что-то в последнее время сердце у меня болит.

– Может, к врачу ходим?

– Да нет, тут врач не поможет.

– Почему?

– Да просто все дело в том, что каждый раз, когда я деньги трачу, у меня сердце болит. У меня на глазах буквально тают деньги. Двадцатипятирублевка вообще, как дохлый цыпленок. Не успеешь за уголок взяться, и нет уже ее.

Вдруг глаза ее наполнились надеждой.

– Забери ты нас отсюда за границу, пожалуйста. Прошу тебя. И знаешь, куда? В Турцию. У нас есть на работе один, Ингилаб его зовут. Оказывается, он уже давно потихоньку дела свои устраивал, оформлялся. Теперь с женой собирается уезжать. В Турцию. Всех врасплох застал, удивил. Библиотека и Турция, какая связь? Но он сумел, значит... Сейчас тоже по телевизору Турцию показывали. Песни турецкие передавали. У меня аж сердце затрепетало. Говорят, только поначалу тяжело. И теперь уехать за границу не так, как раньше было. Теперь легко, словно стакан воды пить.

– Ну, кому легко, кому тяжело, Фируза, – сказал я ей тогда.

Фируза взглянула на меня, и глаза ее подернулись влагой.

– Пожалеешь...

– Я? Почему? О чем? – спросил я ее с удивлением.

Фируза рассмеялась. Глаза мокрые, лицо посеревшее, губы сухие, а один зуб, кажется, уже портится. Честное слово, только сейчас заметил, что он у нее уже серого цвета.

– Пожалеешь, клянусь, пожалеешь, честное слово, что пожалеешь...

– Но почему? Почему? – снова спросил я.

Фируза сказала то, что и так пронеслось у меня в голове.

– Умру. Клянусь. Останутся дети твои сиротами. Не могу я так больше жить. Не могу все время выкручиваться. Много ведь и не говорю тебе вовсе. Я ведь еще год назад кольцо продала, которое ты мне подарил. Туфельки у дочки прохудились, так я самодельные стельки вкладываю, чтобы не промокали ноги. Не могу я больше все время что-то придумывать, все время выкручиваться. Каждый раз, когда на работе скидываются на что-то, у меня аж сердце хватает.

Расплакалась Фируза и так горько, что и у меня тоже сердце схватило.

Потом ушла, умылась, вернулась, обняла меня.

– Ладно, ты на меня не обращай внимания. Сегодня что-то я не в себе. Не бери в голову. Что ты можешь сделать? Все, что ни зарабатываешь, все домой несешь... Не куришь, не пьешь. Ну, вот столько и можешь зарабатывать... Что поделаешь? А за граница, что ты там будешь делать? Все, забудь. Ты прости меня, пожалуйста. Я тебя не хотела расстраивать. Я тебя расстроила, да? Да? Скажи. Прошу, скажи что-нибудь...

А что я мог сказать... Ну почему я не богат, почему не при деньгах? Почему не как эти кооперативщики, не как владельцы шашлычных, не как спекулянты бриллиантами, не как те учителя, что на людях плачут, а сами потихоньку вытягивают деньги у родителей учеников... Почему?

Утром я купил в киоске газету «Азербайджан». Читая, доехал до работы. Завернул газету, сунул в карман. Когда дошел до здания, опустил руку в карман, чтобы взять газету. Не было ее. То ли «Азербайджан» украли, то ли выпала она из моего кармана. Жаль. Там была одна хорошая статья, интересная. Хотел еще раз прочесть.

Рядом с работой тоже есть газетный киоск. Я пошел туда.

– Дайте мне «Азербайджан», пожалуйста.

– Закончилась газета.

– А может...

Продавец рассердился.

– Слушай, если у меня есть газета, то я ее продам тебе. Зачем она мне?

Я пришел на работу. На Нарындж опять было новое платье.

– А где все? – спросил я у Нарындж.

– Побили всех, – сказала Нарындж и приблизилась ко мне. – Если так дальше пойдет, то в этой комнате благодаря хулиганам вскоре останемся только мы с тобой. Ты – не имеющий представления о том, что происходит вокруг тебя, и я – наслаждающаяся жизнью, обожающая жизнь, получающая удовольствие от жизни...

Разошлась Нарындж. Еще и пару стихов прочитала.

– Я пошла, если спросят, то скажи, что я на объекте, ладно?

– Ладно, – сказал я.

Начальник тоже четыре дня не выходил на работу. А на пятый, на сегодня, были назначены выборы. Когда проснулся утром, на сердце тяжесть какая-то была. В это воскресенье я на все сто процентов был уверен в том, что кандидатура моего начальника не наберет достаточного числа голосов. Ну, а весь яд собственного поражения он выльет, конечно же, в первый же день на меня. Одним словом, выгонит он меня завтра.

На следующее утро газетный киоск во дворе почему-то был закрыт. У киоска стоял какой-то мужчина. Спросил его, почему киоск закрыт. Он усмехнулся и сказал, что по понедельникам газеты не выходят, поэтому киоск откроется позже.

Я сел в автобус и поехал на работу. Фархад, Вагиф, Нарындж, все трое были уже на работе. Я вдруг остро ощутил именно сейчас утрату Сабира.

Странно, именно сейчас. Взглянул на его стол, за которым восседал Вагиф. Упершись локтями в стол Сабира, он скрестил руки и сидел, подперев подбородок. Нарындж стояла. Фархад тоже. Все чему-то радовались. Чему? Я не знал причины. Словно свадьбу, торжество, праздник какой-то отмечали.

– Что это с вами? – спросил я.

Только сейчас обратил внимание на торт на столе Нарындж.

– Торт? – удивился я.

– Торт, и к тому же «Птичье молоко», – сказала Нарындж и добавила. – Сегодня праздник.

– Праздник? Какой еще праздник?

Нарындж растопырила пальцы и сказала:

– Виктория.

Я знаю, что это значит «победа». Но только разве я мог себе даже представить, что это как-то связано с моим начальником?

– Виктория, – повторила Нарындж и, словно подливая масло в огонь, продолжила. – Наш начальник стал депутатом! Депутатом! Вот так!

– Откуда ты знаешь? – спросил я. – Разве в такие короткие сроки уже и результаты известны?

– А у нашего начальника язык хорошо пришит, – сказала Нарындж. – Он нам сам уже сказал. И торт нам тоже он заказал. Настоящий мужчина должен быть таким

щедрым, как наш начальник. Знаешь, сколько тортов он заказал? Целых пятнадцать штук. И поручил раздать по всем службам.

Перед глазами у меня тут же встали молодчики директора мясокомбината. Эти сукины дети опять что-нибудь выкинут мне.

Нарындж отрезала и для меня кусочек торта.

– Ешь, – сказала она, – а потом иди и поздравь начальника. Мы уже поздравили. Он Фархаду и Вагифу сказал, что повысит им зарплату. И мне сказал. Ты пойдешь, его поздравь, он и тебе тоже скажет.

Фархад одобрительно подмигнул мне, в смысле – давай, иди. Я не стал есть торт. Встал, отправился к начальнику, поздравлять его.

Зря пошел. Уж лучше бы ногу себе сломал и не дошел бы.

– Да, – сказал начальник, увидев меня. – Вот ты испугался и дал заднего ходу. Ну, теперь своим разинским дружкам скажи, что есть на свете добрые молодцы. И они таких, как директор мясокомбината, вмиг проглотят, ликвидируют. Пойди и скажи им это, а ответ их приди и мне доложи! Вот так!

Начальник смотрел мне в глаза и ничуть не косил. И смотрел он на меня с подозрением. Я растерялся, язык у меня стал заплетаться. Я не нашелся что-то сказать в свое оправдание. Расстроенный и огорченный вернулся обратно. Все сразу поняли, что начальник сказал мне что-то неприятное. Я позже рассказал Фархаду, и он меня успокоил:

– Да, ладно. Не обращай внимания. Говорит себе. У него настроение хорошее. И потом, с работы же не выгнал.

В тот день и погода тоже была странная. С утра шел дождь, и дул сильный ветер, еще в автобусе ноги у меня замерзли, как две ледышки стали.

В конце рабочего дня, выглянув в окно, Нарындж, как ребенок, всплеснула руками, потом захлопала в ладоши:

– Ура! Снег идет! Как хорошо!

А мне было совсем нехорошо. Сегодня дома у меня будет очень холодно. А как дети доберутся завтра до школы? Наверное, Фируза сейчас смотрит на то, как идет снег, и переживает. Хорошо, что я сегодня получил зарплату. Дома нет мяса, я знаю. Когда пойду домой, куплю в магазине колбасу.

Вышел с работы с зажатым в руке пакетом, который всегда с собой таскаю. Шел очень сильный снег. А ветер был такой пронизывающий, что меня стало всего трясти. Был самый настоящий буран. Зашел в магазин. Килограмм колбасы стоил шестнадцать рублей шестьдесят копеек. Раньше эту же колбасу продавали за два рубля девяносто копеек. Вот и живи теперь, как хочешь. Взвесил одну палку. Потянуло на четырнадцать рублей. Я расстроился. Что за дороговизна. Вышел из магазина. Ветер набросился на меня, содрал шапку и бросил ее на землю, потом покатил и скинул в лужицу. Наклонился, поднял, хорошо, изнутри не намочил. Отряхнул, слегка отжал и снова нахлобучил на голову. Какая-то девушка, глядя на меня, смеялась. Интересно, над чем она смеется? А что здесь смешного? Ветер сорвал с меня шапку и сбросил в лужицу, и все...

Направился в сторону автобусной остановки. Столько там было людей... Метель эта меня хорошо потрепала. Когда добрался до дома, дочка подбежала к двери и закричала:

– Дед Мороз, Дед Мороз, где ты был в такой мороз?

Я обнял детишек. Поужинали. А телевизор вообще не смотрели. Было очень

холодно. Ночью встал и укрыл детей еще своим пиджаком, плащом, Фирузу – ее шалью. Долго потом не мог уснуть. Только под утро сомкнул глаза. Поэтому и проспал. Обычно я бужу всех. В общем, все проспали.

Когда добрался до работы и вошел в комнату, то глазам своим не поверил. За моим столом сидел сам начальник. И косые его глаза сверкали дьявольским огнем. Похожи были они в этот момент на глаза Агабалы. Начальник по очереди взглянул на Фархада, Нарындж и Вагифа.

– Ну, что-то хотите еще сказать? – спросил он их. – Как видите, у этого человека понятие дисциплины на нуле!

Начальник встал, приблизился ко мне. Ох, я только сейчас обратил внимание на то, что ростом, оказывается, я выше своего начальника...

– Проваливай! – сказал начальник. – Даю тебе час времени. Либо пишешь сам заявление, либо составляю акт и выгоняю тебя. И по такой статье, что потом вообще никуда не устроишься.

Начальник вышел. Нарындж что-то напевала себе под нос. Вагиф барабанил пальцами по столу. Только Фархад, кажется, расстроился. Он закурил. Знаком показал мне выйти в коридор. Вышли. Он сразу перешел к делу.

– Он просто прицепился к тебе и все. Не отстанет.

– А что же мне делать тогда?

– Надо будет тебе другую работу найти. Дело в том, что у нашего начальника есть связи наверху. Недавно ему позвонили, сверху. Я как раз у него был. В общем, тот, кто звонил, хочет дочку свою сюда устроить. Ну, и он сказал этому своему знакомому, что у него есть один работник, который собирается уехать за границу. Как уедет, он даст знать. Закончил разговор, а потом повернулся ко мне и спросил: «Фархад, твой друг за границу собирался, что там с этим вышло?» Я сказал, что не знаю. Он нахмурился, потом сказал: «Ну ты знаешь ведь, кого я имею в виду?» Сказал, что знаю. Потом мы о других делах говорили, но когда я вышел из комнаты, он снова предупредил: «Если твой друг сам не уйдет, то я выгоню его по статье. Так и передай ему».

Фархад горячо и с волнением рассказал мне всю эту историю и замолчал.

– А почему ты мне ничего не сказал в тот же день? – спросил я его.

Фархад пожал плечами.

– Не знаю. Не хотел тебя расстраивать.

Еще через час Фархада, Нарындж и Вагифа вызвали к начальнику. Они быстро вернулись. Я ничего не спросил у них. Ждал, может, Фархад что-то скажет, но он молчал. Еще через некоторое время меня вызвали в отдел кадров.

Начальник нашего отдела кадров такая, что врагу не пожелаешь. Страшная и недовольная толстуха. Похожа на палача. Приказ, который был у нее в руках, она сунула мне прямо под нос.

– Через три дня получишь расчет, – сказала она. – С такой статьей, кто тебя на работу возьмет, бедолага, сказали же ведь тебе – пиши заявление. Надо было написать. С завтрашнего дня на работу не выходи. А расчет получишь через три дня.

Я прямиком пошел к начальнику. Один его глаз смотрел на меня, другой – на дверь.

– Что? Что ты хочешь?

– Почему вы меня выгоняете? Ведь у меня семья...

– А мне на это наплевать. Раньше надо было думать. На работу не опаздывать. У меня вот акт на руках, акт.

Начальник швырнул мне акт. Взглянул. Нарындж подписала. Вагиф подписал. Но... ведь и Нет, не может быть, не могу поверить.... Фархад?

Фархад тоже подписал этот акт.

Лучше бы ослеп я, чем увидел это...

А начальник вдруг неожиданно мягко сказал:

– Ладно, ладно, вот тебе бумага, вот ручка. Пиши заявление, что уходишь по собственному желанию. Приказ я отменю. Не буду портить тебе трудовую...

Я написал заявление, отдал начальнику, в комнату уже не вернулся. Вышел сразу на улицу.

Снова шел снег. Теперь уже крупными хлопьями. Прошелся немного. Холодно стало мне. Сел в автобус. Сидящий сзади мужчина рассказывал своему соседу о выборах.

– Жулики они все, – говорил он. – Мафия все это, клянусь отцовской могилой. Ну, какое мне вообще дело до выборов... Мне работа нужна, работа.

Пришел домой. Фирузы еще не было дома. Обнял детишек, расцеловал. Дочка показала дневник, пятерку получила. Похвалил, обнял. Сына тоже погладил по голове. Спросил, когда он принесет домой пятерку. Он вздохнул и пожал плечами.

Скоро пришла Фируза. Увидев меня, удивилась.

– Что так рано?

– Начальник отпустил нас. Сказал, что метель, идите домой.

– С чего это он такой добренький стал?

– Не знаю. Наверное, у плохих людей тоже иногда совесть просыпается.

Я врал. Не знаю, как скажу Фирузе, что теперь я безработный?

Ночью никак не мог уснуть, до трех-четырех утра все ворочался с боку на бок.

И Фархад ведь подписал...

Хотя бы поскорее его сто рублей вернуть. А как буду возвращать? Еще и соседу должны. И с границей ничего не получилось. И с работы выгнали. Выгнали, а как еще это назвать? По-другому не назовешь...

Под утро опять приснился мне тупик. Только сузился он как будто и меньше стал. Появилась и черная собака в нем вдруг. Та самая, из детства. До сих пор ведь только тупик мне снился, а собака не снилась. А теперь повторилось во сне то, что случилось когда-то в детстве. Черная большая собака бросилась за мной и загнала меня в тупик. Потом сама исчезла. Вместо собаки в тупике стоял Агабала с лопатой в руках. Дьявольским огоньком поблескивали его глаза.

Агабала бросил лопату на землю и стал поспешно замуровывать выход из тупика.

Как быстро он ставил камни...

Один за другим...

Один за другим...

... закончил...

Что было дальше – не знаю.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

* * *

Я вхожу, удивляюсь –
народу сколько!
Разговоры, свечи, цветы...
И налево, в углу,
за журнальным столиком –
Ты...

Каждый жест твой ловлю
самым краешком глаза,
Говорю, с кем попало,
о смешных пустяках,
И не знает никто,
что мы накрепко связаны –
Мы и сами об этом
не знаем пока.

Я танцую с другим,
часто путаясь в ритме,
Мне для танца
годится всякий, любой.
От невольных свидетелей
истина скрыта:
И танцую с другим,
я танцую с тобой.

Хохочу над пустым,
несмешным анекдотом,
Отвечаю кому-то
совсем невпопад,
И, к тебе обернувшись
вполоборота,
На себе замечаю
твой пристальный взгляд.

И когда ухожу,
заметив, что поздно,
Собеседницу бросив,
ты идешь провожать.
Но, шагая под шорохи
ночи морозной,
Ты опять ни о чем
не решишься сказать...

Глупое сердце, нет с тобой сладу,
Вновь ты забыло бывшие ошибки!
Разве возможно –
 чтоб с первого взгляда?
Разве возможно –
 чтоб с первой улыбки?

Душу замкну на стальные засовы,
Пусть перебесится, пусть отболит.
Разве возможно,
 чтоб с первого слова
Ведьма-печаль
 превратилась бы в миф?

Пусть от тоски не найду себе места,
Надо одуматься, надо опомниться!
Разве возможно,
 чтоб с первого жеста –
И по-весеннему
 осенью – солнце?

Глупое сердце, ведь это – обуза!
Только тебя замолчать не заставишь:
Снова звучит в тебе
 тихая музыка –
Сердце играет
 на ребер клавишах.

Как моря взорванная гладь,
Ты бесишься, кусая губы.
Мне нравится тебя ломать
И заставлять быть злым и грубым.

Ты – как натянутая нить:
Еще немного – и порвется...
Мне нравится тебя дразнить,
Высмеивая благородство.

Как будто бы шкодливый бес
В меня вселился против воли –
Хочу, чтоб умер ты от боли
И вновь – от нежности – воскрес.

**Взгляд твой прозрачный,
Заоблачно-синий,
Заманивает и ласкает –
Такой он синий
Невыносимо,
Как море в разгаре мая.**

**Он мне нигде
Не дает покоя,
Меня по рукам связав,
И потому
При встрече с тобою
Я отвожу глаза.**

**Наш разговор
Неуклюж и томителен,
Меж фраз – как по тонкому льду...
Только однажды
Забуду про бдительность,
И сразу же – пропаду!**

**В глаза твои,
Как в омут, бросаюсь
И сразу же в них тону,
Растворяюсь,
Тихо**

**иду
ко дну...**

**Я нынче не люблю и не влюбляюсь,
Ничья мне больше нежность не мила –
Я от привычной пищи отрекаюсь,
Отведав с королевского стола.**

**Ты был – король, все прочие – лишь пешки.
Ты был король, все остальные – чернь.
И, над моей гордынею в насмешку,
Ты стал моей потерей из потерь.**

**Усилия позабыть тебя напрасны,
И – никакой надежды впереди:
Вельможных слуг вокруг –
хоть пруд пруди,
Но короли
встречаются нечасто.**

**Ты – наивный строитель
Замков воздушных
И домов на зыби песка,
Неумный любитель
Похождений ненужных
И покупок котов в мешках,
Неустанный воитель
В доспехах помятых
На щите – мое имя,
Удалой победитель
В боях беспощадных
С мельницами ветряными,
Фантазер и чудака,
Не от мира сего,
Фанатичный безумец,
То ль младенец, то ль маг,
То ль посланец богов
В лабиринтах исхоженных улиц...**

**Я – единственный зритель
Твоих трюков экранных
И по краю скольженья,
Критик твой и ценитель
Приключений сомнительных,
Подвигов странных
И побед, а верней – поражений.**

**...Как кричит воронье
Над безлюдьем дороги...
И – не выдержит сердце:
Я хватаю копье
И бегу на подмогу
В бой
с проклятыми мельницами...**

**Как будильник стучит –
Словно летом кузнечик.
Мы с тобою в ночи,
И она бесконечна.**

**Говорим ни о чем,
Мир до комнаты сужен.
Мы с тобою вдвоем,
И никто нам не нужен...**

**Забыла ли о том, что просто – женщина,
Что создана всего лишь из ребра,
Что из иного теста я замешана,
Чем сильный пол, и мне давно пора
Смириться, стать покорной и зависимой
И отыскать какой-нибудь причал,
На бога своего молиться истово
И засыпать у крепкого плеча...**

**Но у причала, от ветров укрытая,
Передохнув до некоторых пор,
Клянущее свое существование сытое
И снова рвущее в неведомый простор,
Где только синева и брызги света,
И свежий ветер, звонкий, как струна...
Я – женщина, но, позабыв об этом,
Я вновь рублю швартовочный канат.**

**Душа, что отцвела,
Вдруг стала вновь зеленой.
Я так тебя ждала –
Почти что исступленно,
Почти что не дыша,
Иль – на одном дыханьи,
Парящая душа
Жила, как на вулкане:
Вот-вот и – разнесет
Или затопит лавой,
Вот-вот и – вознесет
Над жизнью и над славой.
Все перестанет быть,
Исчезнут краски, звуки...
И лишь глаза и руки,
Знакомые до муки,
Я не смогу забыть.**

**Время отбивает годы, дни,
Жизнь идет размеренно...
Каждая минута без любви
Пропусту потеряна.
Наполняя любовью каждый миг –
К матери, к природе,
К царству книг,
Возлюби ноябрь и февраль!
Тех, кто не умеет, просто жаль.**

Ильгару

Взгляд твой детский, всегда внимательный,
Так серьезен, хоть ты и мал.
Не любил ты имен ласкательных,
Их на лад свой переиначивая,
Даже милые одуванчики
«Одуванами» называл.

Одуван, одуван мой малый,
Трудно было с тобою сладить.
Как порою тебя я желала
По макушке пушистой погладить.

Только это тебе не по нраву –
Ты всегда был мужчина серьезный,
И в рискованных своих забавах
Пострадав, гордо прятал слезы.

Ты остался в душе и в памяти,
Хоть, наверно, тебе невдомек,
Как тоскует порой тобой занятый
В сердце маленький уголок.

Дочка моя обижается,
Что пишу стихи, но не ей.
Просто в стих никак не вмещается
Необъятность любви моей.

Хоть порою писать пытаюсь
Я о том, что на сердце, все ж
Я опять и опять понимаю:
Изреченное слово – ложь.

Я слова подбираю наощупь,
Но они рассыпаются в прах.
Просто мне, наверное, проще
О нейтральных писать вещах.

А большие слова умирают,
Лишь бумаги коснутся едва...
Да и разве нужны нам слова?
Может, лучше без них – кто знает...

Порою так хочется
 садом весенним цвести,
Соря лепестками,
 и с этим желаньем не сладить.
Бездомной собакой
 на брюхе к тебе приползти,
По шерсти моля
 рукою небрежной погладить.

Но вожжи натянешь,
 сердце зажмешь в кулак, –
Оно в кулаке замолчит,
 затихнет покорно, –
И – мимо пройдешь,
 раскованна и весела,
Не помня ночного
 безумно-тоскливого вздора.

Когда стихи слагает сердце,
Боль изливая на бумаге,
Порывом, на одном дыханье
Слагается стихотворенье,
Чтобы дойти к чужому сердцу
Сквозь толщу зла и равнодушья.

Коль над стихом колдует разум,
Прекрасны в нем и стиль, и рифмы,
Оно по форме совершенно
И хорошо по содержанью,
Но спит душа, ему внимая,
И стих проходит стороною,
Ее ничем не задевая...

ЕЛЕНА ПАСТЕРНАК: «СРЕДЬ КРУГОВРАЩЕНИЯ ЗЕМНОГО...»

Эсклюзивное интервью

«Шаг вперед в науке делается по закону отталкивания, с опровержения царящих заблуждений и ложных теорий... Шаг вперед в искусстве делается по закону притяжения, с подражания, следования и поклонения любимым предтечам...»¹. Эта цитата, в свое время переписанная мною в школьную тетрадку, всю жизнь остается одной из самых любимых – сегодня я вновь и вновь цитирую ее своим литературным ученикам... На мой взгляд, в этих двух фразах абсолютно точно определена суть художественного твор-

чества – невозможно создать что-то стоящее, не обмерев, не умерев, не задохнувшись изначально от восхищения перед великим холстом, аккордом, магическим созвучием строк наших гениальных предтеч, на которых мы и сегодня смотрим, закидывая голову – в их недостижимое небо...

Серебряный век русской культуры – удивительная точка во времени, о которой написаны и продолжают писаться тома исследований, которая снова и снова неудержимо притягивает к себе нас, сегодняшних, отделенных от нее более чем вековым интервалом... Как известно, таланты приходят плеядами, но немного найдется в мировой истории аналогов, когда концентрация гениальных творцов на единицу времени и пространства оказалось бы так же высока. Что за феномен, что за галактическая вспышка произошла тогда, на рубеже двух веков, навсегда осветив вышним серебряным светом то поколение, чей «страшный путь» пролегал через все тернии и бури XX века?..

Имя Бориса Пастернака, ставшее хрестоматийным уже при жизни его носителя, впервые мелькнуло в моих стихах лет в 14-15 (о, этот магический возраст – помните «Мне четырнадцать лет...»²), когда меня снедали две поглощающие любви – поэзия и живопись. Я уже востро «болела» стихами Пастернака, видела работы отца поэта, Леонида Осиповича³, а проходя по вечерним московским переулкам бессознательно

¹ Б.Пастернак «Доктор Живаго».

² Первая строка стихотворения Бориса Пастернака «Детство»: «Мне четырнадцать лет. ВХУТЕМАС. Еще школа ваянья. В том крыле, где рабфак, Наверху Мастерская отца...»

³ Л.О.Пастернак, известный российский художник, живописец и график.

искала в окнах ту негасимую свечу из «Доктора Живаго»... Позже у меня сложилось отчетливое ощущение, что (как бы странно это ни звучало) мы росли и выросли вместе с поэтом в каком-то виртуальном духовном соседстве – подростком я совершенно легко и естественно воспринимала его ранние, весьма и весьма непростые тексты, где он «захлебывался словами, как щегол», с их напластованием смыслов, метафор и т.п., чтобы с ходом лет так же легко и естественно прийти к «великой простоте» осеннего Пастернака.

Позже тень Пастернака еще не раз и не два вставала в моих строчках, и эти встречи были всегда непредсказуемы и волнующи, как встреча с по-настоящему близким человеком, пусть и пребывающим где-то далеко, но не перестающим от этого быть любимым и нужным... Но, пожалуй, менее всего я могла представить, что когда-нибудь буду сидеть лицом к лицу с эффектной женщиной с внимательными глазами, беседуя с ней о ее деде, фамилию которого она достойно несет через всю жизнь. Елена Леонидовна Пастернак – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ им. Ломоносова, автор десятка книг, великого множества научных статей, докладов, монографий и т.д.. Но кроме этой своей, профессиональной, ипостаси, она еще и главный хранитель творческого наследия своего звездного деда, дома-музея в Переделкино, составитель первого полного собрания сочинений Бориса Пастернака. Совершенно неожиданно выяснилось, что на протяжении последних лет Елена Леонидовна связана профессиональными и дружескими связями с Азербайджаном, и, вполне естественно, мне было бы просто невозможно, и как поэту, и как журналисту, пройти мимо счастливой возможности побеседовать с нашей гостьей. Благодарю Елену Леонидовну за то, что она согласилась поделиться с нашими читателями своими интереснейшими воспоминаниями «из первых рук» об одной из самых значимых фигур в мировой поэзии.

Страны не знали в Петербурге...

Б.Пастернак

– Елена Леонидовна, у меня в голове теснятся десятки вопросов, которые хотелось бы вам задать... Но давайте все-таки «танцевать от печки» – совершенно неожиданной для меня стала информация, что вот уже несколько лет ваша судьба связана с Азербайджаном...¹ Какие дороги привели вас в Баку, бывали ли вы здесь раньше?

– Никогда не бывала и никогда не думала, что судьба приведет меня в ваши края, а теперь вот езжу сюда уже девятый год. Для меня самой стала неожиданной новостью, что Московский университет, где я проработала всю свою жизнь, открывает филиал в Баку, и мне надо ехать сюда, преподавать «вахтовым методом» вашим студентам-филологам. Первой реакцией, конечно, был шок – трудно было даже представить, как на целый месяц отрываться от семьи, друзей, привычного бытия, жить и работать в совершенно чужой стране. Неизвестное ведь всегда пугает... Но уже после самого первого своего приезда я ощутила, что еду сюда не только на работу, но и «домой»...

– Как вы справедливо заметили, больше всего нас пугает неизвестность, воз-

¹Е.Л.Пастернак преподает в Бакинском филиале МГУ.

можно, и какие-то сложившиеся ранее предрассудки, ложные штампы...

– Нет-нет, даже в самые непростые времена у меня было только позитивное представление о вашей стране, но как-то так сложилось, что никто из моих родственников и друзей никогда здесь раньше не бывал. Именно поэтому это был для меня абсолютно неизведанный, чужой мир, который еще только предстояло узнать и открыть. Но должна сказать, что все, что я здесь узнаю, нравится мне все больше и больше...

Кавказ был весь как на ладони...

Б.Пастернак

– *Девять лет – солидный срок... Вероятно, у вас уже сложился определенный образ этого нового для вас мира – ведь после первого «туристического» взгляда на любую страну начинается более детальное познание, вхождение вглубь... Поделитесь накопленными впечатлениями?*

– Мне очень нравится ваша столица. Наше знакомство начиналось с прогулок по городскому центру, посещения театров, концертов, музеев, со знакомств с бакинцами... Кстати, едва ли не первое, о чем я попросила своих коллег – это чтобы мне показали бакинскую интеллигенцию, о которой я так много читала и слышала, людей, которые заняты одним со мной делом, но в другой исторической реальности, на ином культурном фоне.

А если убрать в сторону эмоции, скажу так: не то, чтобы абсолютно все увиденное однозначно вызывало восторг – что-то я пыталась понять, принять и позже действительно поняла, приняла и полюбила, что-то нет... А уже потом, чем дальше и больше я стала ездить по стране, тем легче шел процесс понимания и привыкания. В последние годы мы с друзьями совершали уже дальние путешествия, много поездили по Абшерону, знаю я уже и горные районы Азербайджана. И вот сегодня, спустя эти девять лет, могу уверенно сказать, что я в полном восторге от вашей страны и уже не ощущаю себя случайной туристкой – я своя и в этой стране, и в этом городе...

Сегодня с первым светом встанут

Детьми уснувшие вчера...

Б.Пастернак

– *А каковы ваши впечатления от ваших студентов? В чем схожи или отличны наши молодые люди от ваших московских учеников?*

– Наш филиал очень органично вписался в бакинскую жизнь. А ученики – что ж, они очень разные, точно так же, как и все ученики на свете... Есть среди них двоечники и отличники, есть по-настоящему заинтересованные, талантливые люди, которые, надеюсь, пойдут по нашим стопам, есть и случайные люди. Вот в прошлом году были очень сильные ребята, даже получше московских, в позапрошлом – не очень... Совершенно обычная образовательная ситуация. Хочу отметить, что в одном отношении они, безусловно, лучше наших – ваши дети определенно лучше воспитаны (спасибо за это их родителям). У них особое отношение к учителю, они понимают, что

он тратит на них практически половину жизни, и они заранее тебе за это благодарны...

– Приятно слышать такое из уст профессионала вашего класса... Продолжая нашу беседу, хочу спросить вот о чем – трудно ли носить фамилию Пастернак? Существуют две точки зрения на проблему «звездных» потомков именитых родов (хотя, на мой взгляд, у нее намного больше граней и оттенков). Громкое фамильное имя – что это: тяжкое бремя или некий «бонус», выданный судьбой уже при рождении?

– Понимаете, женщинам ведь проще – у них всегда есть возможность вполне законно сменить фамилию, вступив в брак... Если бы это имя было для меня каким-то бременем, я бы просто сбросила его с себя, и никто бы и не знать не знал, что я – Пастернак. Но я этого не сделала – вот и ответ на ваш вопрос. Возможно, мне было бы легче жить под другим именем, я была бы только сама собой, меня воспринимали бы как отдельную самостоятельную личность, но... Нет, однозначно, мне нетрудно нести мое имя – сложнее подчас моим собеседникам, друзьям и знакомым, они все время, как говорят французы, пытаются «положить мое имя на мое лицо». Думаю, что подобное имя – это, в первую очередь, ответственность уже с того момента, когда ты представляешься и называешь его, это уже ко многому обязывает...

*Я опять готовлю отговорки
И опять все безразлично мне...*

Б.Пастернак

– О творчестве и личности Бориса Леонидовича (далее – Б.Л. – **А.Т.**) написаны тома литературоведческих исследований, но есть такие грани судьбы и характера, которые может наблюдать только человек «изнутри», человек самого близкого круга. Заранее прошу прощения за «неудобный» вопрос, который все-таки задам. Современники упрекали поэта в том, что он достаточно легко (по крайней мере, на их сторонний взгляд) приспособился ко времени и к власти преобладающим, был неплохо устроен творчески и бытово, заседал в различных президиумах, выезжал за рубеж, что-то такое коллективно подписывал... Времена, как известно, не выбирают, но всегда существует некая невидимая черта дозволенного, которую каждый из нас устанавливает для себя сам. А где проходила эта черта у Пастернака?

– У него эта черта «читалась» очень хорошо – она проходила ровно там, где начиналось личное пространство другого человека, там, где какие-то его действия могли вольно или невольно навредить другому. На самом деле он был человек невероятной смелости – начнем с того, что он никогда не подписал ни одного из тех «коллективных» писем, которыми так злоупотребляла тогдашняя власть – ратующих за чей-то арест, расстрел, осуждение и т.д. Даже если подобное письмо (которые тогда часто носили по писательским домам) касалось всего-навсего работы ЖЭКа или замены батарей, иногда, когда уже никак нельзя было уклониться, он ставил какую-то невнятную закорючку... Он просто физически не мог поставить свою подпись под таким письмом, понимая, что оно может искалечить чью-то жизнь, убить человека.

А что касается остального, то да, в свое время он был заинтересован – нет, не в сотрудничестве с властью, об этом, конечно, и речи не шло – но ему было инте-

ресно, как работает вся эта политическая властная машина. Да, он сидел в президиумах, выступал на съездах (чего ему, по-моему, не могут простить до сих пор). Он не был стопроцентным противником режима, как те же Мандельштам и Ахматова, он всерьез верил, что мастер слова может действительно что-то изменить, ратовал за изменение статуса СП, верил, что к его слову прислушиваются, что он может на что-то реально повлиять, чему-то научить или отучить своих коллег-писателей от **сервизма** – это было самое страшное слово в его лексиконе... Позже, во время войны, все подобные мысли у него прекратились раз и навсегда – война и ее события вообще многое изменили в его отношении к миру, к власти, к жизни и смерти. Пятидесятилетие стало для него неким рубежом, на котором произошел перелом сознания, поворот к вере...

*Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нытья
И хочет быть как я...*

Б.Пастернак

– Ни в коем случае не ставлю никаких оценок и не выношу суждений – я вообще противник всяческих ярлыков, потому что точно знаю, что и жизнь, и люди всегда сложнее любых определений и рамок. Но мы живем в странную эпоху – вроде бы, только-только общественное сознание избавилось от одних штампов, как им на смену тут же явились другие, которые так же упрощают и обедняют наши представления, заранее программируют ту же молодежь на однобокое, монохромное восприятие событий и персоналий минувшей эпохи...

– Понимаете, Борис Леонидович был совершенно нестандартным человеком – хотя, с другой стороны, где же вы видели стандартных поэтов?.. Но он был совершенно особенный, уникальный, буквально ни в чем не похожий ни на тех, кто был у власти, ни на тех, кто был ее жертвами. И жизнь его, и судьба имели совершенно особый формат, в них было много и того, и другого, и третьего, и десятого – поэтому какое бы определение мы ни пытались сейчас приклеить к таким личностям, оно заведомо будет ложным. Он действительно прожил жизнь абсолютно незапрограммировано – так, уцелев в Первую и Вторую Мировые, под казачьими нагайками и в годы сталинского режима с его репрессиями, он парадоксально стал жертвой хрущевской оттепели с ее либерализмом, заигрыванием с интеллигенцией, людьми искусства и т.п. Поэта убило именно это время – хотя он и прожил еще полтора года после всей поднятой против него травли. Известно, что умер Б.Л. в тяжелых муках, но перед этим по-христиански заранее простил всех своих недругов... Все это – подтверждение тому, что Пастернак ни своей жизнью, ни смертью не вписывается ни в какие клишированные, строго очерченные рамки.

*Я тридцать лет вынашивал
Любовь к родному краю
И снисхожденья вашего
Не жду и не теряю...*

Б.Пастернак

– С вашего позволения задам еще один непростой вопрос, касающийся переломного момента творческой биографии поэта. Речь идет о его культовом романе. Сегодня «Доктор Живаго» – безусловная классика, но мнения современников на его счет были далеко неоднозначны, эхо тех дискуссий (хотя и с другими акцентами) не утихает и сегодня – хотя, на мой взгляд, это как раз добрый знак, свидетельство того, что и автор, и роман живы и сегодня, волнует и будоражит умы и сердца. Но ведь существовало и существует мнение, что, не случись вокруг романа такой запутанной политической подоплеки, такого накала идеологических страстей, жесточайшего прессинга на автора и т.п. – и роман не приобрел бы такого звучания и значения, масштаба и статуса одного из наиболее значительных литературных событий века... Насколько, на ваш взгляд, правомочны утверждения, что популярность романа – это, в значительной степени, продукт политического пиара?

– Нет, конечно, я с этим категорически не согласна. Б.Л. всю жизнь абсолютно сознательно шел к «большой» прозе, этот замысел он вынашивал очень давно, и где-то на стыке 1930-1940-х он четко решил для себя, что будет писать роман, который, по его замыслу, будет популярен у всех слоев общества. Он не собирался писать нечто элитарное, ему хотелось именно вот такого общедоступного и общечитаемого романа, и поэтому он ориентировался именно на эту предполагаемую огромную читательскую аудиторию. Да, возможно, без всего вами перечисленного у романа не было бы такого привкуса политического бестселлера, такого количества скандальных экранизаций, статей, дискуссий... Но я глубоко убеждена: в какой бы политической ситуации он ни был написан и опубликован, этот роман в любом случае занял бы одно из ведущих мест в истории всей русской литературы. Еще одно доказательство этому – я помню, когда состоялась первая официальная публикация «Живаго» в «Новом мире», я ехала в метро, и буквально весь вагон – дети, старики, все те «бабы, слесари, учащиеся, слобожане», те, о ком писал в свое время Пастернак в своих «Ранних поездах», – держали в руках светло-синие журналы с романом и читали, читали... В основной читательской массе никогда не было никакого разочарования или отторжения романа. А ведь мы с вами свидетели тому, как в эпоху гласности, когда открыли все границы и стали печатать буквально ВСЕ запрещенное в прежнюю эпоху, было очень много массового разочарования – не помогли ни аура запрещенности, ни скандальный привкус... Так что никакой случайности в произошедшем с романом нет – все это абсолютно закономерно. Пастернак-романист давно встал в один ряд с Толстым и Достоевским, и сегодня представить себе прозу XX века без этого романа практически невозможно...

– Лично для меня «Доктор Живаго» – это ярко выраженная проза поэта, и я ни на минуту не забываю об этом – ведь несмотря на прозаическое повествование каждая его страница буквально напитана поэзией...

– Да-да, это абсолютно точное восприятие... А вот зарубежный читатель, который жестко ориентирован на действие, воспринимает этот роман, в первую очередь, сквозь призму его политического «бэкграунда». Канву сюжета они знают по старому американскому фильму¹ и всегда страшно удивляются, когда узнают, что

¹ Голливудская экранизация 1965 года (режиссер Дэвид Лин), получившая 5 премий «Золотой глобус» и 5 статуэток «Оскар».

автор, оказывается, не успешный новеллист или романист, а прежде всего великий русский поэт...

*Страницы века громче
Отдельных правд и кривд.
Мы этой жизни кормчей
Живой курсивный шрифт...*

Б.Пастернак

– *Большое, как известно, видится на расстоянии – в том числе, и на временном... На мой взгляд, современникам всегда трудно осознать, что человек, которого они видят рядом с собой ежедневно в самых разных житейских ситуациях, с которым они повязаны работой, бытом – это Личность на века.. Возможно, в том поколении, на котором лежал отблеск незабвенного Серебряного века, поэтические ровесники все-таки лучше чувствовали и различали истинный масштаб друг друга...*

– Да, но свои сложности были, конечно, и тогда – как и во все времена... Ведь советские писатели в ту эпоху существовали в своего рода резервации – вспомните хотя бы то же Переделкино («Поселок дачный, срубленный в дубrove, Блестел слюдой, переливался льдом...» – Б.Пастернак). Это ведь была сталинская идея – согнать писателей в одно, определенное им место, где бы они, в абсолютной изоляции от всех остальных, жили под присмотром вышестоящего литначальства и соответствующих служб. Естественно, что внутри этой среды, не разбавленной никакими примесями извне, была невероятная концентрация честолюбия, профессиональной ревности – это и вообще-то свойственно творческой среде, но тут все это аккумуляровалось до невероятной степени. Мало кто мог и может с чистым сердцем признать, что его сосед по даче – большой талант...

– *А кто вообще, на ваш взгляд, может объективнее оценить человека – современники или потомки? О Борисе Леонидовиче написано множество томов, и в каждом перед нами предстает разный Пастернак...*

– Отвечаю на ваш вопрос – конечно, потомки. Современники находятся в плену своих глубоко личных пристрастий, заблуждений, забывчивости, искаженного взгляда на тех, кто рядом. Сколько у нас на памяти неточных воспоминаний, в которых автор находится во внутреннем конфликте с тем, о ком пишет, все еще сводит какие-то счёты... Со временем, в последующих поколениях, все это уходит, и образ становится более объективным. Поэтому всегда особенно осторожным надо быть в воспоминаниях о коллегах. В этом смысле безупречным мемуаристом, счастливым исключением из многих была Лидия Корнеевна Чуковская, которая просто записывала за современниками (той же Ахматовой) все, как есть – без своих суждений, фантазий, оценок... Таких воспоминаний мало, но они есть, и вот они-то и есть лучшее документальное свидетельство эпохи.

*Я за работой земляной
С себя рубашку скину.
И в спину мне ударит зной
И обожжет, как глину...*

Б.Пастернак

– А сам Б.Л. радовался успехам и талантам своих товарищей по поэтическому цеху? Ведь есть же талантливые люди, для которых весь мир начинается и заканчивается ими самими... Но читая стихи Пастернака, я никогда не ощущала никакой натянутости, культивирования образа гения, небожителя (чем, кстати, во все времена грешат очень многие менее талантливые «пииты»). В его мироощущении все естественно и органично – в том числе и его любовь к природе... Так был ли он такой уж творческой «устрицей», оторванной от времени и реальности, каким иногда его пытались представить?

– Вот Борис Леонидович как раз умел радоваться чужому дару – как-то даже по-детски восторженно... А вот его собственный дар не всегда радовал окружающих – отсюда и все эти упреки с трибун разных собраний, партконференций, все эти анонимки, постановления, упреки бог знает в чем... Классические штампы того времени: «отрыв от народа», «внутренняя эмиграция» – а он просто был человеком настолько необычным, настолько непохожим на других, что это не укладывалось ни в какие привычные рамки. И не был он никаким небожителем, вспомните хотя бы его языческую, чувственную любовь к земле, к природе, которая была свойственна ему с рождения (и которую, кстати, я от него унаследовала) – этому невозможно научить, это невозможно привить искусственно. Его родители были абсолютными горожанами, аристократами от искусства, а он по мироощущению был человеком абсолютно «почвенным» (что не помешало ему создать немало прекрасной «городской» лирики). В этом смысле ему был близок взгляд философов 18-го века, считавших, что природа – мать и лучший учитель человека, лучшее из всего, что создано Богом... Вот и у Пастернака была не только интеллектуальная, но и природная, абсолютно биологическая связь со средой, которая породила его. Вообще, в его любви к миру никогда не было никакой отстраненности, высокомерия, это была любовь, так сказать, в химически чистом виде, но даже эту любовь ставили ему в вину, усматривая в ней какую-то злокозненность, а это была просто его органика, его личностная природа и больше ничего...

*О личностях не может быть и речи,
На них поставим лучше тут же крест...*

Б.Пастернак

– Вы много лет работаете с молодежью и, как никто другой, знаете, что сегодня всем нам приходится иметь дело с совершенно другой, подчас полярной прежней аудиторией. В наши дни молодых читателей подстерегает еще одна серьезная опасность – когда спадает флер запретности, уходит полемическая ажиотация, приуменьшается привкус чего-то нового, модного, скандального – у многих напрочь пропадает всяческий интерес к «герою дня» и его (ее) творчеству. А ведь именно творчество – тексты, партитуры, холсты – это то главное, что должно оставаться потомкам, а отнюдь не обсуждение земных страстей и ориентаций их создателей... Что же можно реально сделать, чтобы избежать заштампованности и перекосов восприятия у сегодняшних читателей?

– Сделать можно только одно: читать побольше оригинальных текстов и поменьше вторичных материалов... Закройте для себя все лазейки к сомнительному биографическому материалу. Я сейчас имею в виду не критику, художественная, литературная критика – это отдельное искусство, а именно те самые материалы с желтоватым оттенком. Какая, собственно говоря, разница, к кому обращено то или иное стихотворение, кто или что явилось первопричиной его появления на свет, если в каждой его строке – такой накал страсти, что все твоё существо начинает ответно резонировать?.. Все великие были живыми людьми и имели право на свою земную жизнь, на свои страсти, странности и ошибки, но не надо нам сегодня все это обсуждать и смаковать – хотя бы из уважения к памяти ушедших. Я, например, всегда очень настороженно, даже враждебно относилась и отношусь к попыткам обсуждать на публике личную жизнь моего деда, но это касается абсолютно всех людей такого масштаба. Главное, что остается от творческого человека, в данном случае от писателя, как вы правильно заметили – его творчество, тексты, вложенные в них мысли и чувства. Это моя глубочайшее убеждение, моя личная позиция, с которой кто-то может соглашаться, кто-то нет...

*Знаком ли вам сумбур таких компаний,
Благоприятный бурной тайне двух?..*

Б.Пастернак

– По собственному опыту знаю, что большую долю наших феерических страстей, встреч и разлук мы, поэты, проживаем в параллельной творческой реальности, что нередко сбивает с толку наших читателей и исследователей. Творчество, в том числе и стихи, – отнюдь не протокол и не хроника, они адресованы всем – и никому... В творчестве и во времени рядом с Б.Л. стоят две эпические женские фигуры, две поэтические «Джомолунгмы», его великие современницы – Ахматова и Цветаева. У меня вопрос: а монтируются ли такие равновеликие личности друг с другом в реальной земной жизни?

– Ну, что вы – однозначно, нет... Много раз обсуждалось, какими были в реальности чувства Пастернака к Цветаевой и наоборот, на этот счет существуют разные версии, но их роман был чисто эпистолярным, и вот эти-то письма – это и есть настоящее, это явление литературы, подлинное произведение искусства, их надо читать и перечитывать, чтобы лучше узнать авторов, понять их характеры. Но ведь известно, что при личной встрече общения у них не получилось, произошло не только взаимное разочарование, но даже некое отторжение... После возвращения Цветаевой из эмиграции Б.Л. очень много ей помогал, но опять же заочно. Из дневников ее сына явствует, что она рассчитывала какое-то время остаться жить в нашем доме в Переделкине, но этого он допустить уже никак не мог – в таком приближении, под одной крышей, они были просто несопоставимы. То есть, их переписка могла быть сколь угодно страстной и глубокой, но, конечно же, это было то, что называется «идеальная любовь» – думаю, у каждого человека в жизни найдется подобная история. Они были друг для друга объектами **поэтического** желания, творческого вдохновения – но не более того. И в данном случае, в общем-то, неважно, насколько «муза» соответствует своему образу, важно, что в общении с ней поэт, творец мог почувствовать, пережить такое...

С Ахматовой общаться было полегче, у них были более близкие, доверительные отношения – хотя и тут подчас наличествовала определенная профессиональная ревность, обиды, недопонимания, резкости... Пастернак был человеком рассеянным, он мог чего-то не заметить, не так себя повести в какой-то бытовой ситуации, а Анну Андреевну, привыкшую ко всеобщему вниманию и поклонению, это, конечно, задевало. На мой взгляд, намного более сопоставимы друг с другом оказались представители следующего поэтического поколения – Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, Евтушенко... Но и там были свои сложности – видимо, все-таки трудно выстраивать полноценные отношения в одной профессиональной среде, где такая концентрация личностей, схожей энергетики.

*Напрасно в годы хаоса
Искать конца благого.
Одним карать и каяться,
Другим кончать Голгофой...*

Б.Пастернак

– То есть, та близость, о которой мы сейчас говорили, – это уже, скорее, некое надмирное, кармическое родство, слияние в Духе, за рамками земного плотского бытия... И тут мы естественно подошли к следующему вопросу. Римма Казакова в свое время говорила: «Я молюсь стихами...» Скажите, а Борис Леонидович был верующим человеком? И что, на ваш взгляд, важнее для творческого человека – религиозность или духовность? Сегодня, когда мы наблюдаем всеобщий кризис не только формальной веры, но и очередную жесткую ломку нравственных, моральных ценностей, это вопрос не праздный...

– Тут необходимо внести ясность: Пастернак никогда не был религиозным человеком – он был человеком глубоко верующим. В семье усилиями бабушки поддерживались какие-то очень немногочисленные религиозные обряды. В Переделкино в двух шагах от нашего дома была действующая даже в те времена церковь, желающие посещали ее, но дед туда не ходил. Он всегда вел диалог непосредственно с Высшими силами, а во второй половине своей жизни – как бы нескромно это ни звучало – он все чаще соотносил себя напрямую с Божественным началом, с Творцом и его заветами. В этом смысле он был не книжником, а именно глубоко и искренне верующим человеком, соотносящим с этим всю свою жизнь – это был уже какой-то иной уровень духовности. Библейская лирика «Живаго» прямо свидетельствует об этом – пишущий эти строки даже не то, чтобы верит в Бога, а просто **знает**, что это есть, ему не надо никому и ничего доказывать, он ощущает и несет в себе это знание...

*Мы были музыкой во льду.
Я говорю про ту среду,
С которой я имел в виду
Сойти со сцены, и сойду...*

Б.Пастернак

– Соотношение национального и общечеловеческого – одна из актуальнейших во все времена тем (в том числе, и в произведениях наших авторов), ведь сколько людей, принадлежа по рождению к одному этносу, ощущали свое «кровное» духовное родство с какой-то другой культурой... В связи с этим очень «бакинский» вопрос – так что же важнее, что в конечном итоге определяет личность: этническое происхождение или наше мироощущение?

– К Пастернаку в свое время приклеился еще один штамп – самый русский поэт из всех стопроцентных евреев. Но дело в том, что у нас в семье никогда не стояло (и не могло стоять) национального вопроса – и вовсе не из-за страха перед правящим режимом или по еще каким-то внешним причинам, просто это была органика этих людей, единственно возможная для них форма существования...

– Ваша семья уникальна не только в этом, но и во многих других отношениях. Среди ваших предков – художники, музыканты, литераторы, полный симбиоз искусств, поистине удивительный генофонд, в котором все эти стихии взаимодействуют, гармонично дополняя друг друга...

– Да, в этом смысле сочетание действительно уникальное... И воспитание в семье тоже велось по своей особой системе: детей где-то лет с 4-5 начинали учить музыке, рисованию, но без всякого прессинга, просто, чтобы выявить те или иные способности, присматривались к ним. Я, например, человек из музыкальной среды (кстати, за время, проведенное в Баку, я просто влюбилась в ваш Камерный оркестр, который возглавляет Теймур Геокчаев!)... Но могу сказать, что, во всяком случае, никто из нас (я имею в виду свое поколение) не протискивался в музыку, живопись или поэзию путем наименьшего сопротивления, пользуясь громким фамильным именем – родители очень строго следили за этим...

– Ваше внешнее сходство с вашей бабушкой, Зинаидой Николаевной, отмечалось много раз – оно видно, что называется, невооруженным глазом, а как насчет натуры? И еще вопрос – готовясь к нашему разговору, я обратила внимание, что в наличии очень мало материалов о вашем отце, Леониде Борисовиче – с чем это связано?

– Бабушка, она – другой человек: очень строгая, суровая, педантическая женщина, работавшая ассистентом своего «звездного» мужа, державшая на своих плечах дом, вырастившая сыновей. Я в сравнении с ней, конечно, более инфантильна, как-то импрессионистична... А об отце я не могу спокойно вспоминать до сих пор... Невероятно талантливый, красивый человек, уникальная личность, он погиб в точности, как герой «Доктора Живаго» – его сбила машина, и у него разорвалось сердце... Это глубочайшая травма моей жизни, сегодня я уже гораздо старше, чем он, но до сих пор не могу это пережить. Очень хочу, чтобы кто-нибудь когда-нибудь достойно написал о нем – сама я не могу спокойно касаться этой темы. Чтобы писать чью-то биографию, нужно быть отстраненным от объекта исследования, но я знаю, что для меня он никогда не сможет быть просто «рабочим материалом»...

*Твой кумир тебя взял на премьеру (...)
И плечо твоё онемело
От присутствия слева...*

А.Вознесенский

– А какие отношения сложились у вашей семьи с Андреем Вознесенским? Ведь он – официально признанный ученик Б.Л., отчасти его преемник в поэзии... Мы все знаем Вознесенского-поэта, а что он был за человек, в том числе и в общении со своим наставником, его близкими?

– С Андреем Андреевичем отношения у нас были, в полном смысле слова, идеальные – это был практически член нашей семьи. Он был ровесником моих родителей, и я всегда воспринимала его, как близкого родственника. Он никогда не забывал о том, кем был для него Пастернак, вспоминал своего учителя при любой возможности – прекрасное и редкое во все времена качество... Долгие годы он был нашим соседом в Переделкине, заходил к нам, как к себе домой, всегда подставлял плечо, когда возникали проблемы любого рода – с домом, с организацией музея, с литературным наследием, на него можно было положиться в любой ситуации. Я до сих пор еще не пережила его уход, его сегодняшнее отсутствие, это такая рана, которая ощущается и сегодня – оказалось, что без него очень трудно и плохо жить...

– А вы видите в ком-то из нынешних стихотворцев продолжение пастернаковской линии в поэзии – возможно, некое интонационное, мировоззренческое родство с вашим дедом? Есть ведь в литературе пушкинская, Некрасовская, Гоголевская и т.д. линии, традиции, школы... Я ни в коем случае не имею сейчас в виду примитивное эпигонство или клонирование, но ведь Б.Л. просто не мог не повлиять на дальнейшее развитие мировой поэзии, оставив на нас всех свой след, свою творческую и личностную печать...

– Быть вторым Пастернаком попросту невозможно – настолько он самобытен и неповторим... Даже Андрей Андреевич (Вознесенский) пошел в поэзии другим, своим путем. Забавно – сегодня множество молодых поэтов с легкостью копируют интонацию, ритм, технические приемы и образы Бродского, а вот интонацию Пастернака скопировать, на мой взгляд, никому не дано, потому что, как я уже говорила, это просто невозможно – даже Ахмадулиной, боготворившей его, или тому же Евгению Рейну, у которого, по его собственным словам, Пастернак всю жизнь – самый любимый поэт. Эта любовь может придать какой-то дополнительный импульс, дать толчок вдохновению – не более того, но все равно интонация и форма воплощения будут совсем другие...

*Что это и есть его слово,
Его небывалый почин
Средь круговращения земного,
Рождений, скорбей и кончин...*

Б.Пастернак

– Порой я полушутя, полусерьезно определяю поэзию как «самое бесполезное из всех искусств», тем более, в наши дни... А какими вам представляются место и предназначение поэта в современном мире, нужна ли вообще сегодня эта не укладывающаяся ни в какие форматы «бесполезная» фигура?

– Да точно такими же, какими и во все времена... Ведь поэзия – это особая, уникальная форма ответа на экзистенциальные вопросы, которыми задаемся все мы: жизнь и смерть, любовь и ненависть, приобретения и утраты, верность и предательство, красота божьего мира, скоротечность нашего бытия... На все эти важнейшие жизненные вопросы, на мой взгляд, может ответить только поэзия, поэтому никакое развитие цивилизации не сможет «отменить» поэзию и поэтов, которые продолжают являться на свет со своей, особой миссией. Не нашего человеческого ума это дело – это решается **за** пределами земных чувств, даруется свыше...

– Вопрос, на который ищут ответа во все времена: а поэзия, вообще, существует – благодаря или вопреки?..

– Мое мнение – благодаря. Да, есть традиционная точка зрения, что чем сильнее внешний нажим, тем ярче и глубже поэтическое творчество, чем меньше в государстве свободы, тем лучше и креативнее творит поэт... И все равно – благодаря. Потому что надо благодарить даже то, что тебя подавляет – за то, что именно благодаря этим обстоятельствам ты открыл в себе что-то новое, сумел достичь творческого максимума, добиться наибольшей душевной отдачи и в конечном итоге – состоялся.

– Сегодняшних поэтов мучит все та же «вилка»: если раньше многие из них по каким-то причинам были вынуждены писать «в стол» и мучиться своей немотой, то мы живем, по определению Окуджавы, в довольно странное время, когда можно кричать во весь голос, но никто тебя не услышит – потому что поэзию надо уметь не только слушать (читать), но и слышать (воспринимать)...

– Вот для этого и существуют ПРОСВЕТИТЕЛИ – люди, которые во все времена ни при каких обстоятельствах не должны снижать культурный уровень, планку образованности, начитанности, объясняя современникам, что это единственный путь к нормальному бытию, что никто и ничто не заменит книгу, пусть даже электронную, что без этого попросту невозможна полноценная человеческая жизнь. Это как раз задача людей моей профессии – педагогов, которую все мы по мере сил и стараемся выполнять. Творец и просветитель, учитель и поэт – вообще очень хорошая пара, это на редкость счастливый «брак» между людьми одной творческой крови, абсолютно гармоничный союз, в котором один не существует без другого...

– Среди поклонников поэта выделяются два «мейнстрима» – это приверженцы раннего и позднего периода его творчества. На мой взгляд, как дуб произрастает из желудя, так и поздний Пастернак пророс из раннего – это одна и та же великолепная стихия... А насколько, на ваш взгляд, закономерно такое противопоставление, и кто ближе вам самой – ранний или поздний Пастернак?

– Думаю, говорить об этом разделении закономерно – ведь это мнение самого Пастернака. Знаете, есть люди, которые рано формируются и остаются такими уже на всю жизнь – конечно, что-то меняется в деталях, во внешних обстоятельствах, но личностная основа остается незабываемой. А он примерно к середине жизни, начиная где-то с войны, очень изменился именно как личность – отсюда и возникла эта великая простота его поздних стихов, которые я любила всегда, начиная с юности. Так что я, наверное, все-таки из «второй» группы...

– Мне довелось слышать авторское чтение многих великих поэтов, в том числе, конечно, и Бориса Леонидовича. Еще одна извечная дилемма – противопоставление поэтической и актерской манеры подачи текста, ритмического и смыслового акцентирования... А что ближе лично вам?

– Мне ближе даже, пожалуй, не актерская манера, а чтецкая – вот еще одна профессия, которая сегодня, к большому сожалению, потихоньку уходит, а ведь раньше у нас была поистине блестящая исполнительская школа. Мне довелось слышать Яхонтова, других совершенно великолепных чтецов и чтиц минувшей эпохи, которых раньше было великое множество. Вот в их исполнении и надо слушать поэзию... Слушать стихи в исполнении самого поэта – это бесценный опыт, но ведь в поэзии все-таки главное ритм, и если ты читаешь не глазами, а **слушаешь** стих, нужно, чтобы он был ритмически безупречно воспроизведен.

– Кстати, существуют еще оригинальные «пограничные» варианты – где-то на стыке поэзии и театра, скажем, тот же «Синий цвет» в исполнении Резо Габриадзе или Георгия Товстоногова...

– О, я обожаю чтение Товстоногова – хотя он формально и не чтец, и не актер, но у него такая неповторимая ритмическая манера чтения, такая высшая мудрость, усталость в интонациях... С одной стороны, он читает так, как будто он сам написал эти строки, и вместе с тем так, чтобы и зритель, слушатель полностью проникся, *рас-слышал* это великое стихотворение...

*...Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, ад на рай,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край...*

Б.Пастернак

– Сама наша беседа органично вывела нас на набережную Кобулет, по которой когда-то шли влюбленные Борис Леонидович и Зинаида Николаевна, и на которой много лет спустя довелось стоять, слушая шум вечернего прибоя, и мне – участнику Международного поэтического фестиваля в Грузии... В те фестивальные дни дух Пастернака незримо витал над всеми нами – состоялся посвященный поэту вечер, презентация новых литературоведческих исследований его творчества. Мне представляется, что Грузия – это вообще некое слово-пароль в судьбе очень многих русских поэтов, в том числе и Б.Л. – возможно, это самый яркий из его романов, о котором, в отличие от всех остальных, можно говорить совершенно открыто и без всякой опаски...

– Вы правы, Пастернак в Грузии – это особая часть его жизни (так же, как стихия грузинских переводов – это отдельная страница в творческой биографии поэта). Когда начался их непростой роман с бабушкой, они сбежали ото всех в Грузию, позже, когда в связи со всей этой травлей по поводу «Живаго» ему посоветовали скрыться из Москвы – он так же оказался здесь... На протяжении многих лет наша жизнь традиционно была связана с этой страной, и с детства я ощущала, что для всей нашей семьи это какое-то провидческое место – не санаторий, не место банального отдыха, а некий храм, который исцеляет и очищает. Поэтому у меня с Грузией всю жизнь связано отчетливое ощущение: если тебе трудно, если тебе плохо, этот благословенный край всегда защитит, укроет от горя, проблем, гонений... Табидзе, Яшвили, Маргелашвили, режиссеры, художники, музыканты, актеры – для всех них наша семья была близкой, «своей». Почти родственные отношения связывали нас все эти годы с семьей Тициана Табидзе, семьей, которую поэт оставил нам как бы в наследство – когда стало очевидно, что Тициан уже не вернется, дед всячески поддерживал и практически содержал их до самого своего ухода. Потом дружили уже дети поэтов, позже – мы, третье поколение... Хочу верить, что все, что нам было завещано нашими великими дедами, мы по мере сил исполняли и исполняем и сегодня...

*Но некогда эту страницу
Твой предок вписал о тебе...*

Б.Пастернак

– Елена Леонидовна, сегодня вы – главный хранитель не только «видимого» наследия Пастернаков, но и уникальных воспоминаний о вашем гениальном деду, семье, современниках, эпохе... А нет искушения взяться за мемуары, как вас пытались к этому подвигнуть в той же «Школе злословия»?

– Я обычно шучу, что пока я, пожалуй, еще не в том возрасте... Хотя вы правы, меня часто к этому пытаются подвигнуть с разных сторон. Но сейчас я с большим удовольствием занимаюсь чем-то еще – к примеру, веду класс в школе литературного мастерства Татьяны Толстой, где у меня великое множество учеников...

– Извечный провокационный вопрос – а можно ли «обучить на писателя» (поэта)? Или, возможно, ваша задача – готовить профессиональных читателей для будущих поэтов?

– В рамках той же школы у нас как раз есть класс профессионального читателя... Но я ориентирована именно на пишущих людей, которые приходят ко мне со своим талантом, хорошим образованием, каким-то накопленным багажом. Им уже хочется учиться не азам, а сложной «огранке» слова – и я помогаю им с какими-то профессиональными приемами, с разработкой каких-то творческих «мышц» и с радостью отмечаю, как день за днем, лекция за лекцией это приносит ощутимые плоды. А сама я с удовольствием пишу небольшие эссе на перечисленные вами темы, но вот большие объемы – это пока непосильная для меня нагрузка, не только физическая, но и психологическая, к которой я пока что не готова...

– От души желаю вам доброго урожая на всех возделываемых вами творческих «полях» и еще раз благодарю за эту беседу. Понятно, что в рамках одного интервью невозможно не то, что исчерпать, но даже коснуться всех тем, связанных с именем Бориса Леонидовича. Но я надеюсь, что эта встреча обязательно будет иметь продолжение, и тогда я смогу задать вам все те вопросы, которые сегодня остались «за кадром»...

– Буду искренне рада продолжить наш разговор...

Как я и говорила, сразу же по завершении этой беседы, длившейся не один час, я поняла, что у меня осталось ровно столько же вопросов к героине сегодняшнего интервью, сколько и было задано. Что, впрочем, неудивительно – ведь имя Бориса Пастернака символизирует собой название целой планеты с совершенно особой, неповторимой аурой, абрисом, историей возникновения, законами притяжения и отталкивания, творческой «флорой» и «фауной»...

Совершенно очевидно, что в подобных беседах, как правило, двое – интервьюер и его визави. Но мне так же очевидно, что на этот раз участников разговора было трое – Борис Леонидович принимал самое непосредственное участие в разговоре своими поэтическими ремарками, удивительно точно ложившимися в русло нашей беседы. Порой мне казалось, что я даже слышу за плечом глуховатый голос поэта, и не раз возникало искушение обратиться непосредственно к нему...

Не знаю, заметили ли читатели еще одну примечательную деталь – вспоминая своих близких, Елена Леонидовна зачастую говорит о них не в прошедшем, а в настоящем времени, и это придает особый оттенок ее рассказам, так, словно где-то, в одном из параллельных измерений, все эти красивые и талантливые люди живы и сегодня: хлопчет по дому Зинаида Николаевна, дописывает последнюю пьесу¹ Борис Леонидович... Старая истина – все мы живы до тех пор, пока на земле нас помнит хоть один человек, но истинное счастье, когда в лице своих близких подобные люди обретают не только любящих детей или внуков, но еще и хранителей того творческого огня, который горел в них при жизни, того струящегося с дальних звезд серебряного света, который ложится на лица все новых читателей и поэтов...

Беседа вела Алина ТАЛЫБОВА

¹ Пьеса «Слепая красавица», над которой работал поэт в последние годы жизни, осталась незавершенной.

Представляемый сегодня автор – взрослый, сложившийся человек, но писать начала всего пять лет назад. В этом есть свои преимущества – весомый жизненный багаж, житейская мудрость, широкий взгляд на многие вещи – все это обычно приходит с годами. И все это просматривается в ее небольших, но очень симпатичных рассказах – искренних и по-доброму ироничных. Ее герои – самые обычные люди, те, что живут рядом с каждым из нас, темы – обычные жизненные ситуации. Но внимательный взгляд автора умеет увидеть их по-своему, и по-своему же передать. И потому то, о чем она пишет, несмотря на обыденность происходящего, вызывает интерес. Написанное ею хочется читать, и читать с доброй улыбкой – такой, с какой, как мне кажется, писала их автор. Рассказы Наргиз Багировой – её первая публикация в «Литературном Азербайджане». Хочется верить, что она будет по достоинству оценена читателями.

НАРГИЗ БАГИРОВА

В гостях у сказки

В «Сказке о рыбаке и рыбке» Александра Сергеевича Пушкина много неясного... Недосказанного много...

Жила-была одна пожилая чета. Жила она, как известно, в землянке. Без облицовки, без окон, с покосившейся дверью, и внутреннее убранство наверняка было соответственное. Корыто – и то от древности рассохлось.

Дед старался – подрабатывал, когда выпадала халтура, рыбачил, расставлял сети, невод забрасывал, сушил весла. Чужие.

Главное в труде – это итог, а не сам процесс. А итог у старика, несмотря на напряженный процесс, был нулевой: утром – рыбий жир, в обед – уха, на ужин – трава морская. Тридцать лет и три года рацион, сплошь состоявший из «рыбного дня» – тут любые морепродукты поперек глотки встанут!

И вдруг невиданная удача, пенсионер на третьем заходе выловил золотую кефаль! Или это была семга, неважно... Важно другое – «говорящие жабры» брались в рекордные сроки круто изменить жизнь деда.

Старик в красивой форме, душевно и просто, отказался от подарка судьбы. Мог выторговать комфортабельную избу, не б/у лодку со снастями, ручного кита, русалку для тайных свиданий... Мог, но не пожелал.

Еще он мог эту рыбенцию продать, зажарить, испечь, сварить, закоптить, драгоценные чешуйки жене на ожерелье пустить. И от такого расклада отказался...разблагородничался.

Ну, бабка и взвинтилась – надоело! Про корыто она просто так сказала, сгоряча. Но старика не прошиб сарказм жены, он, как человек начисто лишенный креа-

тивного начала, понял все буквально и выклянчил у золотой рыбки неопознанной породы новое корыто. Тогда «законная» снова расшумелась и в который раз назвала свою половинку «дурачиной-простофилей».

Дед не обижался, он привык, в рыбацком поселке его еще и не так обзывали...

А у тетки сдали нервы. Она стала набирать обороты, вначале захотела новую избу, потом в довольно категоричной форме потребовала новых чинов и званий.

Последнее пожелание бабка высказала от отчаяния. Она ясно поняла, что жизнь с таким безынициативным мужчиной стала невыносима, иначе требование о переезде на ПМЖ в «Окиян-море» не истолкуешь. Ведь для того, чтобы прижиться на дне морском, ей надо было, как минимум, умереть. Мокро, темно, неудобно, какая-то селедка позолоченная «на посылках»... Что она могла добыть бабушке из морских недр – неоновое ската? Играющего в шахматы дельфина, сувенир с Атлантиды, печень медузы, гриву морского коня? Что?!

Конец сказки многим кажется печальным. А с чего бы?..

Бабка в несколько прыжков преодолела все ступени иерархической лестницы. В избе со всеми удобствами пожила, в столбовых дворянках походила, вольной царицей побывала. Чихать она хотела, если на то пошло, на расколотое корыто! Ей есть, чему улыбнуться и будет, что вспомнить на смертной лавке.

Золотая рыбка, намаявшись с выполнением заказов полоумной пары, на всякий случай, от греха подальше, переплывет в нейтральные воды. И там напишет свою версию истории о том, как она по молодости на недолгое время побывала игрушкой в руках вздорной старухи и инертного старика. Хорошо напишет, живо, но ни одно издание из-за отсутствия фактического места прописки рыбы не решится на публикацию ее мемуаров. Даже в нейтральных морях, несмотря на кажущееся благополучие, есть свои минусы, свои, как говорится, подводные рифы...

А «старче» так и будет доживать свой век в беспросветности. Как прорыбачил тридцать лет и три года, так и дальше будет... Халтурить, когда выпадет случай, сети расставлять, невод распутывать, весла чужие сушить. И снова опостылевший «рыбный день»: на завтрак – рыбий жир, на обед – уха, на ужин – морская трава, по праздникам – маринованные водоросли.

Золотая треска дважды в одни руки не дается....

Дело было вечером...

Неприятный слякотный вечер, конец рабочего дня и – после утомительной дороги с такими же, как я, отсыревшими горожанами – я, наконец, дома!

Тут меня подстерегают свои сложности...Свои, раздирающие сердце, противоречия поджидают меня тут.

– Не вздумай ужинать! – кричат мне весы.

– Поглядь свои вещи! – просит утюг.

В разговор вступает включенный телевизор:

– Посмотри мое ток-шоу. Там, знаешь, такая интересная история. Она требует у мужа алименты, а он женился на однокласснице своей бабушки, и та в завещании...

– Открой меня – может, найдешь что-нибудь диетическое... – вкрадчиво пол-

зет в душу холодильник.

– Не смей! – снова орут весы, – и к дивану не подходи – сама же потом пожалеешь!

– Ложись под меня, не понравится – встанешь! – недвусмысленно соблазняет плед.

– Выпей чаю! – пытит чайник.

Весы начинают раздражать своим авторитаризмом:

– Чай можешь выпить, но смотри, не ешь ничего сладкого!

– А у меня по другому каналу еще одно ток-шоу! – бодренько продолжает телевизор. – Тоже очень интересная история... Представляешь, она родила, но не помнит, от кого. Сейчас все мужчины детородного возраста из ее деревни придут в студию слюни на ДНК сдавать...

– Ты хотя бы красную юбку погладила – сейчас самое время ее надевать... – снова канючит утюг.

– Погладь, отчего не погладить?.. – рассуждают весы. – И вообще, займись делом, погладь, пропылесось, пыль вытри с мебели.

– Господа весы... нет, наверно, не так... Господин весы, простите, – насторожились книжные полки, – а не могли бы вы ее попросить протереть книги? Она все же к вам прислушивается.

– Так ты не хочешь меня?! – театрально вопрошает плед.

– Не хочет! – отвечают за меня весы...

– А компот хочешь?! – орет холодильник с кухни.

– Не хочет! – снова весы, ну что ты будешь с ними делать...

– Может, постираешь? – ехидно поблескивая, спрашивает стиральная машина.

– Это что, на ночь глядя? – заступается за меня диван и советует: – Ложись, отдохни полчаса.

– Не слушай его – он каждый вечер тебя провоцирует! Ты, дура слабохарактерная! – отчаянно вопят весы.

– Ровно через пять минут у меня по еще одному каналу начнется еще одно ток-шоу. Он пьет, бьет, врет. Она мается, жалуется, плачется. Она тоже пьет. Не посмотришь?.. – спрашивает телевизор и уныло добавляет: – Правильно и сделаешь. Мне самому эти ток-шоу обрыдли...

Я демонстративно игнорирую домашнюю утварь:

– Мааам, а что калорийнее – конфета или вафля?

– Конечно, конфета, – неискренне говорит не теряющая надежды покормить меня мама, – она же шоколадная. А вафля легкая совсем...

– А по-моему, конфета лучше, вафля же мучная... – сомневаюсь я и съедаю конфету.

А потом две вафли. И опять конфету. А потом беру пульт в руки, ложусь на диван и накрываюсь пледом... Ненавижу себя.

– Люблю тебя, – щекоча шею, интимно шепчет мне плед.

– Переключи на «Дом-2», – телевизор снова оживает. – Вот ты никогда не смотришь, а там тоже очень интересная история. Представь, Сонька изменила Родиону со Свидригайловым...

– Мааам, а что у нас на ужин? – спрашиваю я.

– Тряпка! – презрительно сплевывают весы.

«Тряпка...» – вяло соглашаюсь я и, перебирая кнопки пульта, приступаю к сеансу само-не-уважения...

Вечер входит в привычную колею...

Про смену пола

Вечер. Битком набитый вагон метро. Она еле втиснулась, уткнулась носом в чью-то драповую спину, с одного боку толкается джинсовая куртка, с другого – еще один драп и кожа. И сзади кто-то напирает...

Застыла...окаменела...вцементировалась... Стоит на одной ноге, как цапля на болоте. От нечего делать в вынужденной замурованности прислушалась к разговору двух женщин:

– Представляешь, какой ее внук выкинул номер – в двадцать восемь лет вдруг решил сменить пол! Они, конечно, скрывают, но я узнала от моей золовки – она общается с их ближайшими друзьями, и те по большому секрету рассказали... Родители вывезли его еще трехлетним малышом в Европу. Вот тебе и эти заграницы. Это ж какой стыд-позор – сменить пол...Вроде, и подружки у него были...

– Ужас какой! Не приведи Бог! (*дамы хихикают*).

– А на какие деньги? Это же дорогая операция!

– Ну, не знаю... Может, кто-то поможет, кто-то заинтересованный (*снова хихикают*).

– Ты можешь себе представить? Я не могу... До двадцати восьми был мужчина, и вдруг – бац: стал женщиной!

Она усмехнулась и подумала: «Вы, милые мои, многого не можете себе представить. Я тоже до двадцати пяти была женщиной. А как вышла замуж, родила... Да я по несколько раз в день меняю пол! И безо всяких дорогостоящих операций!»

Ей вспомнилась масса примеров из не совсем далекого прошлого...

Ехали на дачу, заглох мотор. Дети вопят, свекровь люто ненавидит, муж озадаченно чешет затылок под кепкой... Пока он по мобильнику консультировался с другом, она поковырялась под капотом и... Через пятнадцать минут они уже ехали!

А когда они с мужем пошли в ближайший супермаркет, накупили полную тележку продуктов, и на обратной дороге у него резко прихватило поясницу? Она не просто сменила пол на мужской, она сменила пол на атлетически мужской! Потому что помимо четырех громадных пакетов общим весом приблизительно килограммов в двадцать ей пришлось тащить на себе еще и мужа, весящего под сто кг.

Разве только это? Кто в доме чинит розетки и утюги, двигает мебель, лезет под потолок, разделявает мясо, ругается с монтерами, откупоривает шампанское, вешает шторы, торгуется на рынке, орет на дерущихся детей и утихомиривает разбушевавшегося соседа-алкаша?

А кто умеет в одну долю секунды сменить пол на снова – женский? И тоже без помощи высококвалифицированного хирурга?.. Стоит только пощекотать ее за ушком и прошептать ей что-то ласковое и теплое, как она снова возвращается в свое естественное, данное Богом состояние.

И по ночам она женщина. Замотанная, уставшая, но все же – женщина.

Правда, по ночам, после... Так вот, «после» – она храпит, как упившийся в хлам портовый грузчик! Комары – и те шугаются.

Вот так, милые тетки, такие вот дела по смене пола...

Она твердо ступила затекшей ногой на перрон, мысли потекли по привычному руслу. Послезавтра воскресенье, у ее младшего сына день рождения. Событие решили отметить в ресторане, в небольшом семейном кругу...

«Надо завтра с утра, – думала она, – смотаться в ресторан, окончательно до-

говориться насчет меню. В банк съездить, проценты по кредиту уплатить. В парикмахерскую, в машине масло поменять... Купить белье...кружевное, фен починить».

Вот он, новый пол – мужо-женщина! Или жено-мужик...

Вздор какой, ну конечно, она – женщина! Молодая, веселая, привлекательная, умная, любящая, любимая, умеющая шить, вязать, водить машину и печь самые вкусные в мире пирожки!

Она рассмеялась и, взбежав по лестнице, начала шарить ключом по двери в поисках замочной скважины. На лестничной площадке было темно.

«Бли-и-н, – подумала она с досадой, – надо из гаража стремянку тащить – опять лампочка в блоке перегорела. Не забыть бы завтра днем сменить...»

Волшебная сила искусства

Как-то очередным летом мама, папа и мы с сестрой ехали поездом на очередной отдых.

Впечатления от путешествия по железной дороге окрыляли уже с вокзала... Вдохновенные энергией скоростных поездов, по перрону, как подорванные, мчались носильщики и гнали впереди себя тележки, под завязку загруженные пассажирским бардаком. За ними, держа руки на пульсе и на бегу считывая номера вагонов, бежали почтенные отцы семейств. Следом, панически боясь затеряться, довольно резво трусили мамыши с детьми.

Вопли провожающих, детский плач, надсадный крик проводника, духота и вагонная сутолока, рассыпавшиеся яблоки, чей-то саквояж, перекрывавший своей громадой дорогу к вожделенным купе, путаница с местами...Потом под злобным взглядом проводника мужчины общими усилиями открывали окна в коридоре и деликатно курили, любезно предоставляя возможность дамскому контингенту вагона переодеться во что-то «удобное».

Почти одновременно со стуком колес начиналась тотальная охота за чаем. Стаканы предательски болтались в раскаленных подстаканниках, и чай жег руки...

Все женщины Советского Союза, путешествовавшие «железкой», были одержимы непреодолимой манией накормить личный состав купе, не заморачиваясь на своих и посторонних. Ассортимент у всех был приблизительно одинаковый: курица, колбаса, пирожки, котлеты, яйца, картошка, помидоры, огурцы, лимонад, вафли, печенье... Этого вполне хватало, чтобы отравить жизнь себе и другим.

– Доедайте курицу, что я с ней делать буду?

– Надо срочно съесть колбасу – она до завтра испортится!

– Я не для себя варила яйца – у меня, между прочим, аллергия!

И отчаянный вопль в купейное поднебесье:

– Мне что, одной все это жрать?!

Следующая стадия – получение постельных принадлежностей.

– Долго ты еще собираешься сидеть со своей газетой? За постелью, говорю, иди!

Взгляд поверх очков мужа, оторванного от чтения статьи о событиях на Ближнем Востоке, выражал полное недоумение – какая постель, с кем?.. Что это: проверка или провокация?

Для нас, детей, самый интересный момент наступал тогда, когда нас оставляли в покое. Переодевали, кормили, поили неприятным чаем со вкусом расплавленного подстаканника и предоставляли самим себе. Мы сразу вылезали в коридор. А там

было полно незнакомых людей, совсем другой вид из окон и дети, с которыми можно было поболтать об очень важных вещах: как зовут, куда и с кем едут, в каком классе учатся, как с академ-успеваемостью и кем будут, когда вырастут. Хотя действующие лица, проводники и направления поездов друг от друга несколько отличались, но сценарий во всех таких поездках был приблизительно один и тот же...

Но одно из таких путешествий заняло в моей жизни особую нишу. На второе утро в наш уже обжитой вагон зашел пожилой человек. Это был мужчина среднего роста, дородный и краснощекий, и одет он был так, как одевалось большинство немолодых мужчин того времени – чесучовый костюм, сандалии и сетчатая летняя шляпа. Зашел, громогласно поздоровался с вагонным людом и шумно ввалился в соседнее с нами купе.

Голос у него был интересный. Звучный, сипло булькающий и какой-то как будто «жирный». Такими голосами обычно обладают тучные и очень жизнерадостные люди.

День приближался к сумеркам, и я вдруг обнаружила чесучевого дядю у нас в купе. Он, шумно хрумка в вафлях, пил чай и очень по-приятельски беседовал с родителями. Увидев нас с сестрой, он спросил, как нас зовут, выяснил, сколько нам лет и сообщил, что сам является дедушкой «трех бандитов». Пропуская встречный поезд, наша многовагонная кишка остановилась. Мужчина в чесуче, звали его дядя Андрей, продолжал рассказывать, что попал на фронт с первых дней войны и дошел до Берлина, что он вот уже несколько лет, как на пенсии, а до этого работал судьей в родном Таганроге, почетным гражданином которого он является.

Но тут мы с сестрой услышали громкую перебранку и, само собой, тут же подалась к «магниту притягательней»... Все дело было в двух дамах, которые чинно-благородно намеревались сойти на ближайшей станции. Но судьба, капризно надув губки, перетасовала колоду и преподнесла им нежданно-негаданно сюрприз.

Оказалось, что наш поезд совершил вынужденную остановку буквально возле их дома, и теперь они слезно упрашивали проводника спустить им лестницу на родной песок. Проводник, ошалело вращая красными (после вчерашнего) глазами, кричал, что «запрещено-не-положено», грозил штрафом и стращал Великим и Ужасным начальником поезда. В ответ две гражданки в пестрых ситцевых платьях взывали к совести проводника, утверждали, что у него тоже есть сердце и, стуча руками по стеклу тамбура, показывали на свой самый веский аргумент: прямо перед нашими ногами на привязи стояла белая коза, являвшаяся их личной собственностью – святой и неприкосновенной! Коза медленно и меланхолично жевала траву, но, внезапно почуввав неладное, повернулась мордой к вагону и, увидев хозяек, жалобно заблеяла в тональности «казанской сироты». Весь вагон забеспокоился. Старики сопереживали, взрослые советовали, дети умоляли, обе гражданки чуть не плакали, а коза практически в открытую перешла к угрозам.

Вагонный кипиш прекратил громкий, «жирный» смех дяди Андрея. Проводник как-то сразу сник, вяло махнул рукой и пошел спускать лестницу. Пассажиры, радостно улыбаясь и оживленно выражая благодарность, суетливо скатились на землю, те, кто остался, возбужденно переговаривались под победный клич козы.

Мама загнала нас обратно в купе и позвала дядю Андрея «допивать чай».

Усевшись, он спросил:

– А как ваш Рашид Бейбутов поживает?

Вопрос никого не удивил – Бейбутова знала и любила вся страна.

– Нормально, – улыбнулись родители, – недавно концерт давал в Зеленом Те-

атре.

– Как же я его люблю! Я многие его песни наизусть знаю... Не верите?!

И тут я очень пожалела двух гражданок, пошедших на поводу у своей козы. Потому что им никогда не узнать, как дядя Андрей пел своим густым, чуть хриплым голосом. Он пел песни из репертуара Рашида Бейбутова, но этим, повторюсь, мало кого можно было удивить.

Поражало другое – судья на пенсии, живший в Таганроге и никогда не бывавший в Азербайджане, пел песни Бейбутова... на азербайджанском языке! Пел одну за другой, пел громко и со вкусом, пел, забавно произнося знакомые слова. Мы слушали его, как замороженные... Перед купе собралась толпа... Разомлевший проводник крутился рядом и растерянно предлагал чай...

Дядя Андрей, давая себе отдых, иногда переходил на песни из бейбутовского репертуара на русском языке, а иногда делал перерывы, чтобы спросить у родителей перевод некоторых слов.

Я по сегодняшний день испытываю трепет, вспоминая тот случай в поезде.

Вся страна сравнительно не так давно подседа на телевизионную иглу, но радио все равно продолжало держать первенство в каждом доме. Старшее поколение не выключало радио сутками напролет, и я помню концерты Рашида Бейбутова, которые слушала в доме своего дедушки. Приход деда с работы был самым священным событием дня для нашей бабушки. Но даже в ожидании деда она могла бросить все дела на кухне только для того, чтобы послушать по радио песни Бейбутова.

У меня по сегодняшний день песни Бейбутова ассоциируются с гостиной в дедушкином доме... С тем временем дня, когда еще никому не приходит в голову включить свет... И из радио по полутемной комнате клубами плывет волшебный, бархатный голос великого певца...

Но мне никогда не забыть и того, «вагонного» пения... «Alagez», «Gozelim sensen», «Laleler», все песни из «Бахтияра», спетая, лукаво глядя на меня, «Я встретил девушку»... Много чего еще...

Это было не просто поклонение и любовь – это было обожание! Преклонение русского человека перед незнакомой культурой и безмерное обожание того, кто своим великим дарованием, растопив языковые преграды, смог стать близким и любимым человеком в каждом доме огромной некогда страны... Наш попутчик ведь был не единственным – поклонников творчества Бейбутова были миллионы.

Никто из нас даже представить себе не может, какой была бы наша жизнь без его песен – любимых, дорогих сердцу, пахнущих детством... С творчества Рашида Бейбутова началась наша любовь к азербайджанской музыке, азербайджанской культуре и к нашей Родине... Не стоит искать патриотический дух в передовицах газет и в высокопарных словах, достаточно послушать песни в исполнении незабвенного Рашида Бейбутова... В исполнении, знакомом с детства и полюбившемся на всю жизнь... В исполнении настолько близком и родном, что кажется, будто чувства и переживания, передаваемые этим великим голосом, понятны тебе, как никому другому...

Allax rəhmət eləsin...

P.S. Удивительный факт... Я давно сделала наброски к этому эссе, но в начале лета внезапно и вдруг решила окончательно его доработать. Немного покорпела над ним, а потом (как чувствовала) решила заглянуть в википедию. И оказалось, что именно в этот день, 9 июня, Рашид Меджидович ушел от нас... До сих пор не могу понять, что это – совпадение или непостижимая закономерность

Жила-была одна «неправильная» девочка...

Вроде обычная девочка пяти лет – такая же, как все остальные пятилетние девочки. Некоторые взрослые даже принимали ее за шестилетнюю...

Она никогда не ходила ни в ясли, ни в детский сад.

Утром, когда родители уходили на работу, она оставалась с бабушкой и дедушкой. Дедушка ходил с ней гулять, рассказывал ей всякие интересности, брал ее на руки, когда не работал лифт, катал на качелях. Бабушка следила за тем, чтобы она съела до конца суп, жаловалась на непогоду, вязала ей шарфики и читала ей сказки. Вечером приходили родители, спрашивали, как она себя вела, объясняли то, что не успели объяснить дедушка с бабушкой, поили ее молоком и тоже рассказывали перед сном сказки...

Да, нашей девочке решительно было нечего делать в садике...

Но одним зимним вечером папа внимательно посмотрел на дочь и сказал:

– Товарищи, о чем вы думаете? Ребенку нужно общение со сверстниками! Ей, между прочим, на будущий год в школу идти. Давайте решать...

В семье началась буря.

Папа убеждал, бабушка возмущалась, дедушка расстроился, а мама поддерживала.

Через три дня девочку в первый раз провожали в садик.

– Мама, ты же не на войну ее отправляешь! – кричала мама бабушке.

– Я кладу только все необходимое! – не сдавалась бабушка.

– Я заберу тебя через три часа, держись... – переживал дед.

– Товарищи, я из-за ваших сборов опоздаю на работу! – торопился папа.

Наконец малышку привели в старшую группу детского сада. С нее сняли шубку, шапочку, ее переобули в новые тапочки-зайчики, поцеловали и велели не плакать.

Но девочка плакать и не собиралась, она же была «неправильная» девочка. Ей было очень интересно – она никогда не видела столько кроваток, столиков, игрушек и детей. Дети были разные – там была девочка в очень красивом розовом вязаном платье, был толстый краснощекий мальчуган в спортивной форме, худой мальчик в клетчатых штанах, девочка в очках, рыжий мальчик, девочка с тремя косичками и еще много других детей.

– Как жарко у вас тут... – пожаловалась девочка.

– Просто ужас, – согласился краснощекий мальчик.

– А ты жакеткуними, – посоветовала девочка в очках.

Девочка с тремя косичками начала прыгать на одной ножке, рыжий мальчик – бить мячом об пол, худой мальчик ничего не делал, а маленькая дама в розовом платье сказала с завистью:

– Какие тапочки у тебя красивые... И модные...

– Это мне Дед Мороз подарил, – похвасталась неправильная девочка.
К ее удивлению дети расхохотались.

– Никаких Дедов Морозов не бывает!

– Он бы растаял давным-давно!

– Это артисты ими притворяются!

– Ты что, маленькая?! Ребята, ее в школу не примут – она маленькая!

– Есть Дед Мороз! – спорила малышка. – Есть! Существует в жизни! И внучка у него есть – Снегурочка! Они мне через бабушку тапочкОВ-зайчиков передали! Я сама тогда спала, между прочим! Да!

– Ты, может, еще и в сказки веришь? – с издевкой спросила обладательница розового вязаного платья.

– Мне дедушка рассказывает сказки! И бабушка! И мама с папой! – возмутилась малышка. – Я все сказки на свете знаю! И я сама видела настоящую Красную шапочку! И Золушку с мачехой! И Мэри Поппинс!

– Где? – поинтересовалась девочка в зеленом халатике.

– В театре!

– Ха-ха-ха – это актеры! Они потом переодеваются и домой едут! Мне старшая сестра сказала, а она, если хочешь знать, в институте учится! – солидно произнес румяный толстяк.

– Да?! А Буратино? – не сдавалась неправильная девочка.

– А что – Буратино?.. – поинтересовался мальчик с седой отметиной в волосах.

– А то! Я в другом театре видела Буратину! Нас-то-я-ще-го! У него длинный нос и его выстругали из полена! – героически держала оборону малышка.

– Видел я этого Буратину! Это кукла, – сказал рыжий мальчик, – ее взрослые за веревочки дергают, у них работа такая, это мне папа сказал – они деньги потом за это получают!

А худой мальчик в клетчатых брючках не спорил и вообще ничего не говорил... Он слушал всех, поочередно поворачивая худенькую шею то в одну, то в другую сторону.

Возмущенная малышка решила привести последний, самый сокровенный и убедительный довод:

– Я вчера вечером уложила свою БарбиЮ спать в ее кроватку, – сказала она дрожащим от обиды голосом, – а утром проснулась – смотрю, она на диване около бабушки сидит!

– Ну и что?!

– Ну а то! Она живая! Когда маленькие дети спят, их игрушки гуляют, разговаривают, катаются на машинках, в гости ходят! Они тоже существуют в жизни!

Дети продолжали спорить, шум привлек воспитательницу, и она, выяснив причину дискуссии, снисходительно улыбнулась и прикрикнула:

– А ну-ка, тихо! Прекратите ругаться!

Малышня почтительно замерла... Двадцать пар детских глаз доверчиво смотрели на взрослого человека. Взрослые все знают, все объяснят и всех рассудят...

– Во-первых, нельзя так кричать – вы же не маленькие, в будущем году в школу пойдете. Во-вторых, нельзя прыгать, бегать и играть в футбол в помещении... В-третьих, никаких Бармалеев, Кашеев и Змей-Горынычей в природе нет. И быть не может. Как можно верить в такую ерунду – вы же не маленькие, вы же в школу...на будущий год...нельзя...как можно...чепуха...

И тут «неправильная» малышка расплакалась. Она горько плакала и просилась домой, к бабушке и дедушке.

Когда папа пришел забирать ее из садика, он, увидев ее зареванную мордочку, сказал:

– А почему ты плакала? Я же обещал в первый день забрать тебя пораньше... Не могла подождать, ты же большая уже девочка...

– Папа, – шмыгая носом, спросила малышка, – а правду эта садиковская воспитательница сказала, что на Новый Год вы сами вместо Деда Мороза покупаете мне подарки?..

– Хм... А что она еще сказала?

Девочка начала рассказывать...

Дома снова поднялась небольшая внутрисемейная буря.

– Надо срочно менять садик! – возмутился дедушка.

– А смысл? – спросила бабушка. – Они же не специально таких циников набрали... Сейчас все дети такие – их даже детьми называть не хочется! Маленькие старички.

– Надо организовать им какой-нибудь утренник и пригласить разных сказочных персонажей, – предложил папа и обратился к дочке, – ты не переживай, я сегодня же напишу письмо... – папа наморщил лоб, – старику Хоттабычу...

– Лучше фее, – предложила девочка, – или сказочных феЕВ тоже не бывает?

– Бывает, моя родная... – сказала мама и усадила девочку на колени, – если бы не было сказки, разве могла бы у нас дома появиться такая маленькая чудесная девочка?.. Это самое прекрасное, самое настоящее волшебство... Никого не слушай, мое солнышко, и никому не верь... И Дед Мороз настоящий, и Красная Шапочка, и Золушка... и все-все...

– И доктор Айболит?.. – спросила девочка.

– Конечно, маленькая моя...

– А там один толстый мальчик сказал, что меня в школу не возьмут.

Папа сел перед девочкой на корточки и сказал:

– Если тебе кто-то еще хоть раз скажет что-то обидное, ты ему – сразу в глаз. Или в ухо! Поняла?

– С ума сошел? Бандюгу растим? Разве можно разрешать проблемы кулаками? Взрослый мужчина... – возмутилась мама.

Папа сделал виноватое лицо, сел на диван и одними глазами улыбнулся девочке. Та сразу все поняла и тихонько, чтобы никто не видел, заговорщически моргнула ему.

На другой день, не успела малышка переступить порог игровой комнаты, как к ней подошел упитанный мальчик в спортивном костюме и, указывая на нее пальцем, завопил:

– А ее в школу не пустят! Она глупая!

Девочка подошла к нему, выдохнула...и – как засветила ему в глаз!

Румяный толстяк обалдел, прикрыл пухлой ладошкой глаз и сел на ковер.

А неправильная девочка, не теряя времени, направилась к хозяйке розового платья... Собственно, с нее все и началось...

– Говори, – решительно потребовала наша бесстрашная малышка, – есть на белом свете Красная Шапочка, Золушка и Винни-Пух?

– Чего ты?.. – струхнула та.

– Я сейчас все платье твое изорву! – пригрозила девочка.

Девочка в вязанном заплакала. Вслед за ней заревел толстяк. Остальные дети в полном изумлении наблюдали за происходящим.

На шум к детям подошла воспитательница, но девочка не дала ей раскрыть рта:

– Я вам не верю! Мне дома сказали – Дед Мороз настоящий! И Снегурочка тоже! И они мне на будущий Новый Год подарят велосипед! Если я! Хорошо! Вести себя! Буду!!!

Воспитательница хотела было возразить насчет «хорошего поведения», но посмотрела в эти горящие праведным огнем глаза и смолчала. Это была полная капитуляция!

Так девочка впервые в жизни дала отпор ведьме...

К нашей неправильной девочке подошла девочка в розовом:

– Знаешь... – сказала она, – я тоже иногда думаю, что игрушки по ночам ходят. Вот мой львишка, я утром проснулась – а он весь перепачкался вареньем. А ведь игрушки же не могут же есть вареньеВ.

– И я... – проговорил толстяк, обиженно потирая ладошкой глаз, – ...посадил Спайдермена в грузовик, после садика пришел домой – а он сидит на лошадке!

– А я разбила чашку из маминого сервиза, попросила кукольную фею, чтобы она ее склеила, она, конечно, не склеила, откуда у нее клей?! – возбужденно тараторила девчушка в зеленом халатике. – Но зато заколдовала маму, и она мне ничего не сказала! Представляете?

– А я Шрека с Фионой в супермаркете видел!

– А мимо нашей дачи тарелка пролетела! Летящая!

– А мне брат про Гарри Поттера читал!

И тут к нашей героине подошел худенький мальчик, тот самый, который в клетчатых штанишках. Только сегодня он был не в «клетке», а в джинсах и ярко-синем свитере, очень красивом.

– Я знаю, что они все настоящие... – сказал он тихо-тихо, чтобы никто, кроме девочки, не слышал, – я на этот Новый год тоже хотел попросить у Деда Мороза велосипед... Но потом передумал и попросил его сделать так, чтобы мои родители не развелись. Они помирились, и Дед Мороз подарил папе новую машину, а мне конструктор... Велосипед теперь только на будущий год подарит. Наверное...

– Конечно, подарит! – авторитетно заявила малышка. – Ты только не балуйся и игрушки за собой убирай!

Мальчик застенчиво улыбнулся и сказал:

– Давай дружить?

– Давай!

– А ты научишь меня кулаком в глаз?

Девочка польщенно расхохоталась:

– Ну конечно, научу!

Мораль этой истории стара и даже несколько избита, но все же напрашивается сама собой...

Добро должно быть с кулаками – чудо желательно оберегать во всеоружии!
И еще...

Мне нравятся люди, которые не верят карканью злых ведьм и полностью доверяют свои судьбы добрым феям. А вам?..

Да здравствуют «неправильные» люди! Я сама из них.. А вы?..

Большая жизнь маленького двора

Мое детство проходило в маленьком двухэтажном домике в Ичяри Шяхяр, в очень небольшом, но густонаселенном дворе. Самые первые дошкольные воспоминания у меня связаны с чудным летним вечером, когда я, сидя у мамы на коленях, слушала ее разговор с соседкой. Мне было непонятно и скучно, и, посмотрев на низкие, пушистые звезды, я попросила маму дать мне одну из них. Мама с соседкой рассмеялись и ответили, что человек никак не может руками достать звезды. Но мое упрямство родилось раньше меня, и я попросила маму залезть на крышу, для верного успеха встать на стул, и тогда, вне всякого сомнения, любая звезда – наша. Они снова рассмеялись и, ничего мне не ответив, продолжили свою беседу.

На другой вечер я попросила о том же самом папу. В отличие от мамы, он не смеялся, а очень мудро и с увлечением принялся мне рассказывать что-то про скорость света, оптический обман и прочие научные тонкости. Я делала вид, что все это меня чрезвычайно интересует, а потом кротко напомнила ему о своей просьбе. Тут папа рассердился и сказал, что не представляет, как я буду учиться в школе, если не могу понять самых элементарных вещей. Осознав свою бестолковость, я захлюпала носом, а папа, сжалившись, сказал, что человек только в переносном смысле может достать звезду с неба, да и то при условии, что будет хорошо учиться. А в прямом смысле достать с неба звезду невозможно, даже поднявшись на крышу... Я снова сделала понятливое лицо, а про себя размышляла о странности взрослых – ну как же можно утверждать про «невозможность», если ты не попробовал залезть на крышу и, тем более, не встал на стул!

Дворик был маленький, чтобы не сказать крошечный, но при этом был поделен белой жирной линией ровно на две части – для мальчиков и девочек. На нашей стороне такой же краской были начерчены «классики», у мальчишек были нарисованы «ворота» и прочая футбольная разметка. В мирное время граница легко нарушалась, но во враждебных условиях обе стороны так ревностно охраняли свои владения, что все игры сводились к одному: «Ты ушла обедать, а они опять на нашей стороне играли!»

Как-то раз, одним прекрасным летним утром, кто-то из соседей вышел в хлебную лавку напротив и, возвращаясь обратно в родной курятник, вдруг обнаружил новенькую табличку на фасаде дома, гласившую, что живем мы не в простом здании, а в памятнике архитектуры и старины, воздвигнутом неизвестным гением в четыр-

надцатом веке. Далее табличка возвещала, что с этого дня мы вместе с домом находимся не только под опекой министерства культуры, но и под охраной государства.

Двор был польщен. Поползли разговоры, что давно пора, что позапрошлой зимой приезжала группа маститых востоковедов из Ленинграда специально для определения возраста нашего дома. А еще двор утверждал, что дата рождения дома, указанная на табличке, довольно спорная и может быть заменена на табличку с указанием более раннего периода...

Особенно возгордилась детвора. Мы стали свысока и с легким оттенком пренебрежения разговаривать с детьми из домов с менее знаменитой родословной. Детская фантазия заработала с удвоенной силой. Кому-то из нас вдруг пришла в голову мысль, что любой уважающий себя древний дом просто не может не скрывать в своих стенах несметных сокровищ в виде монет, драгоценностей и прочего лома!

При этом мы не задумались над тем, что табличка со всей ответственностью сообщала, что дом наш в далеком средневековье был караван-сараям, то есть, выражаясь современным языком, отелем. Учитывая то, что объем мозга средневековых людей не уступал нашему, можно было догадаться, что ни в четырнадцатом веке, ни в семидесятые годы двадцатого ни один нормальный человек не стал бы прятать клад в таком оживленном месте, как гостиница. Проще было бы просто выбросить его на средневековую дорогу...

Было самое начало летних каникул, еще никто никуда не собирался выезжать, и мы незамедлительно приступили к «черной археологии». Начать решили с заброшенного подвала, который давно будоражил наше воображение и по нашим непроверенным сведениям тянулся до самого Баилова: «Честно, мне папа сказал!».

Подвал был заперт на огромный амбарный замок, открыть который без помощи взрослых не представлялось возможным. Мы вежливо попросили открыть или одолжить на время ключ. Негодованию взрослых не было предела: «Что выдумали?! Вы знаете, какие там огромные крысы?!». Подвал так и остался недоступным.

Тем не менее, «гвардия умирает, но не сдается»! Вспомнили, что в кино и книжках клад всегда ищут при помощи маленьких молоточков, которыми надо простукивать стены. Кто с боем, а кто и без особых потерь, но разнокалиберными молотками обзавелись все. Стучали весь день: стук был во дворе, когда выпускали поиграть, и не прекращался в квартирах, когда нас загоняли обратно. Самое интересное, что никто толком не знал, какие звуки должна издавать стена с золотой начинкой.

Взрослые взбунтовались одновременно. Появилась угроза конфискации молотков, если мы не перестанем уважать права отдыхающих пенсионеров днем, и уставших после работы родителей – вечером. Азартные кладоискатели приуныли, но ненадолго. Ичяри Шяхяр весь состоял из памятников старины, и с любой долей вероятности клад мог быть найден в любом другом месте. Недолго думая, мы ринулись всей оравой к крепостной стене за станцией метро «Баксовет» – благо там можно было вдоволь настучаться. Через некоторое время кто-то из нас уехал с родителями на отдых, кто-то отправился на дачу, и наша археологическая партия навсегда прекратила свое существование...

В детстве мне очень нравилось выходить на наш общий деревянный балкон во время летних ливней. На небе появлялась радуга, а ветхие, размокшие от дождя де-

ревянные перила вбирали в свои трещины воду и пахли старинной корабельной мачтой. Запахи детства... Помню морозный запах от пара мокрого белья, которое зимой, темным вечером развешивала мама. Но самым удивительным был какой-то особый, чуть сладковатый запах квартир наших русских старушек – пахло будто и карамелью, и куличами, и лампадным маслом...

«А у нас во дворе» жили замечательные старушки. Баба Луша, две бабы Клавы, баба Нюра, баба Дуся. Стоило переступить порог квартиры одной из этих бабушек, и я тут же попадала в иной, очень уютный и почти сказочный мир – с иконами и непременно горящей перед ними лампадкой; «сталинским», обтянутым дерматином диваном с высоченной спинкой и с узкими шкафчиками по бокам, обилием букетиков из искусственных цветов, остекленными фотографиями и кружевными салфеточками, которые наши добрые старушки любили вязать крючком, сидя во дворе теплыми вечерами.

В доме напротив жила «моя прекрасная няня» – тетя Аня. Хлопот со мной, по идее, не должно было быть, потому что девочка я была спокойная, но они были. Потому что я была спокойная, но непредсказуемая. Кроме меня тетя Аня присматривала еще за соседским мальчиком по имени Эмин. Как-то раз он показал мне взъерошенного воробьиного птенчика, выпавшего из гнезда. Кажется, мы были ровесниками, но я была выше и крупнее. Именно по этим причинам Эмин попросил меня поднять его, чтобы он водрузил птенца на место. Девочка я была незакомплексованная и потому спокойно подняла его вверх. Поднять – подняла, но не удержала... «Эмин!» – звала я его, но юный защитник птенцов лежал на земле без движения и признаков жизни. Мне не забыть побелевшее от ужаса лицо тети Ани, когда я без лишней паники лаконично ей сообщила: «Теть Ань, а там Эмин умер». Когда мы прибежали, он деловито отряхивал с шортиков песок

В конце улицы, под огромным, раскидистым тутовником, стояли мусорные баки, и стоило кому-то из соседей взять в руки мусорное ведро, сразу спохватывались остальные: «Марина, ты еще днем обещала мусор вынести!» В конце концов на улицу с мусорными ведрами торжественно и шумно выходило полдвора. Как-то вечером все собрались дружной мусорной процессией и вдруг всем двором замерли... Дело оказалось в одном толстом коте, он проживал на нашей улице и, по моим наблюдениям, был ничейный. Его, как всякого нахала, обожала и подкармливала вся улица, каждой весной он ходил с разбитой мордой и разодранными ушами, из чего можно было сделать вывод о его равнодушии к соседским кошкам и дуэлях с другими котами. В то лето он частенько захаживал в наш двор, потому что положил свой бандитский глаз на хорошенькую дворовую кошечку. Но наша морально устойчивая кошечка презирала легкомысленных самцов. В отчаянии от безответного чувства, кот на своем кошачьем языке затянул серенаду. Именно его амурные рулады и помешали обитателям двора вынести мусор на свалку к тутовнику. Более того, все боялись пошевелиться, чтоб не спугнуть кошачьего Ромео. Наконец кто-то из соседок, устав от ожидания мужа с пустым ведром, «брыськнул», чары любви рассеялись, и оскорбленный в лучших чувствах кот с достоинством и без излишней суеты покинул наш двор. С разбитым вдребезги сердцем...

Особое место в моих воспоминаниях занимают спортивные состязания, транслировавшиеся по телевизору. Смотрело их мужское население вместе, в чьей-то квартире, объединившись по клубным интересам. Заезжие шаблоны с «проклятого Запада» в виде пива и соленых сухариков были непопулярны, поэтому хозяйки квартир разрывались между кухней и комнатой, таская без перерыва чай всей компании болельщиков. Табачный дым в комнате стоял плотным столбом – тогда не было принято при курении покидать помещение. Если при трансляции хоккейного или футбольного матча случалось выйти во двор, то в пиковых ситуациях почти из всех квартир одновременно можно было услышать крепко спаянный мужской хор, оравший либо «Го-о-ол!», либо «Ну куда ж ты, дундук, в штангу бьешь?» или еще что-то в этом роде.

Все многосерийные советские фильмы до сих пор связаны у меня с послепросмотровым обязательным обсуждением во дворе. Выходили не только дети – все вылезали из своих клетушек и с одного этажа на другой делились впечатлениями, делали прогнозы на новую серию. Вообще, надо учитывать, что наши родители были из поколения шестидесятников, а это были люди с интеллектом. Обсуждались не только бытовые фильмы – говорили об «Андрее Рублеве» Тарковского, сравнивали «Войну и мир» Бондарчука с голливудской версией, по ночам вместе стояли в очередях на книжные подписки и слушали крамольные «вражеские голоса» или, если кто помнит, «Радио Монте-Карло», которое вещало для каких-то арабских стран.

Самым загадочным временем для детворы были вечера в теплое время года. Взрослые рассказывали нам что-то очень интересное и щекочащее нервы. Хорошо помню рассказ моего папы о самой нужной Земле звезде – Солнце, о невозможности нашей жизни без его света, и тому подобное. Грубую тактическую ошибку папа совершил, когда сказал, что через много миллионов лет Солнце перестанет давать нам свой свет. Все дети, расстроенные, притихли; у двух сестер, одна из которых была моя ровесница, а другая старше на год, на глаза навернулись слезы. А утром их мама подошла к нашей с претензиями. Оказалось, что ее сверхсенсорные дочери долго ревели перед сном и слезно умоляли, чтобы папа Нары не тушил Солнце. Девочки вообще были с бурной фантазией, одна из них, уже будучи взрослой девочкой десяти-одиннадцати лет, с веским комментарием: «Ничего – вырастут!» коротко обстригла волосы на голове своей новенькой куклы.

Один из наших соседей, отслужив в армии, завербовался матросом на корабль дальнего плавания. В редкие наезды домой вечерами он садился на сундук перед нашей квартирой (мама держала там банки со всякими вкусностями), собирал вокруг себя детвору и развлекал нас страшилками. Мы на своих детских табуретках рассаживались вокруг и начинали морально настраиваться. Ребята шептали мне, чтоб я выключила на балконе свет, но я отчаянно трусила и потому делала вид, что оглохла.

Рассказ начался. Мы боимся дохнуть, как вдруг наш рассказчик останавливается и заявляет: «Пока Нара не выключит свет, ни слова не услышите!» Я захожу в квартиру, без особой охоты хлопаю по выключателю и ужасно хочу остаться дома. Но это абсолютно невозможно: во-первых, назавтра засмеют, во-вторых, несмотря ни

на что, ужасно хочется дослушать. Молодой моряк на побывке замогильным голосом продолжает свое повествование. В самый кульминационный момент, где-то на вылетающей «из черного-черного гроба черной-черной руке в черной-черной перчатке», с места вскакивают и с чудовищным ором убегают две сестры, еще не совсем поправившие свою детскую психику после научных познаний в области солнцеведения. Переключиться на быт непросто, поначалу мы ошарашенно вслушиваемся в дикие вопли, доносящиеся из квартиры сестер. Потом наш водоплавающий сказитель во все свое молодое горло оглушительно хохочет, вслед за ним гогочем все мы, больше всех я. Наверное, от счастья, что по не зависящим от меня причинам я так и не услышала леденящего кровь финала жуткой страшилки.

От летней духоты народ спасался на бульваре. На скамейках сидели наши старушки с вязаньем в руках, обитатели нашего двора были рассредоточены по всему бульвару, выходили гулять группами, при этом строго наказывая нам, детям, идти впереди – «чтоб мы вас видели».

Лето неизменно сопровождалось скандалами, наверное, оттого, что зимой сосориться не так интересно – аншлага могло не быть. А тут все высыпали из своих квартир, как горошины из стручков, и только наша мама звала нас с сестрой домой, заходила сама и при любой жаре демонстративно закрывала дверь. Не могу передать своей досады! Но иногда скандалы происходили в отсутствие родителей. Я, злоупотребляя «данной мне властью», зазывала домой младшую сестру и, в подражанье маме, даже закрывала входную дверь. Но, правда, при этом приклеивалась к двери с внутренней стороны и, боясь пропустить каждое слово, с непередаваемым удовольствием прослушивала весь концерт для соседей с оркестром!

Поводы для скандалов были самые разнообразные, но я, в силу своей вышеупомянутой неосведомленности, помню лишь один. «Ты специально каждый раз вешаешь мокрое белье, как только мой ребенок выходит во двор!» Я так понимаю, что капли от белья шлепали именно ее дитя по темени, и возмущение любящей матери не знало преград. Казалось бы, пустяк, который можно урегулировать в одну минуту, но не тут-то было! Любые тайны этих двух семей, как явные, так и сокрытые, подлежали немедленной разархивации – на Божий свет извлекались грехи как давно почивших предков, так и процветающей поныне родни. С учетом дурной крови друг друга, враждующими сторонами мрачно предсказывались ужасающие перспективы подрастающего поколения. В числе прочих поминалось и угнетенное чадо, не имеющее возможности развлекаться во дворе из-за соседской диверсии в виде мокрого белья. Которое, к слову сказать, уже давно подсохло, как, впрочем, и темечко наиигравшегося ребенка.

Дворовая публика благоговейно, не дыша и не перебивая, вникала в каждую реплику, поданную любой стороной этого импровизированного спектакля. Ругались жестко, обыгрывалось все, даже физические недостатки членов семей. Но я не могу себе представить, что кому-то из скандалистов могла бы прийти в голову мысль об оскорбительном намеке на национальность противника, в то время это было невозможно. Даже если кто-то и захотел бы удариться в ксенофобию, то все равно не посмел бы, потому что тогда он неизбежно приобрел бы врагов в лице всего нашего двора – от мала до велика.

Для теперешнего поколения все наши счастливые воспоминания об интернациональном Баку, к сожалению, всего лишь слова – печально, но факт. К сожалению, им никогда не узнать, в каком прекрасном и светлом городе мы родились и выросли, где в гордое «я – бакинец» не вкладывался тот мелкий местечковый смысл, который вкладывается сегодня.

У жителей Ичяри Шяхяр была особая мания величия. Тогда было принято говорить про кого-то: «Он тоже наш – крепостной». Если в школе мне выговаривали за опоздание на первый урок, я, вызывая живой интерес у всего класса, уверенно держала оборону: «А у нас на улице кино снимали, никому не разрешали выходить из домов!» Я прекрасно помню съемки многих фильмов на нашей улице, в одном из них меня снимали в массовке, но после, видимо, вырезали, и только мама до сих пор, когда смотрит его, говорит: «Ну вот же ты, смотри – ты, в своем красном сарафане!» Но никто, кроме мамы, меня в фильме так и не увидел...

Условия проживания были никакие – крыша протекала, посуда с водой или любой другой жидкостью наполнялась мамой лишь наполовину, иначе криво осевший много веков тому назад фундамент нашей древней развалюхи-дома проливал другую половину на скатерть. Видимо, строить в Баку не умели еще в четырнадцатом веке... Мы не замечали неудобств – может, потому, что были маленькими, а может и потому, что все так жили. Жить комфортабельно как-то никому не приходило в голову.

Тем не менее, папе на работе дали квартиру в доме на прекрасной зеленой улице, где был огромный двор, который так и не стал любимым. Я сохранила верность друзьям со старого двора, не сблизившись с детворой с нового...

Я ничего не рассказала про диафильмы, которые были у любого из нас; про костюмы из цветной бумаги, которые мы сами мастерили и облачались в них, когда играли в своих самодеятельных спектаклях; про соседа-алкаша, работавшего кино-механиком и летними вечерами показывавшего нам на белой простыне старые кино-комедии. Бесплатным вход был не всегда. Если с нас собирали по пять копеек – это означало, что страждущая душа соседа нуждалась в немедленном лечении.

Сейчас, по прошествии стольких лет, я думаю – как замечательно, что в моем детстве был такой маленький дворик. Дворик, где даже самая жестокая битва между соседями длилась до той поры, пока в доме врага не случалось какое-то эпохальное событие: день рождения, свадьба, возвращение сына из армии, похороны... Когда поглазеть на новое платье соседки собиралась вся женская половина двора; когда на первомайскую демонстрацию папы, помимо собственных детей, брали на бульвар всю дворовую мелюзгу и когда никто не боялся на ночь оставлять открытыми двери.

Больше никто не позовет меня с первого этажа: «Нара-а-а, выйдешь?!» Теперь я уже вряд ли тайком от мамы побегу с ребятами к Девичьей Башне. Тайком – вряд ли... А по-другому бегать как-то неинтересно... И звезды уже не такие мохнатые и близкие.

Никогда и никого я больше не просила залезть на крышу и достать мне звездочку, любую, хотя бы самую маленькую. Сами понимаете, если этого не смогли сделать для меня мои родители, то не сможет никто...

С уважением, бывшая крепостная...

«Без Али Паши...»

Моя бабушка рассказывала, что давным-давно в Шуше, откуда она была родом, жила-поживала одна семейка, которая никак не могла разродиться наследником... То есть дети там вроде и рождались, но капризная природа с неизменным упорством долгие годы производила на свет лишь младенцев женского пола...

Аист им попался какой-то халтурный. Или, что еще вероятнее, это была аистиха – убежденная феминистка... Клюв ее принципиально отоваривался на кладовых Бога исключительно представительницами прекрасной половины человечества. Такая не-солидная получалась генеалогия в отдельно взятом семействе. Супруги ругательски проклинали аистиху за узкую специализацию и нелюбовь к адамову племени. Они совсем было отчаялись обзавестись достойным продолжателем рода, но тут... произошло чудо!

То ли аистиха попала под сокращение штатов, то ли на складе из-за непомерного объема работы произошла путаница с накладными на рождаемость, но уже не слишком молодая почтенная мать семейства наконец произвела на свет долгожданного наследника!..

Родители, само собой, были вне себя от счастья, родственники радовались такой частной демографической удаче, друзья восхищались их целенаправленностью, а соседи, великодушно простив семье распри чисто бытового характера, благоговейно перешептывались о неисповедимых путях Аллаха...

Назвали мальчика Али Паша. Ребенок был долгожданный, любимый, на его будущее возлагали огромные надежды, и любящие папуля с мамулей не расставались с ним ни на минуту. Просто не находили в себе силы. Понять можно. Слабость они питали к своему наследнику нежную... родительскую... Но.

Тут надо отметить, что парень рос капризный, балованный, я бы даже сказала (со слов бабушки), нахальный сверх всякой меры. Родители всюду, без разбора качества и сорта мероприятия, таскали его с собой, и это милое дитя умудрялось изгадить своим беспредельно наглым поведением любое торжество. На свадьбах он устраивал такие чудовищные переполохи, которые не удавалось переплюнуть самым отчаянным шушинским дебоширам. А поминки при его бешено активном участии превращались в фарс. Через какое-то время, опять же по словам покойной бабушки, «*bu uşaqdan bütün Şuşanın zəhləsi gedirdi*»¹.

В семью стали приходиться пригласительные несколько странного характера: «Имеем честь пригласить вас и вашу уважаемую супругу такого-то числа по такому-то случаю в такую-то семью». И снизу неизменная приписка: «Без Али Паши».

У нас в семье это свято обыгрывается уже не в одном поколении... Иногда летними уютными вечерами бывает так в кайф посплетничать и промыть кости какой-то единодушно выбранной жертве пересудов. Только мы с моей сестрой начинаем смаковать предвкушение нескольких часов, не прожитых впустую, как непонятно откуда появляется Лейлуша, моя старшая племянница.

– Так, Лейлуша, вали, отсаживайся подальше, это разговор не для твоих юных ушей.

И Лейлуша тут же начинает очаровательно канючить:

– Ну, пожалуйста, не гоните меня, я никому не скажу! Пожалуйста, я тоже хочу послушать... Я – Али Паша!

¹ Этого ребенок надоел всей Шуше.

НАИЛЯ НАДИР

В Ы Б О Р

Мало ли...

Не сплю которую ночь.
Не сплю. И совсем не пишется.
Гоню от себя я прочь
Мысли дурные. Слышится –
Бежит по стеклу песок,
Бежит по стеклу. Стелется.
У каждого здесь свой срок.
И даже если не клеится,
Найди от дверей ключи,
Найди и проверь – надо ли,
Проверь, а потом молчи,
И помни всегда – мало ли...

Играет джаз

Играет джаз, играет жизнь мою,
Листаю я страницы, улыбаясь,
Там бабочек атласных я ловлю,
Расцветке их и форме удивляясь,
Там иногда бывает в мае снег,
А в январе подснежник расцветает,
Утерян там какой-то важный чек,
И правила никто не соблюдает...
Там льются слезы, часто через край –
От счастья ли, от горя ли, не важно,
По рельсам ходит старенький трамвай,
И нет еще домов многоэтажных...
Там в зеркалах Алисы вьётся след,
На небе днем луну и звезды видно,
На все вопросы там готов ответ...
Фантазия?.. Да, это очевидно...
Играет джаз, играет жизнь мою,
Несут вперед и вдаль ее страницы.
Я сбавлю ход, немного постою:
Играет джаз,
и мне опять не спится...

Выбор

Просить – нелепо.

Молить – напрасно.

Кто был опорой, тот стал балластом.
У нас был выбор, мы просчитались.
Остановиться б, подумать малость...

У нас был выбор и варианты,
Но, видно, тихо мы пели мантры.
Рождаться снова?.. Вопрос понятен.
В другом обличье. В другой кровати...

Исход известен. Ответьте честно –
Опять в приемной не будет места?..
Жизнь, что нам дали, прожить бы славно,
И ей, поверьте, не будет равных!..

Немыслимые строчки

Тебе за поворот, мне через улицу.
Оборачиваюсь – сигарета никак не раскурится
в твоих пальцах, длинных, тонких, нежных,
державших ее слегка небрежно.
Моросит. Небо тучами хмурится, следит за нами.
Ветер гонит нас, резкий, холодный, разделяя домами.
Убыстряю шаг, бегу от себя, тебя, ветра, мороси,
на какой-то почти автомобильной скорости.
Крутятся рифмы в голове, опадая в немыслимых
строчках,
в немом вопросе – будет ли судьба ставить точку?
(Поставит в свой срок, не спросив нас об этом...)

Боже, ну когда, наконец, наступит лето....

Вслед

Где потерялись мы?.. А может, и хорошо,
Что потерялись мы, спрятав остатки дня...
Чертит нам небо закатным карандашом
Шифр от сердца, железного, как броня.

Я по следам твоим просто пойду на свет,
Может, на ощупь найду, что найти не могла.
Если прочтешь там верный и честный ответ,
Знай, что отныне подвластна с тобою нам тьма...

* * *

«Не сотвори себе кумира», –
Гласит цитата... Или быть?
Кто был вершиною Памира,
Тот превратился в пепел, пыль...
Не сотвори себе кумира,
Не станет деревом трава,
И страз не сможет стать сапфиром,
Но это все, увы, слова...
На деле же сплошная проза –
Разбился глиняный сосуд,
Металл не избежал коррозий,
А праведник позволил блуд...
Не сотвори себе кумира,
Не поклоняйся, не служи,
Ты сам наполнен этим миром,
Лети – «над пропастью во ржи»...

Панно

– Я сумасшедшая?.. Да, но в сознании.
А наяву все обычно, топ шер.
Ты стал моей неотъемлемой манией.
Ты весь во мне. Извини. Рикошет.

Плавлюсь в строке. И, на грани истерики,
Делаю вид respectable мэм.
Есть берега покоренной Америки,
Где не закончены главы поэм.

Где от прибора покрыта крупинками
Соли, разъевшей мне душу давно,
Где раздвоение личности льдинками
Сложит судьбы заказное панно.

По течению сказки

Ртуть все выше в термометре –
солнце сегодня усердно
Греет души (а может быть, просто озябшие плечи).
Вспоминается сказка –
там Кая упрямая Герда
Ищет всюду, где можно (наверное, время не лечит).

Прохудившийся борт для таких, как она, не помеха,
Для нее – целый мир раскрывает сегодня ладони,
Ей не жаль ни сапожек, ни муфты из ценного меха,
Даже Бог, посмотрев ей в глаза на минутку, утонет...

Застывшее

Вереница зимних дней,
Всё застыло.
Словно залил душу клей –
Превратилась
Та, что билась и жила,
В мертвый камень.
Отражают зеркала
Сердца пламя...

Если нет места

Отключи мысли,
Убери звуки,
Если есть смысл,
Нет тогда скуки,
Не считай звезды,
Встань, иди, действуй,
Для чего позы –
Нет для них места.
Для чего позы,
Для чего злоба...
Соблюдай дозу,
Ну, хотя б пробуй!..
Если есть смысл,
Значит, есть вера,
Белый лист, чистый,
Он поймет, верю...

Размышления ко дню поэзии

*...Снится миру
в тяжких снах:
вот, последнего поэта
век докурит сигаретой,
и – наступит тишина...*

А.Талыбова

**В тяжких снах или в реале,
Суть – поэты не молчали,
Кто – про розу, кто – о грозах,
Кто – пробелом между строк.
Груды пепла, ворох мыслей,
Строчки мозг насквозь прогрызли...
Розы – проза – слезы – грозы...
Тишина наступит... в срок...**

Из цикла «Осенний сюжет»

1

Листвы опавшей под ногами хруст,
Страниц, листаемых мной, шелест.
Листок блокнота –
 он все так же пуст,
Скрипят, как прежде, старые качели...

2

Еще не кончилось лето,
А дождь зарядил не на шутку,
Сыплют по крышам монеты
Уже которые сутки.

Влетела осень внезапно,
Я с летом не попрощалась,
И кофе, выпитый залпом,
Горчинки оставил малость.

3

Оранжево-желто-красное...
Осень...
Все вперемешку:
Бумага, полотно, акварель, масло –
 без разницы,
А в реале белое или черное,
 орел или решка...
И не знаешь, то ли радоваться,
 то ли каяться...

4

Снова грусть расставила капканы,
С ней бороться ни желанья нет, ни сил,
Осень долгожданная настанет,
Поменяем хлопок на акрил.
Будем славить дождик, тучи, лужи,
Станем кутаться все в тот же старый плед,
Листопад в стихах опять закружит...
Осень... Грусть... Заигранный сюжет...

АТАБАБА ИСМАИЛОГЛУ

В Т О Р Ы М П Л А Н О М

Перевод Джамили ШАРИФОВОЙ

При взгляде на те или иные фотоснимки мы порой задумываемся над тем, что эти фотографии могли бы быть представлены нам и в иных ракурсах. И тут мы вспоминаем об оставшихся на втором плане авторах этих фоторабот – фотографах, фотохудожниках.

Ходим в театры. Размышляем о просмотренных спектаклях, выносим свои суждения, обсуждаем игру того или иного актера, манеру его исполнения, отмечаем степень его добросовестности в работе. Говорим о том, что актер мог бы сыграть эту роль и по-другому. Лучше чем сейчас, или хуже. Забываем подчас, что за стилем исполнения данной роли, ее раскладкой стоит и представляет ее нам не кто иной, как человек, направляющий спектакль, – его режиссер.

Как много мы видим, встречаем людей, которые, сорвав с деревьев во фруктовом саду те или иные плоды, вовсю, с наслаждением расхваливают, нахваливают их... Но мало кто в эти моменты дегустационного счастья вспоминает человека, который высаживал, растил, прививал эти Божьи дары, заботился о них, вкладывал душу, – садовника.

Именно таким искусством является и искусство художественного перевода. Читая на одном дыхании переложенные на наш родной азербайджанский (тюркский) язык божественные строки Гомера, Низами, Физули, Саади, Руми, Шекспира, Пушкина, Драйзера и других классиков мировой художественной литературы, мы, как правило, помним исключительно авторов этих произведений. И даже не задумываемся над тем, что произведения эти могли бы быть переведены так, что по прочтении пяти, десяти страниц книги мы отложили бы ее в сторону, и не хотели бы никогда больше к данному произведению возвращаться.

Переводчиков художественной литературы, режиссеров, фотохудожников, садовников, говоря современным языком, вспоминают и отмечают не потребители, а большей частью, главным образом, специалисты.

По-видимому, искони так сложилось, таков характер существа по названию *homo sapiens*. Вкушая плоды чьего-либо труда, наслаждаясь и обогащаясь ими, мы нередко забываем о тех, кто их создавал.

Мы слышали восторженные голоса космонавтов с орбиты, созерцавших нашу красоту-Землю... Восторг их понятен. Но неизменно надо помнить и о Создателе этой изумительной, неопишуемой красоты...

Человек, о котором я хочу здесь рассказать, – переводчик художественной литературы Гусейн Шариф (Гусейн Гасым оглу Шарифов (1909-1989)). Тот самый Гусейн Шариф, в чьем переводе на язык азербайджанского языка мы прочитали десятки произведений русской классической литературы, герои которых наряду с героями родной азербайджанской литературы также способствовали нашему морально-нравственному формированию как личностей, воспитанию и укреплению силы воли. Когда готовилась эта посвященная Гусейн-муаллиму статья, я побеседовал с двумя его коллегами по переводческому цеху, которые близко знали его, постоянно общались с ним. Любопытно, что они оба завели разговор с названия романа Фёдора Достоевского «Идиот». Один из них напомнил, что слово «идиот» в нашем языке несет в себе значение «zail», что близко по смыслу к «бездарный, мямля». И что неиспользование переводчиком слова «zail» в названии произведения было его ошибкой. Другой его собрат по перу сообщил, что Гусейн-муаллим не сразу решил оставить слово «идиот». Однажды сказал, что хотел перевести его как «əfəl, zail» (опять те же «бездарный, мямля»). Был еще целый ряд неудобоваримых названий, сказал он, однако я чувствовал, что ни одно из них не отражает полностью значения и смысла, которые несёт в себе название романа – «Идиот». Потому-то я и сохранил название этого великого произведения таким, каким оно было в оригинале, в подлиннике.

И действительно. С греческого слова «идиот» переводится как «необыкновенный» и звучит как «идиома». Слова «идиома» и «идиот» – одного происхождения. «Идиот», употребляемое сейчас в бранном значении, означало некогда по-гречески просто «странный, непонятный человек». Лет сто назад непереводаемые на другой язык сочетания слов называли просто «идиотизмами», а затем стали называть идиомами.

Это – работа переводчика над одним-единственным словом. А теперь представьте себе, какой поистине титанический труд был вложен в полнообъемный перевод гениальной книги!

Гусейн Шариф – переводчик не одного-двух произведений. Их на его счету около тридцати (для посвященных: это почти две с половиной тысячи авторских листов!). И каких книг! В советский период Гусейн Шариф перевёл на азербайджанский язык целый ряд произведений русских писателей-классиков. Писателей, чьи произведения изучаются в средних школах и высших учебных заведениях и по творчеству которых писались фундаментальные научные труды, монографии, защищались кандидатские и докторские диссертации. Среди них такие произведения, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева, «Дети подземелья» В.Г.Короленко, «Обломов» И.А.Гончарова, «Митина любовь» И.А.Булгина и многие другие.

В переводческой деятельности Гусейна Шарифа особое место занимают произведения Максима Горького. В советское время, в Советском Союзе Алексей Максимович Горький являлся самым пропагандируемым, самым издаваемым писателем. Ввиду того, что в его творчестве нашла свое широкое отражение пролетарская идеология, «власть рабочих и крестьян», изданию и популяризации его книг придавалось особое

значение. Естественно, что в то время руководство Азербайджанской ССР переводу, изданию и распространению произведений Горького – основоположника метода социалистического реализма – в республике также уделяло особое внимание. Работа эта поручалась самым ответственным, высокопрофессиональным переводчикам, одним из которых и был Гусейн Шариф. Из 15-томного собрания сочинений М.Горького, изданного на азербайджанском языке, более трети произведений писателя – V, VII, X, XII, XIII, XIV тома – вышли из-под пера Гусейна Шарифова. Благодаря его переводческой деятельности азербайджанские читатели познакомились и с такими книгами Горького, как «Жизнь ненужного человека» и «О молодежи».

В ряду переведенных им произведений мы встречаем и имена видных советских писателей – современников переводчика. Сюда относятся такие книги, как повести и рассказы М.Шолохова, роман «Отец и сын» Г.Маркова, повесть «Водители» А.Рыбакова, роман «Сильнее бури» Ш.Рашидова, повесть «Коллеги» В.Аксёнова, фундаментальная монография Л.Гроссмана «Достоевский» в серии «Жизнь замечательных людей» и другие.

Сложность языка произведений Ивана Бунина, его своеобразие, самобытность хорошо известны всем русским читателям. Его герои несопоставимы с героями произведений, созданных в советский период, потому что у героев Бунина, так же, как и у героев советской литературы, свои, присущие только им манера речи, манера выражения мыслей. Здесь у каждого образа свой собственный, особенный характер. Такую вот ответственную работу Гусейн Шариф, не побоявшись, взял на себя. В его переводе мы познакомились с рассказами и повестями этого великого русского писателя, – первого русского писателя, ставшего лауреатом Нобелевской премии по литературе. Начиная с 1978 года в его переводах увидели свет «Митина любовь» Бунина и другие рассказы и повести писателя. Старшее поколение читателей хорошо помнит произведение Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Это прекрасное произведение, являющее собой зеркало человеческих судеб, в советский период пропагандировалось особо. Оно широко обсуждалось во всех советских учебных заведениях. Произведение это в переводе и с предисловием Гусейна Шарифова вышло в свет на азербайджанском языке в 1952 году.

Оставивший глубокий след в истории нашей литературы как прозаик, переводчик и общественный деятель, Гусейн Шариф прошел долгий жизненный и творческий путь. Он родился в 1909 году в Тифлисе, являвшемся в то время центром Кавказа, в многодетной семье простого дубильщика кожи. По получении среднего образования, в 1924-1929 годах учился в Тифлисском педагогическом техникуме. Его детские и юношеские годы приходятся на самый активный период деятельности проживавшей в Тифлисе азербайджанской интеллигенции. Жившие в этом городе наши соотечественники, соплеменники издавали в тот период литературные альманахи, журналы, газеты. С начала XX века и до конца 30-х годов в Тифлисе ярко выделялась азербайджанская литературно-культурная среда. Безусловно, подобная среда не могла не коснуться и появившегося на свет в этом городе, окончившего здесь среднюю школу и техникум Гусейна Шарифа.

Одним из литературных органов, в которых печатались тифлисские азербайджанцы (тюрки), являлся также и журнал «Dan ulduzu» («Утренняя звезда»). На страницах этого литературного журнала, выходившего в конце 20-х годов XX века, можно встретить имена таких авторов, таких личностей, как Азиз Шариф, Эмин Абид, Али Назим, Эйнали-бек Султанов. В одном из номеров «Dan ulduzu» опубликован и первый рассказ Гусейна Шарифа «Şüküfə» («Шукюфа»).

В начале 30-х годов писатель, продолжая свою литературную творческую дея-

тельность, занимался также и деятельностью педагогической. Некоторое время он работает учителем в Хачмазском, Балакенском районах Азербайджана, а в 1932 году возвращается в Грузию, где назначается заведующим отделом народного образования Борчалинского района.

Начиная с конца 1934 года жизненный путь Гусейна Шарифа связан с Баку. Переехавший в Баку писатель трудится здесь на различных ответственных должностях. А эти должности, в свою очередь, еще сильнее привязывают его к художественной литературе, и в особенности к искусству художественного перевода. За исключением лет учёбы (1936-1937г.г.) в Москве в Институте Красной Журналистики имени «Правды», – он вплоть до последних своих дней, до кончины 25 мая 1989 года, постоянно находился в среде деятелей искусства и культуры, главным образом в среде литературной.

Работая на таких ответственных должностях, как политический редактор в Главлите Азербайджанской ССР (1934-1935), редактор-переводчик, редактор, заведующий отделом художественной литературы в издательстве «Азернешр» (1938-1940), начальник Главлита Азербайджанской ССР, заведующий отделом культуры ЦК КП Азербайджана, председатель Республиканского Комитета по радиовещанию и радиофикации (1942-1944), – Гусейн Шариф по-прежнему неизменно и тесно был связан с литературной средой.

Дружба его с Узеир-беком Гаджибековым, Гусейном Джавидом, Микаилом Мушфигом, Мамед Сеидом Ордубади, Сулейманом Рагимовым, Мехди Гусейном, Джафаром Ханданом, Расулом Рза – впоследствии нашла свое отражение в книге «Воспоминания». Примечательно, что в годы его работы на посту председателя Госкомитета по радиовещанию и радиофикации заместителем его являлся будущий народный писатель Азербайджана Мехди Гусейн, который стал обращаться к нему со словом «рехбер» (руководитель), и который так и продолжал дружески обращаться к нему в течение всей своей жизни; а заведующим отделом в этом же Комитете работал будущий народный писатель Азербайджана Ильяс Эфендиев. В этой книге, изданной в 1989 году, – в последний год жизни писателя, – раскрываются интереснейшие моменты из биографий названных выше деятелей литературы и искусства, могущие стать образцом, примером для будущих поколений.

По книге «Воспоминания», вышедшей при жизни дочери Гусейна Джавида Туран, которая с глубочайшим почтением и чуткостью относилась к литературному наследию своего отца и которая предельно ревностно встречала все, что писалось и печаталось о ее отце, – по книге этой видно, чувствуется, с какой любовью и теплотой великий драматург относился к Гусейну Шарифу, и какая крепкая, несмотря на разницу в возрасте, между ними царил дружба. В книге это чётко прослеживается, в частности, во время дружеской игры в нарды как с хозяином дома, так и с его молодой обаятельной супругой, в моменты их творческих дискуссий, споров.

Гусейн Шариф впоследствии вспоминает: *«Как в 1942 году была принята на работу, трудоустроена дочь гениального художника слова Гусейна Джавида – Туран?»*

В один из тех тяжелых дней войны мне позвонил Узеир-бек:

– Гусейн, салам, Узеир беспокоит.

– Алейкюм-ас-салам, Узеир-бек! Пожалуйста, чем могу служить. Я вас слушаю.

– Гусейн, рядом со мной сейчас находится Туран, дочь Гусейна Джавида, с которым ты когда-то дружил. Они в тяжелом положении. Нуждаются в помощи. Необходимо взять её на работу...

В первый и последний раз в жизни мне пришлось говорить с Узеир-беком по-русски.

– Узеир-бек, – сказал я, – несмотря на моё огромное к вам уважение, выполнить

вашу просьбу не смогу. В особенности, когда речь идёт о подобных людях, – я и близко не подойду...

Несколько секунд Узеир-бек молчал. Я же, воспользовавшись этим, добавил:

– Кстати, Узеир-бек, сегодня в два часа должно состояться заседание художественного совета. Вы придёте?

Узеир-бек громко произнёс:

– Буду! Непременно!

Разве можно было по телефону произносить имя Джавида?

...Короче, в половине второго Узеир-бек прибыл в Радиокомитет. Я резко поднялся и встретил его. Взяв его за руку, усадил на стул. Мы сели друг против друга.

– Узеир-бек, – начал я, – простите меня великодушно за то, что резко говорил с вами по телефону. По-другому поступить я никак не мог! Ведь, Узеир-бек, вы ставите под удар и себя самого, и меня! Разве можно по телефону упоминать имя Джавида? Я прекрасно понимаю, что это проявление доброты вашей души, вашего доброжелательства, уважения, которые вы испытываете к Джавиду-эфенди. Но по телефону об этом нельзя произносить ни слова. Нас могут лишить всего, вплоть до лишения гражданских прав.

Поглаживая по своей привычке усы, Узеир-бек задумался... Наконец поднял голову и глядя мне прямо в глаза сказал:

– Ай Гусейн, совсем наоборот, это ты должен меня простить. То, о чем ты сейчас сказал, мне и в голову не пришло... Как говорится, тебе видней.

– А что вы ответили девушке?

– Что я мог ей ответить? Уставилась в меня печальными глазами и молчала. Я сказал ей, что Гусейн Шарифов согласен. Ответить по-другому в такой момент было нельзя.

– И прекрасно сделали! Узеир-бек, вам, наверное, известно. Ведь мой старший брат Мохаммед работает секретарем ЦК КП Азербайджана, руководит производством снарядов для фронта. Я сегодня же отправлюсь к нему и сообщу ему об этом, предупредив его...

По окончании работы я направился в Центральный Комитет... Мохаммеду сказал:

– Дело обстоит так: я беру на работу дочку Джавида-эфенди. Что скажешь?

Брат удивлённо взглянул на меня. Чуть призадумавшись, улыбнулся и ответил:

– Обязательно возьми.

– Но дело еще вот в чем, Мохаммед. Если в Центральном Комитете об этом зайдёт речь, – имей в виду: тебе об этом – ничего не известно. Я тебе – ничего не говорил...»

Проходит немного времени, и Аллах воздаёт Гусейн-муаллиму за его добро. В последние дни войны он назначается уполномоченным ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами) в Иране. Это общество в то время являлось весьма авторитетной и влиятельной организацией. По его линии осуществлялись, проводились в жизнь даже дела, которые были не под силу Министерству иностранных дел. Он очень активно работает, проявляет себя в этом новом для него деле. А самая его большая, главная заслуга перед Азербайджаном состоит в том, что ему удалось найти и привезти в республику рукописи Хуршуд Бану Натаван (в настоящее время они хранятся в Театральном музее Министерства культуры Азербайджана).

Однако по прошествии некоторого времени, по каким-то непонятным причинам, его негласно доставляют в Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана, и на возвращение в Иран ему разрешения больше не дают, и никакой другой ра-

боты при этом не предлагают. Находясь в безвыходном положении, писатель, чтобы содержать семью, – жену и двоих малолетних сыновей, – вынужден распродавать домашнее имущество. Судьбой его в этот период, можно сказать, никто не интересовался. Нашлись люди, которые избегали даже здороваться с ним.

В такой вот момент в его квартире раздаётся телефонный звонок. Звонившим оказался известный учёный-историк, философ Гейдар Гусейнов. В противовес всем его злключениям, Гейдар Гусейнов приглашает его на работу в должности научного секретаря Института языка и литературы Академии наук Азербайджанской ССР. И даже, в этот самый тяжелый момент, почти насильно, вручает ему в долг три тысячи рублей (в дальнейшем эту сумму частями Гусейн Шариф полностью возвращает).

Не падкого на должности, на «кресла», человека пера Гусейна Шарифа, естественно, более всего влекла к себе творческая работа. Именно поэтому, как только случается возможность, он возвращается в родные пенаты – издательство «Азернешр». Начиная с 1948-го и до 1966-го года он трудится здесь редактором, старшим редактором, заведующим отделом. Для человека, представлявшего советскую власть за рубежом, занимавшего такие должности, как председатель Республиканского Радиокomiteта, начальник Главлита, заведующий отделом ЦК КП Азербайджана, получившего образование в Москве, работа его в «Азернешре» стороннему взгляду наверняка казалась малозначимой. Если бы Гусейн Шариф – человек с таким послужным списком, хорошо известный в верхних эшелонах власти, – захотел, а точнее, постучал бы в нужные двери, говоря современным языком, «подсуеллся бы», то достиг бы ещё более высоких должностных кресел. Однако он этого не сделал, на такое не пошёл. Ибо знал и чувствовал, что, занимаясь любимой литературной, в особенности переводческой деятельностью, принесёт гораздо больше пользы обществу. А в «Азернешре» для этого имелись широкие возможности.

В дальнейшем он был назначен заведующим отделом художественного перевода. На это время приходится самый плодотворный период его творческой деятельности. С уверенностью можно сказать, что большинство из произведений русской классической литературы, в переводах на азербайджанский язык, украшающие ныне полки библиотек, – вышли из-под пера Гусейна Шарифа.

В 1968 году писателю-переводчику вновь доверяют очередную ответственную должность. Он становится директором Азербайджанского отделения ВААП (Всесоюзного агентства по охране авторских прав). Продолжая свою переводческую деятельность, он работает в этой должности в течение трех лет. За эти три года он делал всё от него зависящее в оказании помощи азербайджанским литераторам и другим авторам, мудро находил пути решения самых спорных вопросов.

Параллельно с активной переводческой деятельностью Гусейн Шариф время от времени писал также рассказы, рецензии на произведения собратьев по перу. Обнародовать эти материалы, «дремлющие» на страницах различных газет и журналов, – дело исследователей литературы. В общем и целом, собирание литературного наследия, привлечение его к исследованию, изучение творческого опыта такого человека как Гусейн Шариф, посвятившего свою жизнь развитию литературы и культуры родного народа, – не должно оставаться без внимания.

Мы попытались также разыскать и повесть писателя «Qızılgülü xalça» («Ковёр с розами»), вышедшую из печати в 1958 году. К нашему сожалению, ни в одной из библиотек республики найти ее не удалось. Кстати говоря, это произведение в своё время перевела на русский язык Эльмира Ахундова, и оно было опубликовано в №10 журнала «Литературный Азербайджан» за 1985 год под названием «Ковёр с розами». Сюжет и тему этой повести писатель почерпнул из жизни своего тестя Мустафы Алиева

– специалиста-кововеда, в свое время известного далеко за пределами Азербайджана.

Книга писателя «Воспоминания» будет полезна как научным работникам, так и учащимся средних школ. Издательство «Хан» совершило весьма благое дело, переиздав эту книгу в 2015 году латинской графикой в серии мемуарной литературы. В книге нашли отражение жизнь и деятельность виднейших представителей азербайджанской интеллигенции XX века, литературные события, интереснейшие сведения о литературных течениях того времени.

В памяти писателя запечатлелся яркий момент, связанный с выдающимся турецким поэтом Назымом Хикметом.

На одной из встреч с читателями, происходившей в Доме творчества писателей в городе Гагра, в которой принимал участие и Гусейн Шариф, зашел разговор о том, «что такое формализм?» Назым Хикмет не стал напрямую отвечать на этот вопрос. А рассказал случай, на первый взгляд могущий показаться попыткой уклониться от ответа. Поэт начинает говорить о том, что ресторан – это такое место, которое предназначено для того, чтобы человек мог там вкусно пообедать, поужинать, послушать хорошую музыку, и вообще отдохнуть душой и телом... *«Я пригласил в Москву с другого берега Тихого океана видного чилийского поэта Пабло Неруду. В один из вечеров мы пошли поужинать в роскошный зеркальный зал ресторана знаменитой гостиницы «Гранд-отель». Приехали, сели за столик... За теплой дружеской беседой стали ждать гарсона. Прошло десять минут – гарсон не появлялся, прошло пятнадцать, двадцать минут – гарсона всё не было; я уже не выдержал, занервничал; наконец вынужден был обратиться к наблюдавшему за залом администратору. Принеся свои извинения, тот отправился за гарсоном. Вскоре появился весьма пожилого вида гарсон, можно сказать старик, и тяжело ступая подошел к нашему столику. Я сказал ему: «Мы ждем вас уже полчаса. Но ведь подобное обслуживание не подходит такому ресторану». Ответ старика прозвучал более чем странно и неожиданно: «Молодой человек, – сказал он, – имейте совесть, я старый больной человек, после перенесённого инфаркта я три месяца пролежал на больничной койке, и только сейчас вышел на работу! Какое уж тут профессиональное проворство...»*

Конечно же, Назым Хикмет относительно формализма мог бы ответить обтекаемой, внешне привлекательной, даже витиеватой, однако же пустой и ничего не значащей фразой. Но тогда у слушателя возникли бы сомненья-подозрения насчет бессмысленности формализма.

Так, простым человеческим примером, он довёл свою мысль до собравшихся. Этот эпизод, запечатлевшийся в памяти Гусейна Шарифа, скорее всего нигде больше не зафиксирован, и он, безусловно, будет крайне интересен как для исследователей творчества Назыма Хикмета, так и для многочисленных почитателей его огромного таланта.

В рассматриваемой нами книге «Воспоминаний» подобных моментов множество...

Заслуги Гусейна Шарифа в области художественной литературы, государственная и общественная деятельность, хоть и отчасти, но отмечены рядом правительственных наград. Самой дорогой из которых для него была медаль «За оборону Кавказа».

МАРИНА МУРСАЛОВА

Хорузмен, или Вполне реальная история

Рассказ

Беюкага взялся за ручку двери.

– Куда? – оторвавшись от телевизора, поинтересовалась жена.

– К Самеду, попросил зайти.

– И я пойду с тобой, у меня к Таире разговор есть, – на самом деле Зулейхе просто хотелось отвлечься от домашних дел. Быстренько переобувшись в светлые выходные босоножки, Зулейха накинула жакет и вышла вслед за мужем.

– А чем заниматься будете? – спросила она у него по дороге.

– Самед какие-то прививки хочет своим курам сделать, попросил, чтобы я подержал, пока он их колоть будет.

– А Таира, жена его, помочь не может?! Белоручка несчастная!

– Она же теперь певица, – Беюкага хитро подмигнул жене. – Интеллигенция, одним словом. Днем – репетиции, вечером – выступление в ресторане, куда ей до деревенских дел.

За воротами залаяла собака.

– Ну, конечно, деньги потекли рекой, добра прибавилось, впору волкодава заводить, – успела шепнуть Зулейха мужу, перед тем как открылась железная калитка.

– Таира, родная, это мы! – женщины мило расцеловались. Таира была во всеоружии: яркий макияж и новый шелковый халат изумительного бирюзового цвета.

– Заходите, заходите! – хозяин вышел навстречу гостям. – Таира, готовь чай.

Вчетвером они недолго посидели в тени раскидистого тутовника, неторопливо беседуя о том о сем и попивая душистый самоварный чай, слегка приправленный кардамоном. Наконец Беюкага предложил перейти к делу. Таира по приказу мужа принесла первую небольшую невзрачную несушку и передала ее Беюкаге. Она несла курицу на вытянутых руках, брезгливо оттопырив в стороны наманикюренные мизинцы цвета переспелого граната.

– Так, – вколов затрепыхавшейся курице лекарство, Самед набрал в шприц очередную порцию.

– А того красного лоту тоже будете колоть? – поинтересовалась Зулейха.

– Всех надо.

«Лоту» (*блатной, задира – азерб.*) петуха прозвали за его задиристый, независимый характер. Он часто шастал по поселку в поисках зерна или новой симпатичной подростковой курочки. Его постоянные шашни с соседскими несушками не раз являлись поводом для драки с местными петухами.

Вскоре вся птица без особых хлопот была привита. Очередь дошла до красного петуха. Но то ли куры на птичьем языке успели передать ему свои впечатления от процедуры, то ли он сам каким-то образом догадался, только петух начал очень нервничать и никак не давался в руки хозяину, шарахался от того в разные стороны.

Беюкага настороженно прислушивался к гулкому цокоту когтей крупных петушиных лап по асфальту и чувствовал, как нервозность «пациента» начинает передаваться ему. В конце концов Самеду удалось поймать и зажать петуха между колен.

– Беюкага, неси шприц! – Беюкага поспешил на помощь другу. – Коли!

– Нет, – видя, как петух зорко отслеживает каждое его движение, готовясь нанести сокрушительный удар мощным клювом, Беюкага вдруг передумал: – я не могу, ты сам!

– Тогда держи его! – Самед передал птицу товарищу, выхватил из рук Беюкаги шприц и замахнулся. Петух был крупным бройлером и довольно сильным. Он изворачивался и возмущенно клекотал до тех пор, пока Беюкага, изловчившись, не завладел, наконец, птичьей шеей. Сгоряча он сдавил горло птице так сильно, что бедный петух выкатил глаза и оказался совершенно обездвижен.

– Коли, пока молчит, – прошептал Беюкага.

Пока Самед прицеливался, петух, собравшись с духом, вдруг задергался еще сильнее, пытаясь вырваться из рук своих мучителей.

– Держи! – завопил Самед.

– Коли! – скомандовал Беюкага.

– А-а-а!!! – от раздавшегося нечеловеческого вопля обе женщины повскакивали со своих мест.

– Что случилось?! – они недоуменно переводили взгляд с одного мужчины на другого.

– Ты что наделал? – прошептал Беюкага побелевшими губами.

– Извини, брат, – глупо улыбаясь, промямлил Самед.

– Беюкага, что, что случилось? – заволновалась Зулейха, заметив, как ее муж, схватившись за ногу, захромал к стулу.

– Ты что... вколлот ему эту отраву? – срывающимся от волнения голосом спросила Зуля у Самеда.

– Случайно... – Самед виновато посмотрел на Зулейху. – Петух дернулся... ну я и промахнулся...

Зуля в ужасе зажала рот рукой. Тем временем красный петух, благополучно избежавший насильственной вакцинации, оправив крылья и гордо вскинув клюв, не спеша ретировался с места схватки.

– Убийца!.. Люди! – в следующую минуту заголосила женщина. – Быстрее «скорую» вызовите кто-нибудь!

Таира, на ходу произнося слова молитвы, поспешила в дом.

– Не надо «скорую», – остановил их Беюкага, потирая ногу. – У них все равно кроме обезболивающего ничего нет. Только за приезд деньги сдерут и все. Позовите лучше Зию-ветеринара.

– Случай неординарный, – авторитетно заявил мигом примчавшийся молодой энергичный ветеринар. – Одно могу сказать наверняка: от этой птичьей болезни ты привит до конца своих дней, – он довольно хмыкнул.

– Нашел время шутить! – прикрикнул на доктора Самед. – Скажи лучше, чем все это может обернуться?

– Бог знает, – пожал плечами Зия, – он все и решит. Зовите, если что...

Слух о произошедшем инциденте мгновенно распространился по поселку.

– Я помню такой же случай, – беседуя вечером с тремя товарищами на уличной скамейке, сообщил самый молодой из них, девятилетний Хикмет-даи. – Это

было... дай Бог памяти... в каком году, – он сосредоточенно сдвинул брови. – Ветеринар вот так же промахнулся и вместо быка хозяину укол сделал. А прививка, между прочим, от ящура была!

– И что стало?

– Умер несчастный, правда, не сразу, но совсем молодым, семидесяти не было... Старики, одновременно вздохнув, замолчали, задумавшись каждый о своем.

– А вот и Беюкага, легок на помине, – Хикмет-даи указал рукой в сторону, откуда возникла легендарная фигура.

Старики дружно уставились на героя дня.

– Салам, – вежливо поприветствовал тот старцев и ускорил шаг, чтобы избежать лишних распросов.

Чувствуя на себе пристальные взгляды, Беюкага вдруг споткнулся. Вскинув руки, с трудом, но удержал равновесие.

– Слово крыльями взмахнул! – вздохнув, тихо произнес Хикмет-даи.

– Да, да, – подтвердили старцы и уже хотели было переключить внимание на проходившую мимо очаровательную Сафию-ханым, красивая походка и игривые манеры которой очень благотворно влияли на натруженные философскими рассуждениями все еще ясные умы аксакалов. Но впереди перед Беюкагой возникла новая преграда. Соседка, вымыв двор, выгнала излишек воды за пределы своих владений, и вода грязным озерком застыла на середине дороги. Беюкага на мгновение задержал шаг и затем, прицелившись, легко перескочил довольно-таки широкую лужу.

– Как птица перелетел! Я бы так не смог! – многозначительно прокомментировал действия Беюкаги один из аксакалов. Остальные согласно закачали головами, задумчиво глядя вслед прелестной Сафии-ханым.

После того злополучного случая Беюкага оказался в центре всеобщего внимания. По поселку пронесся слух, что Беюкага изменил походку, и она стала походить на птичку. И разговаривал отныне, по мнению многих, как-то не так, слишком уж резко («по-птичьи»). И привычка какая-то новая у него появилась: подергивать плечами и шеей.

Ни у кого не возникло мысли, что нервничал и дергался Беюкага вполне обоснованно: его мучила мысль, не станет ли роковой промашка друга? Так, в полнейшем неведении пережил он целых два нескончаемых дня.

Вечером второго дня неожиданно заявила Таира. Она так торопилась, что не стала терять времени на переодевание, вернувшись с работы – на ней было длинное вечернее платье, туго обтягивающие ее мощные тела. Обнаженные борцовские плечи стыдливо прикрывал старый жакет дочери.

– Беюкага, Беюкага, – с трудом переводя дух, запричитала она с порога. – Куры сдохли, все до одной. Один непривитый петух пока жив!

Зулейха с ужасом взглянула на вмиг позеленевшего мужа

– Что ты на меня смотришь?! – разозлился на нее Беюкага. – Какое мне дело до ваших кур? Я пока еще человек! – он опять нервно вывел фальцетом, получилось, как назло, очень уж по-птичьи. – Чтоб вы провалились с вашими курами! – в бесильной злобе махнув рукой, Беюкага скрылся в соседней комнате.

– Зуля, – понизив голос, сказала Таира, – страшно сказать, но может это они... от лекарства? Я прибежала предупредить...

– О, Аллах! За что нам такое наказание? – не в силах больше сдерживаться, Зулейха напустилась на соседку. – Лучше бы ты дома сидела, да за своими курами при-

сматривала! Чтобы они по мусоркам не лазали и ниоткуда заразу не тащили! Чтобы им потом не надо было уколы делать!

– Наши куры по мусоркам не лазают! – тут же заняла оборону Таира. – Это ваши вечно, как гёрмямиши-голодушники, к нам прибегают поживиться хоть чем-то.

– Что?! – женщины готовы были вцепиться друг другу в волосы.

– Артистка! От одного твоего голоса, наверное, ваши куры передохли! – наконец Зуля получила возможность вставить соседке шпильку.

– А-а-а! Тебе моя слава не дает покоя?! Завистница!

– Хватит вам! – выглянул из-за занавеса Бёюкага.

Таира, развернувшись, с гордым видом покинула дом...

– Зулейха, – через некоторое время позвал жену из спальни Бёюкага. Все еще с трудом переводя дух после скандала, Зуля подошла к мужу. Тот лежал на кровати, уставившись в потолок. – Зачем ты так с соседкой? Никто не виноват в том, что произошло, а тем более, Таира... передай всем, что я ни на кого зла не держал...

– Самед два раза приходил, – виновато доложила жена, – я сказала, ты отды-хаешь.

– С соседями ссориться нельзя, ты ведь знаешь: близкий сосед дороже дальнего родственника, так говорят у нас.

– Ты думаешь, мне надо помириться с Таирой, этой... ифрита?

– Не злословь понапрасну, женщина, это грех! – на пути к Всевышнему Бёюкага стремился привести свою душу в порядок, в соответствии с законами веры. – Храни свою чистоту, будь великодушной, требуй исполнения законов Всевышнего от детей наших...

– Я все сделаю так, как скажешь, дорогой мой муж. Только не уходи! – глаза их встретились, и Зуля не удержалась от того, чтобы с рыданиями не упасть на грудь горячо любимого мужа. Никогда еще он не был ей настолько дорог, как в эту трагическую минуту. Бёюкага и Зулейха за несколько тягостных мгновений прочувствовали всю глубину совместного горя и неотвратимости происходящего. Бёюкага порывисто и крепко прижал голову жены к своей груди.

– Зуля, – простонал из последних сил Бёюкага, сжав веки, не в силах больше переживать эти ужасные мгновения расставания с женщиной, с которой прожил столько счастливых лет, – посмотри, у меня, кажется, температура...

Зулейха, вытирая слезы, положила ладонь на взмокший холодный лоб мужа.

– Бёюкага, может, «скорую» вызвать? – на всякий случай предложила она.

– Не спеши... «Скорую» вызывают только в одном случае, – он громко сглотнул и закончил свистящим шепотом: – когда надо покойника в мечеть везти...

– Что ты говоришь?! Тьфу-тьфу...

– Зуля, – голос Бёюкаги слабел с каждой минутой. – А если... ну вдруг... что вы будете без меня делать? – Зулейха всхлипнула. – Я об одном жалею, – убрав ее руку, продолжил Бёюкага дрогнувшим голосом, – что отказал соседу, когда тот присылал сватов для нашей дочери.

– Помилуй, ей же только шестнадцать исполнилось...

– Обручили бы, пока я... жив. А там, как раз, через год, два... Если внуков не суждено дожидаться, хотя бы дочь благословил... – он отвернулся, чтобы спрятать слезы.

Зулейха, не выдержав, опять начала всхлипывать.

– Ты же говорил, что этот Саттархан – бездельник...

– Времени выбирать нет...

В тот же вечер Зулейха слово в слово передала соседке, родственнице Саттархана, разговор о последнем желании мужа.

На следующий день Беюкага на работу уже не вышел. Новость об ухудшившемся самочувствии несчастного облетела поселок. К полудню к их дому начал стекаться народ. Знакомые и родственники со скорбными лицами приходили справиться о состоянии здоровья Беюкаги. Зулейха поставила самовар, накрыла во дворе стол, открыла банку розового варенья, припасенного для особо дорогих гостей или особого случая, как этот....

Ближе к обеду в порядке очередности заявили работники газовой конторы, водопровода и канализации. Все как один почему-то требовали срочно погасить задолженность по оплате. Вслед за ними прибежал запыхавшийся парнишка в костюме и съехавшем на бок галстуке. Быстро распечатав квитанцию за электроэнергию, он сунул ее в руки Зулейхе и также быстро умчался прочь.

Наконец суматоха во дворе мало-помалу стихла. Беюкага, цепляясь за спинку кровати, поднялся и по стенке с большим трудом добрался до окна. От непривычного долгого лежания у него кружилась голова и в суставах ощущалась необычайная слабость. Скрипнули железные ворота, и во двор скромно прошли две женщины. Зуля поспешила им навстречу. В одной из пришедших Беюкага узнал тетку бездельника Саттархана. На глазах снова выступили слезы. Он вспомнил вчерашний разговор с женой. Теперь придется спешить, а то может статься, что и благословить свое чадо не успеет. О том, на какие средства будут жить его внуки, он старался даже не думать. Ничего, перед тем как... он успеет поручить сыновьям заботу о старшей сестре. Беюкага вздохнул и, вытерев мокрые глаза, начал натягивать брюки.

В ворота опять постучали. Пришел новый сосед, недавно купивший землю рядом с ними. Он так разошелся, что его строениям очень скоро стало тесно на двадцати сотках. Сосед как-то раз попытался завести разговор с Беюкагой о продаже части огорода. И тогда же получил категорический отказ. Зачем он пожаловал на этот раз?

Жена в белых босоножках, оставаясь на приличном расстоянии, на вопрос о здоровье хозяина дома скромно опустила глаза: «Спасибо, ничего...» Сосед, не замечая, что за ними из окна внимательно наблюдает Беюкага, сразу перешел к делу.

– Он не передумал по поводу продажи огорода, не знаете? – с самым невинным выражением лица поинтересовался пузатый нувориш. – Извините, но вам теперь, возможно, понадобятся деньги... на лечение... сами знаете, врачей у нас хороших нет, а за границей все немалых денег стоит. Такая редкая болезнь, – он покачал головой. – Что делать, все под Богом ходим... Понимаю, не время говорить о продаже части огорода, но в такой сложный момент решил напомнить вам, что всегда готов помочь... к тому же вам-то этот кусок вообще не нужен, весь травой зарос...

Тут Беюкага не стерпел.

– Слушай, ты зачем опять пришел?! – больной высунул из окна почти наполовину. – Мы не продаем огород! И деньги нам твои не понадобятся!

– Больше тебе все равно никто не даст! – толстый человек лет тридцати на коротеньких ножках размахивал мобильником последней модели, с которым не расставался ни на миг. – Не принципиальничай в такой момент, подумай лучше о своем здоровье. Я хочу тебе помочь!

– Помочь?! Раньше соседи в трудную минуту просто давали деньги, даже не в

долг! Что вы, молодежь, за люди такие, никаких законов не чтите: ни соседства, ни дружбы, ни семьи! Только выгоду во всем ищите! Несчастные!

– Зачем обижаешь?! Я же помочь тебе хочу! По-соседски!

– И я тебе хотел помочь ...

Беюкага с трудом сдержался, чтобы не напомнить еще раз соседу о том, что тот неправильно поступил, когда развелся со своей женой и оставил на произвол судьбы, без отцовского глаза двух сыновей, которые встречаются с ним в редких случаях. Хатира была заботливой матерью, хорошей хозяйкой и доброй соседкой, чего еще этому напыщенному павлину надо? Хочет жениться во второй раз – на девчонке восемнадцати лет. С Хатирой, говорит, не о чем было поговорить, а эта журналистка – очень интересный человек, да и иностранцам ее показать не стыдно. «Так что тебе важнее, – спрашивал у него Беюкага, – чтобы она дом могла держать или с иностранцами любезничать?» Смеется, говорит, у богатых так заведено! Все мысли о том, как угнаться за богатыми. Беюкага ненадолго задумался. Вспомнил, что в его молодые годы в женщине ценились скромность, хозяйственность и добродушие, а не красота и образование. Беюкага вспомнил также, какое участие принимали в судьбе друг друга соседи, сколько семей сохранили общими усилиями, сколько незрелых и горячих умов от беды уберегли, как отчитывали, стыдили и строжили соседских детей – как своих собственных, не разделяя. Как жили все одной большой семьей, помогая друг другу и в беде, и в радости. Другие времена настали: молодые не терпят замечаний, не хотят жить в одном доме с родителями, все отгородились высокими заборами, и что творится за ними, знает лишь Всевышний, подумал Беюкага. Затем сказал более спокойно:

– В песне поется: сказать хотел, да не сумел. Ты все равно ничего не поймешь!

– Вот опять обижаешь. Если хочешь помочь по-соседски, продай часть огорода!

– вроде бы пошутил сосед. Он привык добиваться того, чего хотел, любыми путями и всегда был готов к борьбе во имя собственных интересов. – У тебя огород большой, ты ж ничего не сажаешь, зачем тебе столько?

– Не строил бы такой дворец – и у тебя огород был бы!

– Мне огород не нужен, мне осталось бильярдную построить. Сауна есть, гараж, бассейн, а на бильярдную земли не хватает.

– А ты что, в бильярд играешь?

– И в бильярд, и в гольф! Я же с иностранцами работаю. Вот приедут англичане ко мне в гости и спросят: «А где ваш бильярд?» Я скажу: «Нет!» А они: «Какой же вы отсталый народ! Ни гольфа у вас, ни даже бильярда нет!» И все из-за тебя будет!

– Научи лучше своих иностранцев в нарды играть, а гольфы пускай они для своей Англии приберегут! Теперь из принципа не продам тебе землю! Я – патриот!

– Это я патриот, а не ты! Я думаю об имидже своей страны, а ты вот нет! – сосед, явно недовольный результатом встречи, скрылся за калиткой. «Ничего, ты меня плохо знаешь...я подожду...», – думал он на ходу. Беюкага с трудом удержался от напутственных речей.

Отвлечшись на миг от навязчивых тревожных мыслей о своем здоровье, он внезапно ощутил, что чувствует себя достаточно бодро. Перебранка с соседом, как он заметил, подействовала вполне оздоравливающе. Расправив плечи и напевая себе под нос, мужчина с самым уверенным видом спустился во двор. С удовольствием полной грудью вдохнул прохладный воздух, перемешанный с до боли знакомыми запахами луговых трав, зрелых плодов и навоза, раскинутого по развороченным огородным

грядкам. В поле его зрения попали застывшие от удивления женщины, пришедшие договариваться насчет ускоренного сватовства дочери. Сама дочь сидела под яблоней с самым несчастным видом. Перспектива данного варианта замужества ей никак не улыбалась. Сердце и совесть Беюкаги екнули одновременно.

– А вот и отец, – растерянно улыбаясь, сообщила женщинам Зулейха. Те на миг привстали со своих мест в знак уважения.

– Знаете что... – Беюкага посмотрел в сторону дочери, – вы меня, конечно, извините, но я передумал отдавать дочь за вашего Саттархана... Я остаюсь при своем мнении: ваш сын бездельник!.. Причем патологический! – его уверенность крепла с каждой последующей фразой.

– Вы что, издеваетесь?! – тетка Саттархана всплеснула руками. – Кто патологический?

Она готова была заплакать от такого оскорбления. Зато вторая, по формам чем-то напоминавшая рыболовецкую баржу, крикнув, с угрожающим видом начала зачем-то подворачивать рукава.

– Вы что, хотите, чтобы над нами смеялся весь поселок?! – с угрозой произнесла она, воткнув руки в боки. – Второй отказ! Что про нашего мальчика говорить станут? Кто за него свою дочь после этого отдаст? Вы же сами хотели...

– Извините, так получилось... обстоятельства...

– Ты эти обстоятельства знаешь куда себе засунь... – все-таки «баржа», как оказалось, закатывала рукава не просто так, а с конкретной целью: она вдруг со всего маху толкнула Беюкагу в грудь. Да так, что не ожидавший внезапной атаки хозяин с грохотом отлетел далеко вглубь двора.

Из-за забора мгновенно высунулись головы соседских мальчишек – первых разносчиков поселковых новостей. Зулейха цыкнула, и головы также быстро исчезли.

– Ах, вот как! – пошла на обидчицу мужа Зулейха, но рук распускать не стала, все-таки гости. – И вы хотели, чтобы моя дочь попала к такой свекрови?! – толстуха, атаковавшая Беюкагу, оказалась матерью Саттархана. – Слава Аллаху, что он открыл нам глаза!

– Слава Аллаху, что моим внукам не передадутся по наследству ваши куриные мозги!

– Что?!..Ты сама курица!

– Ты курица!..

Плачущая дочь помогла отцу подняться на ноги.

Наградив друг друга не только отборными ругательствами, но и традиционными нешуточными проклятиями, женщины, наконец, разошлись.

Вдруг в приоткрытые ворота боком, хитро кося одним глазом на Беюкагу, пролез красноголовый петух Самеда. Скорее всего, он направлялся в гости к чужим несушкам, теперь ведь он официально числился вдовцом. При виде наглой птицы Беюкага просто лишился дара речи. Петух тоже застыл на месте. Некоторое время они молча изучали друг друга.

– Только тебя мне сейчас не хватало! – первым пошевелился Беюкага. – Подлая тварь! Ну, я не я буду, если не отправлю тебя вслед за твоим чертовым гаремом! – Беюкага вдруг почувствовал такой мощный прилив сил, словно не его душа еще час назад шепталась с Всевышним.

Петух, почуяв неладное, дернул шеей и, недолго думая, выскочил за ворота. Беюкага услышал его быстро удаляющийся недовольный клекот.

– Стой! – вслед за петухом выскочил на улицу Беюкага, ища глазами бульжники поувесистей. – Стой! Убью!

Тут его и перехватил ветеринар Зия.

– Ну, Беюкага, поздравляю, кризис, вижу, миновал, – с трудом удерживая рвущегося Беюкагу за руку, радостно сообщил он. – Чего ты так нервничаешь, все давно рассосалось! Все, успокойся!

– Я убью этого наглеца! – Беюкага рванулся было вслед за петухом, но молодой врач удержал его.

– Кого убьешь? – подозрительно поинтересовался Зия, вцепившись в Беюкагу уже обеими руками.

– Этого лоту проклятого, этого бородатого павлина! – при этих словах Зия облегченно вздохнул и ослабил хватку.

– Красноголового лоту?! Птица-то тут при чем? – заступился за петуха звериный доктор.

– Сколько я пережил из-за этого подлеца, сколько врагов нажил! Нет, я убью этого бандита!

– Не торопись, Беюкага, – услышали они внезапно за спиной голос Самеда. – Птица тут ни при чем. Это я виноват. Извини еще раз. – Самед протянул Беюкаге руку в знак примирения.

– А ты точно знаешь, что все рассосалось? – до Беюкаги дошел, наконец, смысл сказанных доктором слов.

– Точно, точно! Да и что за дозировка?! Курица в двадцать раз меньше тебя! Вот если бы тебе лошадиную дозу ввели!...

Беюкага некоторое время рассеянно тряс руку Самеду.

– Ладно, забыли, – наконец миролюбиво объявил он и улыбнулся, впервые за последние три дня. Его ощущения были близки к эйфорическим: у него, оказывается, есть будущее!

– Пошли ко мне, – радостно предложил он, сходу позабыв обо всех своих злоключениях, – Зулейха соютому приготовила. Посидим хорошо, потом чай из самовара попьем, после в нарды сыграем. Я сто лет не играл!

– Нет, нет, – тут же запротестовал его друг, – это я приглашаю. Уже все для кябаба готово. Я для тебя лично хан-кябаб сделаю! – воскликнул Самед и похлопал друга по плечу. Зия с улыбкой наблюдал счастливую сцену примирения.

– Тебя тоже приглашаю, – кивнул Самед ветеринару.

– Спасибо, конечно. Но я не могу, на роды опаздываю. Корова у Хикмета-даи вот-вот отелиться должна.

– Закончишь, приходи! Хикмету-даи передай наше почтение.

Впереди промелькнуло что-то яркое. Красноголовый петух Самеда уносил ноги из поселка. Развив почти страусиную скорость, он мчался во весь опор вдоль заборов под истеричные крики возмущенных петухов – своих извечных соперников, громкое призывное кудахтанье кур – верных подруг, бешеный лай рвущихся с цепей собак и жалкое блеяние испуганных баранов. Гнал его, по-видимому, внутренний голос, уже однажды спасший своего хозяина от верной гибели.

К 100-ЛЕТИЮ НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯНДИИ

ТАИРА ДЖАФАРОВА

ВСТРЕЧИ С ФИНЛЯНДИЕЙ

В этом году Финляндия празднует столетие своей независимости. Но история Финляндии, финской культуры началась не сто лет назад, это долгая и непростая история, у нее собственные древние корни. Столетие с небольшим страна была Великим княжеством Финляндским в составе Российской Империи. А до того несколько веков подряд входила в состав Шведского королевства. Но всегда эта северная страна оставалась сама собой, ее народ стойко хранил свои обычаи, нравы, традиции, язык. Живя в Финляндии, переводя ее писателей и поэтов, я полюбила эту страну. И в год ее юбилея хочу поделиться с читателями тем, что я узнала о финской литературе и о тайнах перевода, и рассказать хотя бы только о двух встречах с финской историей, с ее тайнами и древними городами.

Встреча в старинном замке города Турку

Сентябрь выдался дождливый и серый, но в начале октября погода установилась. Солнце появлялось в семь утра и так зазывно заглядывало в комнату, что усидеть дома, за письменным столом, совершенно невозможно. Это было особенное солнце – северное, нежаркое, но светлое и лучистое. Финны ласково называют его «ауринко». Подчиняясь его настойчивому зову, я собралась в дорогу, и солнце улыбалось мне в окно вагона все два часа по пути в Турку. Я ехала туда в первый раз, у меня не было карты города, и я знала о нем только то, что это бывшая столица Финляндии, что когда-то там была резиденция шведских королей, что в Турку был открыт первый финский университет... Отчего некоторые города кажутся знакомыми, будто мы прожили в них когда-то целую жизнь? Выйдя на привокзальную площадь, не раздумывая, я сразу же стала подниматься к Музею искусств. Это старинное здание, облицованное темно-розовым и темно-голубым мрамором, построено в том же романтическом стиле, что и Национальный музей в Хельсинки. Я обошла его и обнаружила улицу, берущую начало отсюда и круто спускающуюся вниз. Неожиданный, как провал в горах, резкий спуск! Все время, пока поднимаешься в гору, гуляешь по парку, разбитому перед зданием музея, любуешься скульптурой взлетающих лебедей, крылья которых причудливо переплетены, не подозреваешь, что с другой стороны музей как бы венчает собой холм над «улицей-обрывом». Она и привела меня на площадь, которая ныне называется Кауппа-тори, а когда-то, вероятно, была Соборной площадью. Другое название ей просто не подходит, ибо на ней, за оградой, расположен великолепный православный собор Св. Александры.

Был церковный праздник, Покров Богородицы, о чем мне сообщила служительница у входа. Купол церкви – синь небесная – расписан золотыми звездами. Блоковский храм, торжественный и немного грустный, загадочный, где сразу вспоминаются стихи о девушке, певшей в церковном хоре. Богослужение велось на финском языке, нежные и красивые голоса возносились к высокому куполу. Выйдя из храма, я продолжила свой путь по той же улице, и она не обманула моих ожиданий. Здесь оказалось немало прекрасных зданий со скульптурной лепкой, относящихся к XIX веку, с нарядно изукра-

шенными фасадами. Улица оборвалась так же неожиданно, как и возникла, – я оказалась на берегу реки с солнечным названием Аура. На этой неширокой реке каким-то непостижимым образом уместились каравеллы, яхты, парусные лодки, и все это будто ненастоящее, как декорации к повестям Александра Грина. Светило «ауринко», блестя отливавшие голубизной воды Ауры, белели паруса яхт, и от всей этой красоты на сердце сразу стало легко и радостно. Перейдя через мост, я попала на площадь, окруженную старинными зданиями, одно другого нарядней, одно другого внушительней. По одну сторону высился монумент «Вечная память», а по другую – величественный кафедральный лютеранский собор со скульптурой Михаила Агриколы. Агрикола держит в руках созданный им букварь – первую финскую книгу. Площадь разрезана улицей, и по обеим сторонам ее – монументальный высочайший храм и сиротливые шедевры XIX века, а от площади ответвляются улочки, и на них чудесные дома, каждый из которых вносит особую гармонию в ансамбль. Кажется, что если пойти по этой улочке до конца, где-то там тебя ждет неожиданное счастье. Здесь можно бродить часами и все время встречать все новую и новую воплощенную в камне красоту. Дальше, идя берегом реки, мы оказываемся уже в старинном замке, по-фински – «линна».

– Самое интересное в городе – это замок, не забудьте, – напутствовала меня перед поездкой Рейли, дочь моей подруги, девочка-фея.

Я вошла в замок и стала в одиночестве подниматься по стертым каменным ступеням. Невольно вспоминались старинные, потемневшие от времени башни в стране моего детства, в дорогом сердцу Баку, крутые ступеньки, ведущие на самый верх знаменитой Девичьей башни, оваянной мрачными легендами. На минуту мне стало жутко, и я вскрикнула:

– Есть ли здесь кто-нибудь?

На звук моего голоса вышла немолодая дама, служительница музея, и объяснила, что здесь вовсе не страшно, а планировка замка такова, что можно переходить, не замечая того, с первого этажа на третий и обратно. Ободренная ее словами, я двинулась в поход по средневековым залам со сводчатыми потолками, вглядываясь в старинные портреты в массивных рамах. Вот Фредерик I – пухлое, лоснящееся довольством лицо, с ямочкой вместо подбородка. Ульрика Элеонора – надменная и капризная, а вот прекрасная Ягелоника и многие-многие другие – аристократы, пресыщенные жизнью, тщеславные красавицы, чувственные и избалованные. И вдруг – словно ожог: на меня смотрят совершенно живые печальные глаза Эрика XIV. Взгляд его, казалось, следовал за мной, в какой бы части зала я ни находилась, и мне показалось наконец, что мы даже улыбаемся друг другу, как давние знакомые после долгой разлуки. Теперь я была уже не в силах уйти и продолжала бродить по залам. Синеглазая девушка в старинном костюме – служительница музея – обратилась ко мне:

– А теперь посмотрите комнату, в которой томился в заточении Эрик XIV. Через зарешеченное окно виден подоконник из темного дерева с вмятинами. Это следы его локтей, – говорит служительница, – он часами стол у окна, тоскуя по свободе, по любимой жене Ягелонике, кстати, дочери простого солдата. А заточил его здесь брат Юхан. Они расходились во взглядах на отношения с Россией, – скороговоркой добавила она.

– Я как раз хотела попросить вас рассказать о нем, ведь его прекрасный портрет висит в зале, – говорю я.

– Портрет? Какой портрет? Там нет его портрета, – резко возразила она.

Задыхаясь от волнения, я спускаюсь по лестнице к выходу и спрашиваю у продащицы сувенирного киоска:

– Скажите, у вас есть портрет Эрика XIV?

Она предлагает мне портреты других царственных особ и с сожалением говорит:
– У нас его нет.

– Но разве вы не заметили, как прекрасно его лицо? Оно страдает, любит, тоскует, – тихо говорю я и отвечаю сама себе: «Значит, оно принадлежит только мне».

Девушка находит, наконец, какую-то открытку и протягивает: на ней изображен пленник-король, которого называли безумцем. Глаза его закрыты, он словно дремлет, голова покоится на коленях возлюбленной, и я знаю: даже сквозь смеженные веки видно, как печальны эти темные глаза.

Уже давно пора уезжать, а я все брожу по улицам, которые заливают синие вечерние сумерки, то поднимаюсь в гору, то спускаюсь к реке – таков уж рельеф этих старинных запутанных улочек. Вспоминается рассказ Бунина, его ритм, его музыка:

*В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой темной лестницей,
С завешенным окном...*

Почему вспоминается Бунин, этот писатель-странник? Может быть потому, что он так прекрасно писал о несчастной любви? И почему есть на свете города, от встречи с которыми сжимается сердце?

День рождения поэта

День рождения великого финского поэта Людвиг Рунеберга, 5 февраля, это национальный праздник. Когда-то Рунеберга называли финским Пушкиным. Последнюю и немалую часть жизни он прожил в городе Порвоо, и мне захотелось туда поехать.

– Птицы поют для тебя, – с улыбкой в голосе говорит мой друг Юха на другом конце провода. – И город Порвоо заслуживает того, чтобы с ним познакомиться.

Юха Виркунен – тоже поэт, составитель антологий, подвижник. Тогда – незамеченный редактор по культуре на финском радио ЮЛЕ. Талантливый, артистичный, добрый, он помогал всем нам, только недавно приехавшим в Финляндию, приобщаться к финской культуре. Юха никогда не забывал сообщать мне обо всем интересном, что происходило в литературе, в искусстве – о вечерах, концертах, фестивалях и праздниках, даже о тех, куда сам не успевал пойти. Приглашал в кино и в театр. Это был, конечно, один из лучших представителей финской интеллигенции...

С этого телефонного разговора с Юха для меня и начался этот праздник.

Порвоо стоит на берегу небольшой реки с одноименным названием. Город спускается к ней, глядится в нее, текущую чуть ли не на одном уровне с набережной, где выстроились у самого берега деревянные дома и домики. Кажется, что они вот-вот окунутся в струящееся зеркало воды. В него вглядывался и поэт:

*Сижу, о речка, над тобою
И все гляжу, как облака
В тебе сменяются чредою,
Гонимы лётom ветерка.*

Замысловатые древние улочки, мощенные булыжником, уводят в гору, к старинному лютеранскому собору. Именно здесь в марте 1809-го Александр I созвал финский сейм, на котором и была провозглашена Финляндия Великим княжеством в составе Российской империи.

Рядом с кафедральным собором, в двухэтажном каменном доме, увенчанном башней, бывшей городской ратуше – местный Музей истории. Вечером в его окнах зажгутся свечи в многоярусных канделябрах. В одном из залов музея – портрет российского императора Александра II. Он, по просьбе финского сейма, царским указом объявил дом поэта национальным музеем. Оказывается, он впервые и положил начало традиции отмечать общегосударственные праздники и памятные даты именно в Порвоо. Первые такие празднества проходили в 1859 году, еще при жизни поэта. С тех пор государственные дни торжественно празднуют здесь, в соборе, куда на молебен приезжают представители официальных властей из Хельсинки.

Удивительные все же дома в этом городе! Деревянные, все как на подбор выкрашенные в белый цвет, с невысокими, тоже деревянными, арками-воротами. И построены многие еще в восемнадцатом веке.

День рождения Йохана Людвига Рунеберга, появившегося на свет в 1804 году... Снег к этой дате, словно по заказу, растаял, зеленеет трава, яркое солнце освещает белоствольные березы. Чудо! Вся природа, весело ликуя, несмотря на то, что на календаре зима, словно бы празднует вместе с нами день рождения поэта.

Рунеберг... Его поэзия считается национальным достоянием финского народа. Для жителей страны Суоми это имя звучит так же, как для азербайджанского сердца звонкое имя Низами или Самеда Вургуня. Любимый жанр поэзии Рунеберга – эпическая лирика. Всеобщей любовью пользуются его «Сказы Вянриikki Стоола», в которых запечатлена сложная, а порой горестная история финского народа, веками боровшегося за свою независимость и национальную самобытность. Рунеберг писал стихи на шведском языке. В то время многие финские писатели и поэты писали по-шведски.

Ведь Финляндия, до того, как стать автономным княжеством России, входила в состав Швеции, и неудивительно, что до сих пор шведский язык считается здесь государственным наравне с финским. Да и город Порвоо возник как шведская крепость на границе с Россией. Рунеберг снискал себе популярность не только своими произведениями. Как и многие поэты, он считался признанным поклонником прекрасного пола. И сегодня все любовные истории Рунеберга тоже стали как бы народным достоянием, подробно описаны, как и положено в биографиях великих людей, в мемуарах и воспоминаниях. Особенно волнующая, романтическая любовь связывает его имя с Эмилией Бьекстрем. Какое-то время Эмилия даже жила в доме Рунебергов. Она была на двадцать лет моложе поэта, и жена его Фредерика, как ни удивительно, относилась к ней по-матерински, заботливо ее опекала. Эмилия вошла в историю как признанная муза поэта. Вопреки многочисленным легендам, надо сказать, что Рунеберг тяготел к женской красоте скорее идеально, восхищался ею платонически, а в жизни был не странствующим Дон-Жуаном, а домоседом. Он писал:

*Их много, много – милых,
Темноволосых, высоких, светлооких.
Красивых и некрасивых.
Какая же выпала
тебе награда?
Два юных создания
Любят меня
и заботятся обо мне, –
Мария и Фредерика,
да еще Эмилия.*

Именно у домашнего очага он сложил многие пламенные строки, посвященные прекрасным юным созданиям, вдохновлявшим его. Он готов был любить всех щедрой любовью, так же, как любил прекрасную природу Финляндии – ее густые леса, суровые скалы, загадочные озера, темный лепет старинных преданий, неповторимые приметы народного быта. Поэт писал о певчем дрозде, а кажется, что о самом себе: «Блажен тот, кто живет в природе, заимствует у нее любовь, слова и голос; блажен, кто в странствии своем не забыл родного языка; он живет лишь грезами и говорит о том, что ему грезится, но, сам того не зная и не стесненный правилами, он видит во сне мудрость и говорит – песнями».

И вот мы присутствуем на присуждении литературной премии имени Рунеберга в старинном здании гимназии, где поэт был когда-то директором, преподавал древние языки. На стене висит большой портрет Рунеберга. Произносятся неизбежные официальные речи. Премию на этот раз присуждают Райсе Сиеккинен – мастеру тонкой психологической новеллы. Среди гостей писатель Юкка Парккинен, чью прелестную детскую книгу «Ворон и Питкянен» я перевела.

Гостей угощают чаем и так называемыми кексами Рунеберга, которые как-то выпекла для своего любимого мужа Фредерика. С тех пор они прочно вошли в финский быт, в кондитерский лексикон, а в феврале их продают повсюду – ко дню рождения поэта. Кстати, Фредерика обладала и литературным талантом, хотя предпочитала публиковать свои вещи под псевдонимом.

Через пару часов нас ждет еще один прием – в Доме-музее поэта, в котором он прожил четверть века, а пока мы с моей подружкой Кристиной отправляемся гулять по старому городу. Огромная луна всплывает над холмом, где стоит белостенный собор, и висит над ним. Она в эти минуты как бы встречается с еще непогасшим светом февральского дня.

И тут мы увидели нечто необычное. Весь город засветился необыкновенным живым светом, таким, каким, наверное, озарялись в самые большие праздники улицы средневековых городов. Загорались тут и там не только обычные уличные фонари, но и множество свечей в бронзовых подсвечниках и витых канделябрах, сиявших особенными желтоватыми огоньками почти в каждом окне. На улицах тут и там зажигались факелы, в чашах которых весело трепетало пламя. Старинный город неожиданно превратился в таинственный, сказочный город поэта. И сказочным он остается в моей памяти.

Секреты перевода с финского

В искусстве перевода, как и во всяком искусстве, есть тайна. Если ее нет, перевод остается более или менее удачным переложением содержания иноязычного оригинала. А когда тайна есть, текст оживает, становится художественным произведением. Но, как и во всяком искусстве, в переводе немало секретов ремесла, которым необходимо владеть, которому нужно учиться и учиться, и это процесс бесконечный. Ведь всякий раз перед переводчиком новое произведение, непохожая на прежнюю задача, такая же сложная, для решения которой нужно искать и находить все новые ключи.

Перевод – как сама жизнь. В круговороте дней, на стыке различных событий мы отчего-то всегда ждем счастливого стечения обстоятельств, когда, наконец, произойдет чудо, хотя бы небольшое и скромное, но все же чудо, и текст начнет звучать на ином языке так же выразительно и слаженно. На пути перевода множество различных препятствий, всегда чего-то как бы недостает, но когда правильный ключ, интонация, словесная поступь найдены, чудо, пусть почти незаметное, возникает, удивляя как лю-

бовь, расцветшая посреди морозной финской зимы.

Первым моим переводом с финского был рассказ Арвида Ярнефельта «Она и я». Рассказ этот нежен и печален, написан с той сдержанной интонацией, которая часто звучит в суровой скандинавской литературе. В нем угадывается некоторое влияние Кнута Гамсуна с его двоящимися смыслами, с признаниями и умолчаниями, переходами от счастья к страданию, от выражений откровенной страсти к христианской сдержанности. Над переводом этого рассказа Ярнефельта я работала больше, чем над любым из последующих моих переводов. Для каждого предложения я искала все новые и новые соответствующие варианты, и все же казалось, что можно сказать еще выразительнее, еще точнее. Наконец перевод был готов, и ничего больше нельзя было исправить, но что-то – так мне казалось, – по-прежнему отсутствовало, не хватало некоего звука для полной гармонии. Каждый переводчик знает, что рукописи надо дать отлежаться, чтобы потом взглянуть на текст свежим взглядом, как бы со стороны. И лишь тогда можно нанести последний мазок на картину, или, как говорят на языке театра, добавить то, что сделает из актера героя пьесы, а из страниц текста – произведение художественной литературы. В рассказе Ярнефельта этим последним штрихом стала замена местоимения «ты» на местоимение «она». «Ты» не совпадало с самим духом этой новеллы о любви, в то время как «она» как нельзя лучше отражало ту самую гамсуновскую дистанцию между героиней и рассказчиком, целомудренную и печальную. Новелла впервые была опубликована в газете «Литературная Россия», в рубрике «Зарубежный рассказ». Так началась моя карьера переводчицы с финского.

Следующим моим переводом стал рассказ финского классика Мика Валтари «Свобода человека». Над ним я работала столь же кропотливо, старательно, но, как потом оказалось, напрасно. Когда перевод был доведен до конца, я познакомилась с самым известным переводчиком финской литературы, лауреатом государственной премии Финляндии – Владимиром Николаевичем Богачевым. Он был преподавателем в Литературном институте им. А.М. Горького, в котором я училась вначале на отделении прозы. Владимир Николаевич спросил меня: «Что вы сейчас переводите?» Я ответила: «Свободу человека» Мика Валтари. А вы?» «И я тоже», – произнес он смущенно, с нотой сожаления в голосе, ибо был добрейшим, деликатным человеком. В отличие от меня, у него имелся договор с известным издательством. Вскоре его перевод был опубликован, и появилась возможность сравнить оба текста и даже побеседовать с маститым переводчиком о различиях в наших переводах. При таких грустных и в то же время юмористических обстоятельствах состоялось наше с ним знакомство, которое затем перешло в дружбу и продолжалось до самой смерти этого выдающегося мастера перевода.

Набравшись опыта, я приступила к переводу и составлению сборника рассказов финского классика Вейо Мери. К этому времени лучшие его романы и большинство рассказов были уже переведены на русский язык. И все же я пообещала издателю собрать не переведившиеся ранее юмористические рассказы Мери, объяснив, что он относится к тому же разряду блестящих рассказчиков-юмористов, что и Ярослав Гашек. Мы договорились о том, что сборник будет издан в серии «Лучшие писатели мира», издававшейся журналом «Иностранная литература».

Впервые я встретила Вейо Мери в Москве, куда он приехал в качестве гостя Союза писателей. Во время одной из поездок, по дороге в «Ясную Поляну», мы с ним обсуждали выбранные мной рассказы, и Мери отметил, что язык его прозы и в переводе должен быть лаконичным, живым и современным. На мой взгляд, важным было не упустить, найдя достойные эквиваленты, появляющиеся в конце некоторых его фраз

неожиданные, как сюрприз, метафоры и сравнения. Я назвала их для себя «рождественскими подарками», ибо такими они мне казались. Приведу несколько примеров:

«Мы плюхнулись на мокрую землю, как в кадушку с водой».

«Над железной дорогой вились паровозные дымки, точно белые черви».

«Дверцы скорой распахнулись мгновенно, словно крылья».

И таких выразительных сравнений у Вейо Мери множество.

Меня очаровал ритм его рассказа «Сочельник», который начинается с изображения финской предрождественской суеты и спешки, когда в мыслях людей крутится одно и то же, когда каждый озабочен тем, чтобы успеть сделать все намеченное к празднику. Затем наступает долгая пауза, когда герой остается один в тишине рождественской ночи, а зимним утром, после страданий пережитого одиночества, наступает катарсис, душевное очищение.

Мери написал предисловие к переведенному мной сборнику, где он говорит о том, что писать рассказы очень трудно, что роман рождается куда легче: «В последнее время я больше пишу романы. Роман можно сравнить с красивой женщиной зрелых лет, сознающей свою силу: она одинаково прекрасна как в гневе, так и в нежности, мягкий ее юмор не спугнет мужчину в критической ситуации, она и манит, и обещает, в ней такая же смесь колдовского, бесовского и правдивого, как во всей нашей жизни... А рассказ... рассказ подобен молодой барышне, которая может позволить себе капризы и дома, и в гостях, зная, что поклонники все равно не перестанут восхищаться ею, будут обожать и превозносить по-прежнему». Сказанное финским писателем можно отнести и к сравнению перевода рассказа с переводом романа.

И еще, по-моему, очень важно, чтобы переводчик четко представлял себе героев переводимого рассказа. Когда я, в то время еще не побывавшая в Финляндии, прочитала рассказ Мери «Сватовство», то чуть было не отказалась от его перевода, ибо не могла представить себе его героя. Но вскоре случай дал мне возможность переменить свое решение. В Москву приехали мои приятельницы из финского города Лахти. Вечером мы вместе пошли в Большой театр, а после этого заглянули в бар их отеля, который был переполнен. Мы оказались за одним столом с крепкого сложения пожилым финном, который взахлеб рассказывал о своем морском путешествии, о том, как «свирепая буря бросала его корабль из Красного моря в Желтое, а потом занесла в Черное море», не жалея красок и подробностей. При этом он ужасно вращал глазами, в то же время исподтишка проверяя, какое впечатление его пылкий рассказ производит на окружающих. Уж не знаю, говорил ли он правду или придумывал все эти приключения, но выглядел он комично, и я смеялась от души. И тут вдруг меня осенила мысль, что передо мной – живой герой рассказа Мери «Сватовство», и что это сама судьба свела меня с его прототипом. Я, наверно, оказалась самым благодарным слушателем финского мореплавателя, и он доверительно сообщил мне, что когда вернулся из плавания, знакомый, встретившийся ему в порту Хельсинки, уговорил его слетать в Москву: «И вот я здесь и очутился, перкеле! А дома мои сейчас, наверно, волнуются и думают, где же его черти носят...»

Рассказ «Сватовство» построен в виде монолога, и читателю вначале не ясно, кто его произносит. В русском переводе юмористическая окраска должна была быть даже сильнее, чем в оригинале, чтобы у читателя не пропал интерес, пока старик, бахвалясь, распространяется о своих приключениях, а жених его дочери во время коротких пауз пытается получить согласие на брак.

Не стану здесь говорить о многочисленных проблемах художественного перевода, об этом можно прочитать во многих специальных учебниках и руководствах по теории и практике перевода. Скажу лишь, что перевод – это очень непростая работа, она требует сил и сосредоточенности, иногда самоотверженного отрешения от всего, даже от реальной жизни. Увлечись процессом перевода, забываешь порой, что происходит наяву вокруг тебя, живешь не только поисками нужного слова, но и жизнью своих героев. Невольно вспоминаются строки из стихотворения отца великого кинорежиссера, поэта и переводчика Арсения Тарковского:

*Для чего я лучшие годы
Продал за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как от вас болит голова!*

Но переводы с финского отнюдь не «восточные переводы». Поэтому об одной особенности переводов с финского нужно сказать. Эта особенность – финский характер, характер народа, сформировавшегося среди лесов и озер, в краю снежных суровых зим и долгих ночей. Без понимания его нельзя понять героев финских книг, да и самих писателей. Этот характер, как мне кажется, с истинно финским юмором выражен в переведенном мной очень известном в Финляндии стихотворении «Финн» поэта, прозаика и драматурга Йормы Этто, которое зачитал в одном из своих выступлений президент Финляндии Кекконен:

*Финн – это тот, кто не говорит,
Пока его не спрашивают,
Спрашивает, когда не отвечают,
Не отвечает, если спрашивают.
Тот, кто сбивается с пути и кричит на берегу,
А на противоположном берегу
Ему вторит другой – такой же.
Лес гудит, отзывается эхом, сосны шумят.
Оттуда, кряхтя, выходит финн, постоит и покряхтит,
Пойдет обратно, кряхтя, будто в сауне,
Когда другой поддает жару.
Финн никогда не бывает один,
У него всегда найдется товарищ.
Товарищ этот – тоже финн,
И ничто не разлучит финна с финном.
Ничто... Кроме смерти и полицейского.*

В переводе никогда нельзя быть уверенным в окончательном результате. Перевод – словно любовь, которая временами течет плавно и счастливо, но вдруг на пути появляются преграды и сложности, начинается период страданий и долгого ожидания того, когда настанет момент озарения.

Таким, часто восторженным, трепетным, было мое первоначальное отношение к переводу, и в такой атмосфере влюбленности протекала работа над первыми переводами. С тех пор прошло много времени, и за эти годы я успела перевести множество книг современных финских прозаиков и поэтов, драматургов, а также литературоведческих статей финских филологов.

Особенно плодотворным в начале моей переводческой деятельности оказалось

сотрудничество с кафедрой финской литературы университета города Тампере и с ее заведующим – известным профессором, литературоведом и писателем Юрье Варпио. Результатом нашей совместной работы стали переведенные мною книги – «Страна Полярной звезды», которая представляет введение в историю культуры и литературы Финляндии, и антология современной финской прозы, поэзии и критики «Этот безумный, разумный мир». Обе книги были изданы в Петербурге и наверняка представляют интерес не только для специалистов, но и для многих русскоязычных читателей. В первой из них рассказывается о происхождении финнов, финском менталитете, финском языке, истоках финского национального эпоса «Калевала», о становлении и развитии финской литературы, ее основных направлениях. В ней представлены и переводы финской прозы и поэзии. Вторая книга, антология современной финской литературы, знакомит читателей с творчеством молодых, но уже отмеченных прессой, имеющих престижные финские литературные премии прозаиков, поэтов и критиков. Среди них – Юрки Киискинен, возглавляющий Клуб живых поэтов, поэтесса Хелена Синерво, мастер коротких рассказов Петри Тамминен, прозаик Маарит Верронен, искусно работающая в жанре «фикшен»...

Я переводила на русский язык романы, стихотворения, новеллы и пьесы, в основном, современных финских писателей, которые издавались отдельными книгами, входили в сборники и антологии, немало публикаций было в литературных газетах и журналах России, Карелии и Азербайджана. И здесь мне хочется с благодарностью отметить, что журнал «Литературный Азербайджан», начиная с 1985 года, почти в каждом номере давал мои переводы с финского. На его страницах увидели свет стихи многих современных финских поэтов, романы и пьесы, литературоведческие статьи маститых финских писателей и критиков.

В последние годы я подготовила и перевела несколько антологий – «Антологию финского юмора», сборник «Финская новелла», драматургический сборник «Помолвка и другие финские пьесы», антологию «Современная финская лирика», каждая из которых была для меня и подведением определенных итогов в каждом жанре, и признанием в любви к Финляндии, к финской литературе.

В этом году исполняется 100 лет независимости Финляндии. Этот праздник будет отмечаться в стране Суоми весь нынешний год, и отмечаться очень торжественно. Запланировано множество интересных мероприятий, в том числе литературных. Конечно, это и мой праздник, и я надеюсь, что моя переводческая работа, посвященная тому, чтобы как можно больше русскоязычных читателей познакомилось с финской литературой, тоже будет воспринята как подарок к празднику.

Закончить краткий рассказ о переводе финской литературы я хочу строчками из переведенного мною стихотворения Томми Табермана, говорящими о финской душе, открытой безбрежному миру:

*Качайся, колыбель моя, качайся.
Светлы сыновьи слезы. Скоро он
уедет от тебя. Но он вернется.
Ты родила его, земля Суоми,
а мир безбрежный напоил
солёным ветром странствий
и ласточкиным сладким молоком.*

ИЗ ФИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ЕННИ ХАУКИО

Енни Элина Хаукио – финская поэтесса, автор 3 сборников стихов, а также магистр государственных наук. Уже первый ее сборник стихов «Твоя рубашка мелькнула надо мной» получил государственную премию «Руно-Каарина». В центре ее поэзии – северная природа, которую автор тонко чувствует, ее лирическая героиня как бы сливается с природой, растворяется в ней. На эту же тему поэтесса ведет колонку в газете «Сеура». В 2012 году она была удостоена премии «Про Анималия» за серию эссе о защите животных. В 2009 году Енни стала женой видного политического деятеля Саули Ниинисто, в 2012 году избранного президентом Финляндии от Коалиционной партии. Енни была в то время руководителем службы информации партии и активно участвовала в избирательной компании. С 2012 года Енни работает руководителем программы международной книжной ярмарки в городе Турку. В 2017 году, в год 100-летия независимости Финляндии, Енни издала антологию финской поэзии «Взгляни на северное небо», сделавшуюся бестселлером. Антологию составили стихи 160 поэтов – от классиков до малоизвестных современных поэтов. Несмотря на множество забот и ответственных дел, появившихся в связи с ее ролью первой леди, Поэзия, которой она была увлечена с детства, по-прежнему занимает центральное место в жизни Енни. Представляем стихи поэтессы из сборника «Ты услышишь этот зов».

Ноктюрн

Вечер, женщина и мужчина заводят сети на окуна

**морская чайка прячется
под деревянным настилом причала**

вытянувшиеся березы чахло кивают на вопросы порывистого ветра

**над заливом кружит
одинокий черный турпан¹**

**Только что родившаяся стайка трехиглых колюшек
пронзает поверхность воды**

¹ Праздник Ивана Купалы, который отмечается в июне, в день летнего солнцестояния, в Финляндии один из самых больших. Его начинают сауной, куда обычно ходят днем, чтобы быть готовыми праздновать всю ночь, когда у воды разжигают костры, пьют и танцуют. Обильная выпивка, буйное веселье и огонь в эту ночь, по поверью, приносят счастье, хороший урожай, изгоняют злых духов. Считалось, что именно в ночь Ивана Купалы появляется множество привидений и злой нечисти, и поэтому происходит много несчастных случаев – люди тонут в озерах, гибнут в дорожных происшествиях. В данном стихотворении «одинокий черный турпан» – символическое олицетворение злого духа.

окно избы индевеет от дыхания любопытной собаки.

Теплый дым нагревающейся сауны зазывает рыбаков на землю
вечер оборачивается в зеркальную неподвижную ночь

женщина стаскивает сапоги с ног мужчины

на краю прибрежного тростника покачивается захмелевшая стрекоза

В ночь Ивана Купалы березы словно жалюзи света
ветер шумит в деревьях широких оконных проемов
занавеси колышутся от врывающихся ночных бабочек.

Лесной зверь плохих снов обещает тебе беспокойную ночь
лодки исчезают в пасти нависших грозовых облаков
противоположные берега убегают от утомленных пловцов.

Отправившаяся в ранний перелет стая морских гусей
гогочет над избой
я прижимаю тебя к груди.

Больше ни одной такой ночи
когда бы я не пришла тебя искать.

Апрель

Льды поплыли туда, где наклоняется небо, чтобы поговорить с морем,
где соприкасаются вода и космос,
где облака, прогибаясь, лежат на прибрежных скалах,
а кости клуш – серебрястых чаек – усеяли тростниковую сушу.

Снег, уносящийся от робкого света, осеняет россыпь осенних балла-
стов,
опустевшие коробочки семян, где пока еще скрипит соль,
а их задевают и режут каменеющие чешуйки моря.

Унылый ветер хлещет высохший остов щуки,
мертвые стебли шелестят, притворяясь весенней травой,
дождь смывает на них седую пыльцу берез.

Это накрапывает мелодия близорукого ожидания апреля.
Сходят льды – и рождаешься ты,
ты услышишь этот зов.

Барабанные перепонки камней не выдерживают, когда море кричит
от радости,
едва солнечные лучи в первый раз пронзают лед.

Камни съезжают в сторону хлюпающей промерзлой земли,
которая, пробуждаясь, выталкивает на поверхность семена.

Понемногу лучи вытягивают наружу зеленый свет.

Чайки замечают это издали,
у них весенняя зоркость.

Потихоньку распрямляются прибрежные скалы.

Крылья клуши желтеют и –
от зимы к зиме торосы подтачивают пристань,
увлекая все дальше в открытое море.

Крадущийся с моря ливень переходит через риф,
тяжелыми взмахами крыльев серая чайка от волнореза
перелетает к дымчатым облакам,

вода призывает землю отчалить и плыть вместе,
ее капли от земли отрывают травы и влекут на скалы
мелкие камни, вращая, к голодным волнам береговой черты.

Я, молодая женщина, хвоинка в огромном мире,
я и риф, мы обветрены, мы промокли,
с каждым порывом ветра мы что-то теряем, и все же;

что-то дрожит, но не отрывается, трепещет, но
никогда не отвечает на призыв кочующей воды.

Говори, говори, докажи, что свободен
от этого красным гранитом очерченного космоса,
в который нас забросили

как камешки, летящие из рук маленьких мальчиков.

Бросай кругами в морской залив
все расширяющееся отражение,
быстро исчезающее изображение чистой формы –
песок, уходящий в песок.

Приглашай на музыку в немой фильм,
ищи слова, читая их в глазах,
ищи глаза, находя их в словах.

Кричи, что мы стрекозы в первый день лета,
семнадцатого дня.

Низкий можжевельник, гаги, облепиха,
скалы, отороченные торфяным мхом,
нескончаемый шум старого моря –

лишь этот застывший в глазах пейзаж
останется после меня,

круги от брошенного в воду камня,
пролетающее дугой совершенное счастье.

ХАННУ МЯКЕЛЯ

Ханну Мякеля – один из моих любимых финских поэтов. В Финляндии он очень известен, и не только как поэт, но и как прозаик, драматург, как яркий детский писатель. Автор не менее ста пятидесяти книг, лауреат многих премий, он недавно удостоен почетного звания академика искусств. Переведен на шестнадцать языков народов мира. Читателю я представляю переведенные мной последние стихи поэта, овеянные сдержанной финской грустью и пронзительным лиризмом.

Город пропащих

Среди этих стен многие исчезают,
часто теряют имя, зато обретают место.
Конечно, забываются лица, здания сносятся,
но остаются забегаловки и кафешки,
разговоры и звоны кружек – музыка барной стойки.
Всегдашнее «варево дня» недорого стоит.
Многие находят себя здесь,
откуда никому не извлечь их.
Пущена по кругу газета дня,
все вчитываются в редакторские откровения.
Дверь открывается,
свежие «новости» входят
и уходят,
иногда тихо-тихо, как бы в большой печали,
Вечер темный, словно картина судьбы,
когда свет пропадает и начинается ночь,
которую пропащие коротают где-то.

Как будто пропала мама

Какая жалкая попытка
человека, робко ищущего
себе подобного, нуждающегося в нем,
как будто мама куда-то всегда пропадает,
дверь на замке и в комнате темнота.
Это вырастает в чувство, такое же стойкое,
как сестрина зависть, братская ненависть,
неприязнь к каждому,
кто пытается приблизиться: из них не выйдет
верного друга, подобного собаке.
Когда это началось?
В детсаду ли, когда
у тебя отняли
ярко-синий мяч,
или когда отец задал трепку и отвернулся,
а ты побежал на улицу искать маму,
маму, пусть даже пьяную –
единственно близкого человека.

Что однажды было впереди

Иногда няня выведет на улицу –
шагаем прямою ровной дорогою в магазин.
И парикмахерша приходит на дом,
если есть деньги
и надо привести в порядок прическу.
Да и телевизор имеется – можно весь мир увидеть.
Но мне ничего не надо.
И телефон звонит, если только успеешь взять трубку.
День с утра ощущается
совсем старым.
В детстве все было немного по-другому,
будто впереди всегда
вьется радостный ветерок.

Покер

У карт спрашивают: как жизнь? –
автомат всегда отвечает,
опусти лишь в него монету –
на экране сразу появляются карты,
и меняются все медленнее.
С полной горстью жду,
но удастся потратить лишь две монетки.
И проигрываю.
Стоящие сзади смотрят,
как ложатся мои карты,
ждут с благоговением своей очереди
профессионалы счастья.

Лотерейные билеты на всю мелочь

Женщина согнута жизнью в прямой угол,
но все же ковыляет к киоску,
покупает лотерейные билеты на всю мелочь.
«Если что и выиграешь,
покуда помрешь, успеешь потратить», –
смеется она. «Я уже старая», –
добавляет зачем-то.
Кладет билеты в карман,
берется за палку, за сумку
и по улице снова бредет куда-то
вдоль стены, цепко держа ее в поле зрения.

Кафе под кленами

Лето приходит всегда не по календарю –
пьяняще цветут яблони,
томительно пахнет сирень.
Играет Шопена девочка, куколка,
это молодость. Сияние дней
еще на мгновение задерживается на воде,
затем заполняет комнату от пола
до потолка. Кофе стынет. Музыка.
Тихо, прозрачно,
не высказать словами то,
что свет не исчезает.
Знобит от этого вида,
который раньше возвышал до небес...

К.Ф.Э.Бах

(Карл Филип Эмануэль Бах, сын Иоганна Себастиана Баха)

Память музыки вне времени.
Помни, именно в это мгновение ты живешь.
Жила и тогда, когда звучали сонаты.
Сидела на диване
с горстью вишен в руке
и что-то мне прошептала.
Лишь теперь я это понял.

Вверх

Церкви, которые стояли тогда,
высились в небе.
Башни поднимались выше крыши,
на которую мы взбирались.
До сих пор меня от этой высоты шатает
а также от жизни, которая всегда
приглашает вверх, а опускает вниз.
Узкие лесенки
прочны крепились к стене,
но в них можно было застрять, как кошке,
если бояться.
Как-то, по необходимости,
я все же возвращался обратно,
но как, не помню. Помню лишь,
что самый маленький из ребят,
не сумевший взобраться по лестнице,
ревел внизу в расстройстве.
Глаза, полные слез: хотел и не смог
влезть вслед за другими, и только всхлипывал,
когда мы вернулись.
Ведь и он хотел подняться немного выше.

Посторонний

Идет мужчина в расхожем костюме,
идет с работы, садится в парке,
хватается за бутылку и пьет,
коли ему ее сунули в руки.
На соседней скамье другой,
сохнувший год за годом, утопающий в старой одежде,
Но в глазах то же бессловесное выражение,
немой вопрос тебе,
проходящему мимо.
Ускоряешь шаги, быстро стираешь
в памяти увиденную картину, не слушаешь,
ничего не хочешь знать о них, посторонних.

Суббота

Все так, как мечтается в юности,
звучит танго и девушка улыбается,
смеется, и любовь –
томление тела и человека. Правда, все просто.
Включенное радио на подоконнике,
но та, кто его слушала, отсутствует.
Белье все еще белеет во дворе,
полощутся простыни на ветру и благоухает кофе
на печке с пылающими дровами.
Суббота – была – однажды.

Однажды был молодым

Жизнь жесткая, скудная, как плата за день,
но бывала и пощеднее.
Помню качели между березами:
муравьи переползали с листьев на лицо, если
задремлешь в полете. Опускался во сне на землю,
ударяясь спиной о камень, помню
из этого сна жесткий пол в чужом городе,
далеко и давным-давно.
Спал я на нем долго, вместо матраса
стелил газеты. Я это помню, помнишь ли ты,
каково было быть молодым?
Тогда я двигался, как сущий зверь,
сам не зная, что полон силы
и воли. Жил в запутанном мире
вместе со всеми, и все же был преисполнен рвения;
что видел, то и говорил,
и никто с этим не мог ничего поделать.

Живешь

Ты живешь и замечаешь это,
счета, квитанции, сальдо-бульдо, бумаги –
колеса такого вращения.
И магазин, где твой кредит уже исчерпан.
Но твоя карта пока годится в другом,
ты на хорошем счету и тебе
платят. Как же еще можно жить дальше,
как не вместе.
Ты еще нужен
и с такими обязанностями
будешь до самого конца:
ты, официально безработный, номер 9,
торчишь на площади
которую фоткает турист,
проходишь мимо камня – царского пьедестала,
и как раз исчезаешь из объектива.

Ключ

Во дворе ждет ребенок с ключом
в кармашке, прикрепленном к рюкзаку.
Ключ от дома,
но туда нельзя идти,
в доме отец, он отдыхает.
Вон оттуда, из-за угла
раньше всегда приходила мама.
Он делает из песка домик, копает и строит,
нужно полить водою,
но ее нет,
и тогда он все топчет.
Из открытого окна
слышится тихий смех.

Кофе, который не пьют

Девушка в круглых очках читает
толстую библиотечную книгу,
уже одолела чуть больше половины.
Она помешивает кофе, но не пьет,
чтобы можно было посидеть подольше,
переставляет кусочки сдобы
на тарелке, так, чтобы выглядело картинней.
И так, кусок за куском,
исчезает день.
Ничего другого, кроме этого занятия
и успокоенных мыслей
у нее не осталось.

Он преспокойно спит

Он преспокойно спит
на ступенях Шведского театра,
в самом центре, перед кафе «Кафка»,
в ногах пестрят этикетки пустых бутылок.
Вот он –

герой финского труда.

На работу на велосипеде

И вправду, в потоке велосипедистов,
в шлеме едет мама четверых детей, мать-одиночка.
Экономит стоимость двух литров молока.
Она спешит – работа не ждет,
не спрашивает,
как ты добираться до цели.
Еще не было такой ненастной погоды,
чтобы она не крутила педалей.
Горящие светофоры переключались: ждала,
снова ехала,
объезжала медлящего,
сворачивала на углу,
не успевая оглянуться по сторонам.

Было детство

Город памяти никогда не разлетается на осколки,
стекло выдерживает удары забвения.
Запах булочки на улице
до сих пор резче любого замаха.
Машина рушит стены,
но дом все еще стоит,
я его вижу.
На столе в кухне вращалась юла,
когда не хватало еды.
И всегда, когда выходил наружу,
был двор, а за ним забор,
а за ним раздолье другого двора.
Можно было увидеть далеко-далеко
окно, светящееся напротив.

ЮРКИ К. ИХАЛАЙНЕН

Ихалайнен – талантливый поэт, переводчик, журналист, издатель, типограф. Он живет в городе Тампере, где открыл издательство «Палладиум-книга», в котором все издательские процессы целиком основаны на собственном труде поэта. Он не только сам пишет и переводит, но и выполняет все издательские и типографские работы и сам распродает тираж. Ихалайнен также много путешествует, объездил почти весь мир, совершил восхождение на Гималаи. В 2010 году он стал лауреатом самой престижной финской поэтической премии Эйно Лейно.

**Для меня человеческие жизни – мистерии.
Я – довольно простой человек.
Люди расходятся, значит – несчастье.
Путешествие, значит – приключение.
Дети – как их снять с растущего дерева?
Трагическое надвигается медленно,
когда сходит тоска, остается голая кость,
из нее можно сделать поющий инструмент.**

Хаос миновавшего

**Обугленные черты твоего лица не дают мне покоя,
дом в запустенье, ты давно уже там –
заинтригованная чужими кошельками, но твой пульс зачарован дорогой
обратно.
Я хочу тебя, любовь не размножает ее обманщиков.**

**У нас есть все, и у нас нет ничего.
Бодрствуешь ли ты, как и я, в горсти у полной луны,
мечешься ли среди землетрясений и наводнений вездесущего мирового
кошмара,
мстишь ли ты, как и я, за свое отсутствие прикосновением,
так как прошлые годы и жизни уже не приходят на память,
да и смерть – это только возможность превратиться в нечто.
Я хочу лишь тебя, к миру любовь невозможна,
я хочу лишь тебя, ах, какая тоска горит в твоих глазах,
ах, какие камушки светятся в твоих ушах.**

**Не владей ничем, не владей никем,
и не прячься за завесой мелочных будней или даже трагедий,
через сто лет все между нами будет совсем по-другому,
закрывая глаза, мы родимся снова,
может быть, уже не обманывая себя.**

Три посторонних женщины
приходят ко мне в гости
туда, где я обитаю.
Они одеты так,
словно озабочены неким делом.
Я спешу счистить гарь и сажу
с гнезда плиты
и слушаю одним ухом
про их дела.
Одна из них составляет иск
о принудительном взыскании
в суд Тампере
по моему бракоразводному делу.
Она перебирает ногами,
как будто припоминает
недотанцованный танец
молодости.
Другая мне предлагает
стопку печатной продукции, где говорится
о дружбе людей и животных,
о любви небес,
о рае и об одном дне,
который нам всем уготован.
Она очень скромна –
пучок волос и простая юбка.
Ясно, ее дело – правое.
Третья гостя еще скромнее,
чем другие,
в прекраснодушном неведении,
зачем она здесь.
Она пришла из библиотеки Нокиа
требовать уплаты долга за задержку книг,
и в руках у нее бумага,
видимо, счет. Я удивлен
всем этим. Я беру их печатную
продукцию, заталкиваю иск и счет,
и небесные писания в печку,
следом сую дрова
и скручиваю сигарку.
Я уйду, как рыба, на дно моря.
Позже, вечером,
когда огненный горизонт зажигает
огонь в очаге,
мы с библиотечной тетей
приходим к выводу,
что счет мне выписан беспричинно.

Перевод Таиры ДЖАФАРОВОЙ

МАРАТ ШАФИЕВ

ДЫРЯВАЯ КОРЗИНА, ПОЛНАЯ СВЕТА

Дзуйхицу*

*«Я знаю это самым ясным образом,
но выразить словами это невозможно».*

Эка, дзэнский мастер

*«А если по большому счёту, главное тут –
просто позабавиться. Ты позабавился? Ну и
ладушки».*

Майкл Суэнвик

Решили посидеть с дервишами в ресторане. Получилась эдакая нетайная вечеря, в Рождество разговор сам собой вился вокруг Иисуса, деяний апостолов и связей текущего момента с традицией. Когда пришло время платить по счёту, мы спросили официанта, нет ли у них скидок. «Вы можете получить скидку, если у вас есть карта нашего ресторана». «У нас нет». «Если у вас есть скидочные купоны нашей сети... Если сегодня вы празднуете день рождения». И тут мы хором выкрикнули: «Конечно празднуем. День рождения Иисуса!»

Бродяга на обочине пыльной дороги совершает намаз. Так почему не молитесь вы – благополучные? А если молитесь, то дайте честный ответ: хотите ли вы использовать Бога для благословения своих планов или вы хотите, чтобы Он использовал вас для выполнения Своей воли?

Стучит в дверь нищий, просит хлеба. И ушёл нищим – горячая лепёшка быстро тает во рту. Хорошо не догадался выпросить толику твоей любви, твоей удачи – пищи, которая насыщает не желудок, а сердце.

Есть только одна бедность – бедность духа. Эй, трезвенники и рационалисты! Возьмите весь мир в услужение, оставьте мне самую малость – вино и единственную любовь.

Однажды Бог прошептал мне заветное слово, заглушённое пролетевшим реактивным самолётом. Тогда Бог начертил созвездия звёзд, но смог и высотки большого города застили небо. Благословляющие цивилизацию, знаете ли вы: цивилизация – это скальпель, отрезающий пуповину, связывающую человека и Природу? Человек, предназначенный мёртвое превращать в живое, сам превращается в Машину.

* *Дзуйхицу* – жанр японской короткой прозы, в котором автор записывает всё, что приходит ему в голову, не особенно задумываясь о литературности.

Цивилизация ставит перед собой только разрешимые задачи, культура – принципиально неразрешимые (в чём смысл жизни, что такое счастье?).

Пророк, охотно останавливающийся в муравейнике городов, чтобы проповедовать как можно большему количеству людей, – когда же ты забредёшь в нашу глушь? Пророк, потерявшийся в неугомной толпе, найдёшь ли ты потерявшегося в пророке единственного человека?

«Почему ты всегда в Пути?» «Я ищу... А почему ты всегда дома?» «Я жду». Тогда они осторожно спросили друг друга: «А чего ищешь?.. А чего ждёшь?» И услышали одинаковый ответ: «Тебя».

«Холодный огонь в Аду – за что такая милость?» «За тот камушек, который ты не швырнул в меня в пустыне Аравии и сохранил для коллекции».

Что есть Бог? Вот это вечное вопрошание – и есть Бог. Но даже это открытие может идти дальше. Сознательно стремясь к пробуждению, мы, как ни странно, этой целью от пробуждения отдаляемся. Внутри тотальной пустоты наше существо превышает даже утончённую душу, превосходит все природные формы и действия, и восходит в безграничную трансцендентальность.

«Если вы можете провести бесполезный день совершенно бесполезным образом – вы овладели искусством жить». Подумаешь – бесполезный день. Меня интересует практика бесполезной жизни.

Айвовое дерево старого двора – поливают нижние соседи, плоды срывают – верхние.

Мы испытываем воздействие космической ударной волны. Кто скажет: это удар из прошлого, ведь Большой Взрыв произошёл миллиард лет назад, или из будущего, ведь наша судьба уже была определена миллиард лет назад?

Днём беседку оккупируют дети, вечером – взрослые. Порою кажется – это одни и те же люди.

Ветка дерева, царапая стекло, хочет привлечь моё внимание. Сломал руку дерева. Стекло дороже.

Прежде бродили по пустым магазинам в поисках конфет и колбасы. Вот она – разных сортов колбаса, скворчащая и вкусно пахнущая на сковородке. А счастья как не было, так и нет.

Я, конечно, ходил строем и орал маршевые песни, и соглашался умереть за Родину; а если ненароком вольно выставлял ногу или на одну дырочку расслаблял ремень, пуговицу на рубашке, то меня сажали в карцер, в нужнике гнобили. Но всё равно я был свободен – катая тачку, землю копая, я научился думать по-другому, выпускать в небо светлые голуби стихотворений.

А Истина – проста и ужасна, как гроб. Искусство – тот же опиум, та же религия, спасающая нас от Реальности, смягчающая удар легкомысленными завитушками. А если уклоняться от удара не хочется? Тогда тут не до литературы.

Силе бытия человек противостоять не может, но самое интересное – его выбор. И дело литературы – рассказывать именно об этих исключительных случаях, когда расплющенный, обмирающий от страха человек продолжает жить.

Критик видит в тексте художественность, редактор – грамматику, а читатель видит фигу, которой тычет ему в лицо автор.

Свои тексты я показывал Мастеру, но тот всегда оставался недоволен: то неправдоподобием; то плохо прописанным образом; то недочерпанностью темы, когда в ведре, брошенном в колодец – всё вода, а не донный песок; то корявым предложением; то пропущенной запятой. Наконец, это надоело, и я отправил повесть прямо в журнал. Учитель прочитал и сказал: «Вот рука мастера. Когда интересно, уже не важен технический приём».

Процесс создания рассказа должен походить на то, как из огромного количества виноградных гроздьев выжимается тонкая кровавая струя. Вино ещё должно отстояться, чтобы приобрести душистость. А кожуру бросьте птицам – ничто не пропадает втуне.

Перечитай себя, а потом пиши по-другому.

«Мои последние...» «Никогда не говори: последние». «Мои крайние стихи».

А что женщина? Сладость её горька и поцелуй – ядовит. И рождает она новую Вселенную на счастье, а оказывается – плодит новые страдания. И ночь с женщиной – потерянная ночь для молитвы.

Любовь к женщине – слабое подобие любви к Богу. Но любите женщину, чтобы понять, к какому состоянию надо стремиться...

«Скажи, что любишь меня». «Сказать в сотый раз?» «Не надо в сотый. Скажи в сто первый».

Как можно желать вечной любви, когда сам не вечен? Как можно бояться что-то потерять, когда сам человек давно потерян?

Бежит вдоль стены, ощерив зубы, гладкошерстная, с толстым хвостом – ужасная в своём уродстве. Инстинктивно хватаю кирпич. Крыса оборачивается, и в её человеческих влажных зрачках я читаю: «Как же так, брат мой?!»

Старый отрывной календарь из кладовки. Почему-то целый. Как тот год прожил – не вспомню.

До послезавтра. Завтра – Конец Света.

«Как ты себя чувствуешь?» «Что-то мёрзну. А что ты хочешь – зима. К тому же у стариков кровь движется медленно. Не стоит беспокоиться, я же говорю – всё хорошо... Только не зимой – снова нить косточкам в стылой земле... Нет, не то. Рождённая в метель, прошла войну и голод... Только в последний год справили маме пальто.

На городском кладбище могилы в горку, а дома – сверху вниз. Скоро столкнутся. В битве за пространство. В последней битве за выживание.

Ресторан на кладбище – вот метафора нашей жизни.

Сначала была наша могила. Потом они отгородили участок. Так и шли, чередуясь потерями – кладбищенские соседи – по жизни. Точнее, по смерти.

Я купил кладбищенскую землю, посадил возле могилы три ёлки. Потом появилась вторая могила. Третья ёлка не принялась, засохла. Вот и приходится жить.

На кладбище могилу друга долго ищу. Всё равно найду – куда он денется.

Надпись на плите самоубийцы: он застал Смерть врасплох. Или: Смерть застала его мёртвым.

Презерватив на заброшенной могиле – победа жизни над смертью.

Жизнь на экране погасла: чай с бергамотом, фильм Бергмана, сигаретная пачка «Пегас», жёлтый томик Басё... Я показал вам любовь, войны, землетрясения – ещё одна жизнь утекла. В тёмном небе остаётся молчаливая серебряная Луна.

Выпей стакан воды с бликами света; пусть тебя печёт прогорклое солнце моей смерти.

Любовный треугольник: я, ты и Интернет.

Гибель мира. Да здравствует Интернет!

Я ещё покажу себя – не в литературе, это пустяк. Я совершу нечто такое, что, как сотворение мира, задаст великую загадку философии.

И если жизнь – это биохимия, а мысль – форма энергии, тогда остаётся последний вопрос: зачем эта Любовь?

Я вижу смерть чужого существа, своей смерти я знать не могу. Следовательно, я есть всегда.
